

№ 4 ДЕКАБРЬ 1989

Цена 1 р. 50 к.

ISSN 0235-6864

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

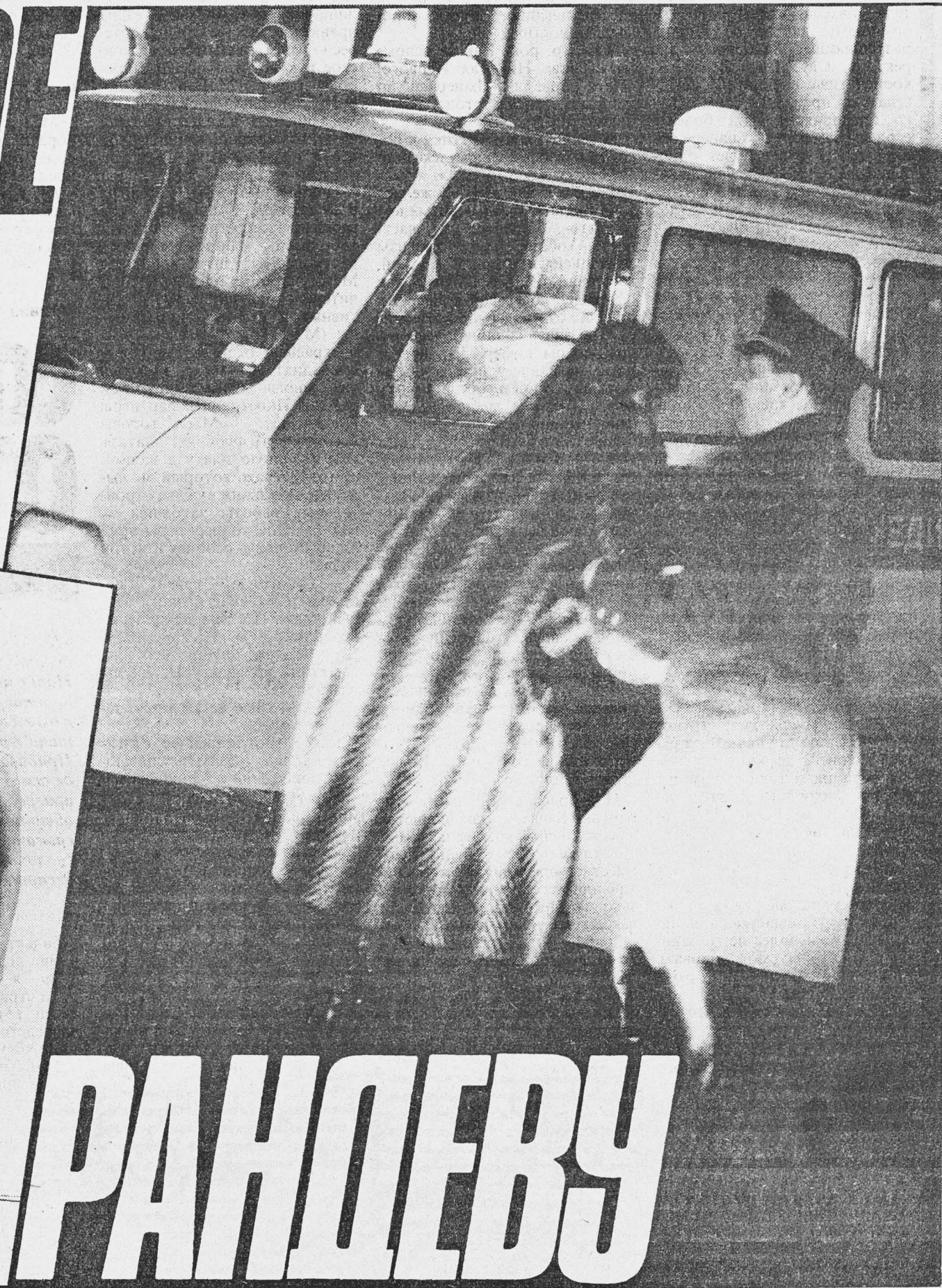
ПРИЛОЖЕНИЕ К ИЗДАНИЮ МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ МАДПР «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА»

НОЧНОЕ

В те все еще благословенные для многих времена, когда и «цены снижали», несчастные девочки, запуганные садистами из госбезопасности, отдавались заокеанским офицерам в гостиничных номерах «Метрополя».

В стране «развитого социализма», где не было, оказывается, «социальной базы» для древнейшей профессии, многие добровольно выбирали панель для высокогонорарной «ночной охоты»...

Тишина бессонных будуаров созвучна Большому Молчанию, которым наша земля была поражена в годы правления «вождя народов». Только учась свободно говорить, видеть и слышать, можно начинать думать о творении по-настоящему чистого общества.

РАНДЕВУ

■ Петр КАПИЦА: «О вреде, приносимом цензурой...» — стр. 6

■ Вчера узник — сегодня депутат Сейма. Интервью с Адамом МИХНИКОМ — стр. 17

■ Лев ТРОЦКИЙ. О побеге из сибирской ссылки — стр. 15

1. Я привел эту цитату Ильича не для того, чтобы запугать читателя яростной резкостью ленинских формулировок: просто-напросто вопрос о волоките не только не снят с повестки дня, но, наоборот, сделавшись раковой опухолью нашего общества, ибо с нею, с волокитой, смирились, как с явлением постоянным, начиная с думных еще дьяков, с XVI века.

Стоит спросить любого директора завода, сколько подписей ему нужно собрать, чтобы помочь выходу из кризиса нашей экономики, — то есть, например, реконструировать старую линию; сколько требуется виз для головастого руководителя совхоза, чтобы работать по-новому, каково со сбором разрешающих закорючек директору СМУ, председателю кооператива, арендатору, председателю правления совместного предприятия, кои болеют сердцем за разруху в нашем общем деле, — ответ будет однозначным: в лучшем случае двадцать, в худшем — пятьдесят, да еще неизвестно, каким будет окончательное решение.

...Американская фирма «Рэд эпл» ворочает миллиардными оборотами, располагая сетью гигантских супермаркетов, где можно купить все: от колбасы и сыра до обоев, гвоздей, клея, мыла.

Руководство фирмы обратилось с предложением: в течение девяти месяцев «Рэд эпл» строит в Москве супермаркет, где восемьдесят процентов продуктов за рубли, двадцать — за «твердую» валюту. Большинство товаров привозится из США, часть закупается — по договорным ценам — у колхозников, арендаторов, совхозов, «архангельских мужиков».

Я позвонил в соответствующие ведомства и получил разъяснение: по ныне действующему порядку иностранная фирма не имеет права на сделку, превышающую 100 000 наших полновесных, бумажных, неконвертируемых рублей.

Забастовки свидетельствуют, что терпению трудящихся приходит конец, дефицит продуктов питания, а точнее, дефицит всего лихорадит страну, но существует ее величество инструктор: «не более сто тысяч». Точка!

В кризисные времена любому государству архинесобходимы интеллектуальные силы «быстрого реагирования», а наши госмечтатели более всего заняты тем, чтобы смоделировать избежание негативных вероятностей в будущем.

Время, однако, такое, что думать надо о настоящем.

Сто (ладно, тридцать для начала!) супермаркетов такого рода хоть в какой-то мере снимут напряженность, которая ныне подобна натянутой тетиве; последствия трескучего разрыва такого рода тетивы — непредсказуемы...

...Почему созданные совместные предприятия работают не в полную нагрузку, а часто и попросту распадаются?

Потому что Система, противостоящая им, работает навыками прошлого, все наши призывы покончить с административным командованием остаются словесами, и будет это до тех пор, пока процедура создания и деятельности совместных предприятий не будет упрощена до пределов разумных.

Снова обращаюсь к Ленину: «Собрать все сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы бюрократической... По-моему, нам теперь поучиться у Европы и Америки самое нужное».

Или: «Как подойти к социализму? Не иначе, как через н.э.п... Смешанные общества: учеба».

«Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат... ибо при этой системе работают рядом и иностранный и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков...»

И еще: «Пользоваться смешанными обществами, чтобы серьезно и длительно учиться, — таков единственный путь к восстановлению нашей промышленности».

Что это, рок? Как не вспомнить слова Николая Первого: «Не я управляю Империей, но тридцать тысяч столоначальников...»

Я — противник мистики и роковой неизбежности. Александр Довженко как-то сказал: «Смотрите в лужи, в них тоже можно увидеть звезды». В малом сокрыто большое, в частности — общее. Я вижу трагизм нынешней ситуации и в такой, казалось бы, «мелочи», как оформлен советский конверт: в отличие от конвертов всего мира, где сначала пишется фамилия, потом номер квартиры и дома, название улицы, а уж затем идет город и государство, у нас на первом месте государство, затем город и улица, и лишь на самом последнем месте — личность. Отсутствие гарантий для личной инициативы, пресс государства (а им руководит аппарат), заставляет людей прилипать к учреждениям, где можно сидеть за столом и не работать, — так или иначе зарплата, хоть и мизерная, — гарантирована. Инициатива — рискованна, лишена правовых гарантий, чревата... Выдающийся русский промышленник Морозов потратил три года на пробивание проекта строительства одного из своих заводов, а уж сколько взятков всучил сотням комиссий — не сочтешь... Многое ли изменилось с тех пор?

Повторяю: Личность — гарантии Банка и специалистов высочайшей квалификации — создание Дела, — будь то совместное предприятие, кооператив или ассоциация нескольких заводов. Чем скорее из нашего лексикона уйдет понятие «поставщик» (который всегда чего-то недодает), чем скорее он волеется в Ассоциацию или Концерн, тем скорее мы сможем сдвинуться с места — не на словах, а на деле.

И давайте, кстати, спросим себя: кто и каким образом смог вывести из перестроечного лексикона понятие «силы торможения»? Кто убрал «ускорение»? Кто положил табу на горбачевское: «что не запрещено, то разрешено»? Вопросы эти отнюдь не риторические...

И снова я нахожу ответ у Ленина:

«Все у нас потонуло в бюрократическом «болоте» ведомств. Большой авторитет, ум, рука нужны для повседневной борьбы с этим. Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все».

2. Сколько прекрасных особняков — шедевры русской архитектуры — стоят полуразваленные, с облупленной штукатуркой.

А после этого давайте взглянем в ведомства, которые регистрируют иностранные фирмы, готовые начать с нами бизнес. Гостиниц в Москве куда меньше, чем в любом провин-

циальном городе США. Строим медленно, разгильдяйски. Следовательно, разворачивать работу «смешанных обществ», у которых — по Ленину — нам надо учиться, — негде: в двух комнатах с одним телефоном бизнес не развернешь! Ну а если восстановить все полуразрушенные особняки Москвы, западные партнеры готовы это сделать на свои средства — за право аренды части помещения с ежемесячной выплатой валюты за каждый метр. Тогда и работа закипит, да и столица наша обретет цивилизованный вид. А пока что у нас можно ездить, не страшась сломать автобус или такси, лишь по тем трассам, где ездит правительство. Было бы интересно узнать, как часто московское руководство посещает рабочие районы Москвы, где дороги подобны фронтовым, а магазины — с веселыми витринами, измалеванными показушным изобилием, — напоминают продуктовые морги?

Нашим выпускам «Детектив и политика», Бюллетеню «Совершенно секретно» и другим творческим подразделениям Московской штаб-квартиры Международной Ассоциации литераторов, пишущих детективные и политические романы (МАДПР), выделен дом — прекрасный особняк конца восемнадцатого века, который уже многие годы гнил, — безхозный. Иностранные партнеры предлагают: «Мы готовы восстановить особняк, платить вам арендную плату в валюте за тот метраж, который выделите под наши нужды, строительные работы закончим за год». (Наши кооператоры вряд ли восстановят особняк и за три года).

— Субаренда? — грозно вопрошает безликий начальственный дядя. — Не дам, не пушу, не позволю!

— Что ж, пусть особняк, памятник архитектуры, совсем развалится?

— А это нас не касается, закон есть закон.

Какое кошмарное единство двух взаимоисключающих положений в одной фразе!

Как тут не вспомнить Владимира Далея: «Не было б закона, не было б преступника». Впрочем, если исходить из его же, Далея, основополагающего разъяснения, что есть «закон», то мы сразу же заметим противоречие: с одной стороны, это — «предел, постановленный свободе воли или действий», а с другой — «неминуемое начало, основание».

Историю править невозможно, в ней и только в ней выражен характер народа, его подвиг и трагедия; коррективы же — наподобие «дополнений» к Конституции США — вносить нужно и должно. Что важнее «предел» или «неминуемое начало»? По-моему, ответ для всех однозначен.

Гниют и рушатся архитектурные памятники Москвы, а «предел, постановленный свободе», мешающий сделать Первопрестольную красивейшим городом мира, вернув человечеству ее прекрасные дома и улицы, — до каких пор будем терпеть ужас бюрократического гнета, когда отменим «предел свободной воле»?

3. Во время визита Горбачева в Бонн я встретился с моим давним приятелем Питером Бенешем, в прошлом директором крупнейшей газеты «Ди Вельт», заместителем Шпрингера (разошелся с ним круто), статс-секретарем информации в кабинете Коля. Обсуждали мы на этот раз только одну идею: восстановление в Москве Немецкой слободы.

В последний день визита две крупнейшие газеты ФРГ опубликовали развернутые информации об этом нашем проекте. Во время пресс-конференции мне не удалось задать вопрос советскому лидеру об этом уникальном проекте; у ведущего не нашлось для меня времени, а может какие другие причины помешали тому, чтобы эту сенсацию — с помощью ТВ — сделать общеевропейской.

После пресс-конференции я спросил Горбачева, как он относится к идее создания акционерного общества, которое восстановит в первоизначности один из уникальнейших районов Москвы.

— Это было бы историческим событием, — ответил Горбачев.

— Можно рассчитывать на поддержку?

— Бесспорно.

Может быть, товарищ Сайкин обратится к изучению такого рода проекта и внесет свои предложения?

(Я, впрочем, с ужасом вспоминаю термины типа «ТЭО», вижу сотни кабинетов, которые придется обойти для получения

бездельем (или — хуже того — саботажем) одних и работой (порой невероятно вялой, апатичной) других.

И потрясло меня то, что понятие «работа», «работник» наш великий ученый выводит от слова «раб, невольник, крепостной, человек, обращенный в собственность ближнего своего, состоящий в полной власти его; рабами писались сами, в унижении своем; в просьбах царям, князьям, даже вельможам, подписывались рабами, рабишками... Приводит Даль и пословицы: «От работы не будешь богат, а будешь горбат», «Одна работа не кормит»... И далее: «Рабочий дом — исправительное, карательное заведение, где присужденные работают под затвором»... «Рабочий день — казенный, летний — 12 часов, осенний — 8 и 10, фабричный — от 12 до 14». (Это — для патриархальщиков, которые идеализируют Русь прошлых веков.)

А в каких еще языках, подумал я, понятие работа берет свое начало от «раба», «рабства»?

У англо-американцев «рабо-

Юлиан СЕМЕНОВ

СОВЕРШЕННО ОТКРЫТО-2

«Надо не бояться гласности... Мы не умеем гласно судить за поданную волокиту: за это всех нас и Наркомюст надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это по делу м повесят. ... Почему не возможен приговор типа примерно такого:

Придавая исключительное значение гласному суду по делам о волоките, выносим на этот раз мягчайший приговор ввиду исключительно редкой добросовестности обвиняемых, предупреждая при сем, что... впредь будем сажать за это профсоюзную и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выскажется) в тюрьму беспощадно...»

начальственных закорючек-виз, и мне делается страшно. Не за себя — я старый уже, с возрастом страх теряется — за наших детей, которым мы передаем в наследство Отечество...)

Не хочу уподобляться многочисленным плакальщикам, которые лишь критикуют происходящее. Вношу предложение: создать при Верховном Совете Комиссию (или Подкомиссию) по делам Совместных Предприятий, ибо человек, бюст которого стоит в зале заседаний нашего Парламента, однозначно и категорично требовал от нас учиться работать у зарубежных партнеров, — мы отстали от Запада и Востока (я имею в виду Японию, Южную Корею, Гонконг) не на годы, а на десятилетия. И первым актом такого рода должна быть немедленная и безусловная децентрализация неподвижно-громоздкого, заржавелого «утверждающего механизма», который на деле тормозит развитие экономики, а никак не помогает ей.

4. Хотим мы того или нет, но и строитель, и бюрократ в равной мере считаются людьми работающими.

Я снова обратился к Далею. стараясь понять, в чем же разница между беспомощным

та» — «уорк», «раб» — «слэйв», ничего общего в корнях нет; у немцев — «арбайт», «раб» — «склав»; у французов — «травай», к понятию «рабства» также никакого отношения не имеет.

Может быть, историки и социологи просчитают эту поразительную версию идентичности «работы» и «рабства», рожденную трагизмом нашей истории? Может быть, общественное желание не дать рабочему человеку получить деньги по конечному труду, есть традиция? Может, пришло время всерьез заняться социологическим рассмотрением нашей истории, чтобы до конца понять и провал реформы Сперанского, и яростное противодействие сановников отмене крепостного права, и убийство Столыпина, который решил сделать крестьянина самостоятельным фермером, вольным в своих решениях, — вне приказов управителей и помещиков, всех тех, словом, кто обладал счетами в банках и реальной властью, не зная при этом смысла работы?

Россия всегда жила решением Столицы; местные власти были исполнителями монаршей воли, любой проект замыкался на

Санкт-Петербург.

Нам и эта традиция передалась!

Власть народа — власть Советов! Но ведь ни один поселковый Совет не вправе принять решения, не согласовав его и не утвердив с Советом районным, — где же тут власть народа? Или в поселках не народ живет? Где начинается отсчет «народа»: с поселкового Совета или с Кремля? Когда мы научимся верить Народу?

Ждать новых забастовок? Расписывать в газетах, как прекрасно забастовочные комитеты держали порядок в городах? Верно, наши шахтеры наконец провели реальный раздел между понятием «раб» и «рабочий». Но не лучше ли именно Москве дать поселкам, районам, городам, — не говоря уж о республиках, — полную экономическую самостоятельность? На эксперименты времени нет. Забастовщики показали, что именно они, а не местная власть могут управлять ситуацией.

Неужели этого урока недостаточно? Не пора ли создавать по всей стране Ассоциации и Объединения? Например, шахтеры, металлурги и железнодорожники, — все, что реализовано ими сверх выпущенного госзаказа идет именно рабочим коллективам, их Советам, — с них и спрос, а не с Москвы... Управлять экономикой гигантской державы из единого центра невозможно, полагать, что можно свести все планы, соединить их воедино и ждать после этого выхода из экономического тупика. — маниловская утопия. Рынок, оборот, предпринимательство, инициатива на местах, не связанная кандалами нормативных актов, — в этом мне видится надежда на выход из кризиса. Но, увы, «писатель пописывает, читатель почитывает»... Решительные и однозначные меры по децентрализации экономики и придания реальным исполнительским функциям местным Советам до сих пор не приняты. Чего ждем?

5. В журнальных публикациях последнего времени все чаще появляется трагический вопрос: «А что может случиться, если мы проиграем Перестройку?» Дается однозначный ответ: грянет тоталитарная диктатура пострашнее сталинской.

Сторонники Сталина, как правило, мифотворцы, люди малоинтеллигентные, часто — необразованные (сужу по количеству ошибок в их письмах). Они, эти сторонники государственного ужаса, оперируют былинами: «При Сталине каждый год цены снижали! При Сталине преступности не было! При Сталине магазины были завалены товарами, и икра стоила всего сто шестьдесят — по нынешнему шестнадцать рублей».

Почему бы нашему Госкомстату не привести наконец реальные данные сталинской поры? Почему не просветить тех, кто заблуждается, — о фанатиках говорить не стоит, форма неменяемости.

Но ежели, не дожидаясь, пока раскачается Госкомстат, сказать, что в сталинское время в концлагерях и ссылках находилось не менее сорока миллионов, все крестьяне были приравнены к рабам и лишены паспортов без права выезда в город и голодали в своих деревнях, — а это примерно семьдесят миллионов, — то окажется, что в городах в те годы жило не более сорока — пятидесяти миллионов, в то время как сейчас — более двухсот.

И несчастные Иваны и Матрены кормили эти сорок — пятьдесят миллионов, сами не ведая вкуса масла и колбасы с сыром, — «фины» отбирал все,

подчистую, хуже баскаков во времена ига. И так, пятьдесят миллионов горожан жили припеваючи? Неверно это. Была еда в Москве, Питере, Киеве, столицах республик. А многострадальная Пенза, Гомель, Херсон и Сызрань и тогда жили на скуднейшем довольствии.

При Сталине снижали цены? Верно. Каждый год. Но в этот же день на всех заводах снижали расценки, завинчивая гайки полурабского труда еще круче.

Почему-то никто из сталинистов не хочет вспомнить, что за анекдот, который сейчас весело рассказывают в троллейбусе, не только «язычник», но и все его соседи получили бы по восемь лет лагерей — без суда и следствия, — по решению Особого Совещания.

Почему-то никто из сталинистов не хочет вспомнить про пакеты, которые получала вся номенклатура, — несчитанные деньги, благодарность за рабью готовность уничтожить, арестовать, растоптать каждого, кто осмелился бы слово сказать против «великого друга физкультурников, пожарников, детей, выдающегося корифея науки, стратега, экономиста, филолога, генералиссимуса и отца родного»...

Почему-то никто не хочет вспомнить про воровские бандформирования, вроде «Черной кошки», которые терроризировали страну, про хулиганские малины, про миллионы стариков и старух, получавших пенсию в размере трех—пяти рублей в месяц, полное отсутствие туризма, уродливость казармшкола для мальчиков и девочек, тотальная ложь в обществе, когда (чисто по Оруэлски) миллионы обманутых дружно скандировали: «Ложь — это правда! Преступник — это святой! Тюрьма — это санаторий!»

Пора бы Госкомстату и другим ведомствам раскрыть свои совершенно секретные архивы и показать народу, каким был рацион питания подавляющего большинства народа, сколько радиоприемников находилось в пользовании трудящихся, холодильников, велосипедов, стиральных машин, телевизоров, автомобилей, мотоциклов, мопедов, зимней обуви, цивилизованного женского белья.

Ни одна газета в сталинские времена не печатала ни слова о преступности: проституции, хулиганстве, бандитизме. Считалось: «Социализм не имеет социальной базы для преступлений!» Не печаталось ни единого слова о коррупции — «такого не может быть в социалистическом обществе!». А ведь группа Брежнева — Черненко и Щелокова еще тогда правила Молдавией по законам мафии, что не помешало Сталину выдвинуть Леонида Брежнева кандидатом в члены Президиума ЦК на XIX съезде — на том самом съезде, когда Сталин — при слепых овациях обольщенного народа — окончательно покончил с понятием «большевизм», переименовав партию так, как к тому вели его имперские амбиции.

Политика — наука взвешенной смелости, которая не прощает двусмысленных и — особенно — запоздалых решений.

После Кронштадтского восстания Ленин в плане своей речи о нэпе писал бесстрашно, яростно, однозначно, думая не о реакции «революционных идеалистов», но о судьбе страны: «...Чем можно экономически удовлетворить среднее крестьянство? Мелкого товаропроизводителя?

а) свобода оборота = свобода торговли (= свобода ка-

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

Татьяна КОРЯГИНА, экономический обозреватель «Совершенно секретно»

«ТЕНЕВЫЕ МИЛИАРДЫ»

Подкуп должностных лиц, массовые приписки, привлечение уголовных элементов для сотрудничества, создание отлаженной системы снабжения и сбыта, круговая порука и многое другое — это все то, без чего невозможно само существование теневой экономики. Сам термин — теневая, скрытая, нелегальная — отражает наше житейское отношение к этой части советской экономики. Признаюсь, у меня, экономиста, который давно занимается этой проблемой, двойное чувство к теневой экономике. Я отмечаю и позитивное начало в рамках этого бесспорно негативного явления.

Сегодня потребитель получает зарплату, каждый пятый рубль которой не обеспечен товарами и услугами. Хранить деньги в сберегательном банке, когда инфляция составляет до 10 процентов ежегодно, а банковский процент возмещает только треть усугубленных девальвацией денег, — нет смысла. Что остается? Надеяться на чудо? Ждать лучших времен? Вот тут-то и проявляется позитивная часть того негативного явления, о котором мы говорим, — дать потребителю, возможно, уже сейчас, хоть как-то жить в рамках нашей совершенно абсурдной официальной экономики. Хотя такая экономика совершенно логична среди абсурдности самой социальной формации. Думаю, нам понадобится не год и не два, и даже не десяток лет для того, чтобы подойти к экономике здравого смысла.

Но вторая сторона проблемы не менее очевидна: мы незаметно деградируем совместно с этими подпольными дельцами. Происходит быстрая девальвация нравственных ценностей. А этот процесс, в свою очередь, через своих носителей еще больше разрушает экономику. Человека кормят не руки, не ремесло, не интеллект, а место, которое расположено у «магистралей» распределения и перераспределения материальных благ. Зачем же честно и качественно трудиться, если результаты труда не имеют влияния на качество потребления? Нравственный коллапс. От него два шага до «закона джунглей» и натурального обмена: ты — мне, я — тебе.

Новую экономическую политику, которую только начинает осуществлять страна, необходимо уберечь, помимо прочего, от втягивания в коррупционный ствол. Для этого надо осознать прочность теневой экономики и силу ее влияния на социально-экономическое положение государства.

Для построения рыночной экономики понадобился самостоятельный товаропроизводитель: под эту идею вышел «Закон о кооперации». Кооперация мгновенно попала под влияние коррумпированных элементов — кругом пошли взятки. По моим расчетам, в 1988 году теневая экономика легализовала свои доходы примерно на 0,8 млрд. рублей; одновременно примерно на 1,4 млрд. возросли теневые обороты — за счет рэкеты, взяток, укрывательства выручки, использования известных слабостей налогообложения и т.д.

Попробуем оценить возможности теневых акционеров. По моим расчетам, после последней денежной реформы общий объем капитала всех, кто занимался административ-

ными, экономическими и прочими процедурами, составляет сегодня где-то от 200 до 240 млрд. рублей (в деньгах и материальных ценностях). Много это или мало? Для сравнения приведу еще одну цифру: накопленное домашнее имущество населения РСФСР, а это — 147,5 млн. человек, оценивается Госкомстатом России в 265,8 млрд. рублей. Так что условно можно сказать, что теневая экономика страны способна купить все ценное имущество граждан крупнейшей республики.

Кроме того, я думаю, теневая экономика не ограничивается границами страны: советские рубли переводятся в конвертируемую валюту и ложатся на счета в западных банках. Там набегают приличные проценты — идет самовозрастание капитала. Это не так безобидно: логически встает вопрос о политизации определенной части элементов теневой экономики. Более того, развитие событий должно приводить к полной политизации коррупции, даже к захвату власти. От того, чья власть, напрямую зависят сохранность капитала, свобода и имидж воротил теневой экономики.

Теперь соотнесем это с событиями в различных регионах страны. Этническая напряженность становится взрывоопасной. Национальные вопросы, сплетенные в один клубок с прочими социально-экономическими проблемами, явно не могут быть разрешены моментально. Массы питаются иллюзиями, что с уходом «чужих» нацменьшинств с их земель жизнь автоматически станет улучшаться, будто разрушение — лучший способ создания нового.

В рамках такой дестабилизированной ситуации можно ожидать различного рода провокаций от коррумпированного элемента. Что, кстати, уже и наблюдается сегодня. Капитал накоплен, ему все равно, под какими лозунгами выступать: «Долой бюрократов» или «Гони инородцев», лишь бы не пошатнулись основания теневой экономики. В такой крупной игре жизнь конкретного человека уже не принимается во внимание.

Нынешние условия, когда экономические реформы еще только начинают набирать силу, более подходят дельцам теневой экономики, нежели свободным легальным предпринимателям. Последним трудно получить в аренду надел хорошей земли, нельзя вернуться от поборов всевозможных надзирателей, трудно зарегистрировать устав, сделать печать, открыть расчетный счет, найти помещение, получить кредиты... Другое дело, если за спиной теневые деньги — надежная опора в решении многих трудностей хозяйственного порядка. Как тут конкурировать?

Нормальные рыночные отношения должны развиваться по экономическим, а не политико-догматическим законам. Только свободный рынок конкуренции позволит наконец людям делать ту работу, что сейчас под запретом. Нельзя активных, сметливых, расчетливых работников чуть ли не силком толкать в теневую экономику. Достаточно нам многомиллионный контингент прошедших школу тюрем и лагерей за хищения и приписки, которые лучше любых колледжей подпитывают кадрами теневую экономику.

БЫТЬ ЛИ НАШЕЙ АРМИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ?

Мне, еще совсем недавно профессиональному военному, отдавшему воинской службе почти 15 лет своей жизни, хотелось бы поделиться некоторыми мыслями о возможных путях реформы нашей армии. Я уверен, что в основе формирования современной армии должен лежать принцип добровольности. Государству с оборонительной доктриной — а именно так мы понимаем наше будущее — ни к чему содержать столь многочисленную регулярную армию. Защита Отечества — дело профессиональное, а всеобщей обязанностью это должно стать только в случае прямой угрозы его безопасности. Итак, профессиональная армия, комплектуемая только на добровольной контрактной основе. К сожалению, наша армия сегодня не готова к тому, чтобы стать профессиональной. На этом пути предстоит сделать многое, но некоторые мероприятия, мне кажется, можно было бы провести уже в ближайшее время.

Во-первых: улучшить техническую оснащенность войск, значительно поднять уровень разработки новых образцов техники и вооружений. Для этого необходимо избавиться от диктата оборонной промышленности. Сложившаяся практика отношений позволяет предприятиям делать то, что они умеют, а не то, что армии нужно. Похоже, однако, что такое положение устраивает обе стороны. Компромисс вознаграждается высокими званиями лауреатов, правительственными наградами и просто денежными премиями «за разработку, испытание и внедрение новых образцов военной техники и вооружения».

Во-вторых: изменить кадровую политику и систему подготовки командного состава. Для этого: а) прекратить пополнять офицерский корпус за счет призыва выпускников гражданских вузов и «вербовать» студентов старших курсов институтов в военные училища. Завидная доступность и лег-

кость получения диплома военного инженера дискредитирует саму идею подготовки военных инженерных кадров высокой квалификации, а отсутствие конкурса пополняет армию далеко не лучшими представителями молодежи;

б) расформировать все военные академии (их в одной Москве, кажется, восемь), за исключением Академии Генерального штаба. Создать на ее базе высшие офицерские курсы с филиалами, где готовить командиров батальонного и полкового звена с последующим назначением на должность. Давать слушателям конкретные, необходимые для данной категории командиров знания, что позволит ужать сроки обучения от трех лет до шести месяцев. Нынешняя система образования позволяет учиться 8—10 лет, или четвертую часть всего срока службы, при этом иметь преимущества служебного роста перед теми, кто учился только 4—5 лет. Однако учиться — это не служить;

в) для преодоления протекционизма необходимо, чтобы кадровые органы отказались от подбора офицеров по анкетным данным и телефонным звонкам. Перспективу службы офицера должен определять только командир и нести за это ответственность. Кадровым органам оставить учетные и справочно-информационные функции, что позволит значительно сократить их состав, а за счет этого создать разветвленную социологическую службу.

Думаю, мы могли бы использовать опыт Китая. В китайской Народно-освободительной армии все обеспечивающие подразделения, научные организации, кадровые органы переведены на положение вольнонаемных.

В-третьих: поднять престиж военной профессии, сделать службу в армии привлекательной для молодежи. Чем должна привлекать молодежь армейская служба? Прежде всего, на- верное, высокой физической культурой военнослужащего; гар-

моничным физическим и нравственным развитием; высокой социальной и правовой защищенностью. А что мы видим сегодня? В городах семьи военнослужащих годами живут, не имея своего жилья и прописки, жены не могут устроиться на работу, детей невозможно устроить в школы и детские сады. Корни этой проблемы — в отсутствии юридического статуса военнослужащих. Государство не гарантирует им социальную защищенность. Жизнь и служба офицера регламентируется ведомственным документом под названием «Положение по прохождению воинской службы», но не законом СССР. Не потому ли стало возможным то, что Министерство обороны практически сбросило с себя бремя заботы о раненых в Афганистане, отвернулось от пенсионеров-военнослужащих, вынужденных после 30—40 лет службы скитаться по углам в чужих городах в ожидании квартиры, часто отдавая за 2—3 года такого ожидания все свои сбережения.

В-четвертых: специфика армейской службы — в исполнении приказов. Она не может быть совместима с законотворчеством. Положение военнослужащих в обществе делает бессмысленным их участие в избирательной кампании. В самом деле, чьи интересы будет защищать военнослужащий депутат? Свои личные или своих семей? Но люди военные гражданской жизни практически не знают. Военнослужащие не должны заниматься политической деятельностью, избирать и быть избранными.

И последнее: давно пора, мне кажется, поставить на юридическую основу взаимоотношения воинских частей и местных органов власти. Территории для воинских частей и объектов местные Советы могли бы отводить за арендную плату и под соответствующие гарантии, обеспечивающие соблюдение санитарно-гигиенических и экологических норм.

Таковы, на мой взгляд, некоторые меры, к осуществлению которых можно приступить уже сейчас на пути к созданию демократического правового государства с сильной профессиональной армией, готовой в случае необходимости защитить интересы всего нашего многонационального государства.

Олег ПОДГОРЕЦКИЙ,
майор запаса, Москва

СУХАРИ В МУНДИРЕ

Евгений ДОДОЛЕВ

Об этой истории с явным привкусом анекдота я узнал совершенно случайно от знакомого журналиста из Киргизии, которому написать о призывном казусе не позволили. Восемнадцатилетнюю девушку военкомат настойчиво бомбил повестками. Поскольку едва ли не весь аул оказался в курсе забавно-тревожных разборок, призывница отправилась таки на сборный пункт. Коротко постригшись и... сбив усы. Впрочем, про усы я присочинил, честно говоря. Эффекта ради. А дело было так.

Сметливый чабан в свое время зарегистрировал должного наследника как особу женского пола. И, видимо, с этим самым «призывным» прицелом: чтобы в положенный срок джигита не «забрили».

Почему мы сегодня так обеспокоены отношением к армии наших молодых сограждан и их родителей? Раньше в армию «шли», а теперь «забирают». Генералу, пожаловавшему мне на такое смешение доблестных представлений о ратном труде, я рассказал, как рушится авторитет армейского мундира с того самого момента, когда мальчишка приходит в военкомат и встречается там с людьми казенными. Потом ему предстоит встреча с людьми казарменными, но то, что военные не все «прямы как параллель» и не все в армейских кулуарах торжественно, как на праздничном параде, будущий воин зачастую понимает после первых же посещений армейских посольств на территории «гражданки» — военкоматов. И иногда это разочарование (будучи помножено на страх перед «дедовщиной») обостряется бедой.

Из постановления об объявлении всеобщего розыска: «Допризывник Джантай Асыебеков, 1970 г. р., в настоящее время выехал из места проживания, нигде не работает, злостно уклоняется от призыва в армию, скрываясь под чужим именем. В отношении его возбуждено уголовное дело... С обвинением взять под стражу».

Хочу сразу оговориться: все, о чем пойдет речь, относится не только к Киргизии; думаю, что аналогичные документы можно добыть в любой другой республике. Это во-первых. А во-вторых, я

уверен, что военкоматские работники, знающие проблему изнутри, могут привести и объективные причины, вынуждающие отдельных их коллег халатно и бездушно относиться к вчерашним школьникам, забывая, что эти парни — не пушечное мясо.

И хотя такие бега, как у упомянутого Джантая, как правило, заканчиваются позорной скамейкой подсудимых, число беглецов за последние, скажем, десять лет существенно не уменьшилось. Впрочем, и не увеличилось. Оно на удивление стабильно, это число. Как бы то ни было, попытки увильнуть от службы носят чаще всего закамуфлированный характер: устройство на «бронь», симуляция труднодиагностируемых недугов (это называется «косить»), не всегда оправданные отсрочки по семейным обстоятельствам. На «злостные» уклонения решаются, полагаю, лишь совсем отчаявшиеся. Дыма без огня не бывает, свою лепту в это вносят работники военкоматов.

«Серьезную тревогу вызывают нарушения ст. 26 Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности». Военкоматы призывают на службу лиц, отбывающих уголовные наказания, находящихся под следствием, даже после того, как поступают сообщения в военные комиссариаты. Кроме того, сложилась практика несвоевременного призыва лиц, отсрочка исполнения приговоров которых истекла, и даже передача таких лиц в запас... В ряды СА призываются лица, уже осужденные районными нарсуздами... Это также приводит к растратыванию государственных средств в связи с этапированием виновных. Кроме того, лица, привлеченные к уголовной ответственности, в связи с призывом в СА длительное время остаются безнаказанными за совершенные преступления; уголовные дела приостанавливаются».

За уныло-бесстрастными строчками документа не просто вопиющие нарушения законности, но и тот самый сакраментальный «нравственный ущерб», мерой коему служит недоверие к военной форме. Со стороны одних. А со стороны других — внутренняя готовность к заражению социальными недугами. Показываю, что называется, на пальцах: если уголо-

вники на общих основаниях попадают в те же самые казармы, что и образцовые, словно с плакатов, славящих комплекс ГТО, новобранцы, то исправление преступников отнюдь не гарантировано. Думаю, напротив, произойдет социализация со знаком минус, поскольку нет нужды доказывать — социальный опыт правонарушителей зачастую негативен до крайней степени, предусмотренной каторой в конкретном уголовном кодексе, а не в абстрактно-нравственном.

Прокурор одного из районов города Фрунзе не без горечи делился со мной выводами из работы с молодыми наркоманами: большинство впервые попробовали дурман-траву именно в армии. Только не надо наивно округлять глаза. Об этом уже давно поет «Алиса»: «Двадцатилетний калека плотно подсел на чужую «траву». С папиросой в зубах он поднимался в атаку, с папиросой в зубах он отходит ко сну».

Из циркуляра за подписью начальника лечебно-профилактического управления Минздрава Киргизской ССР Я. Литвака: «Причиной... повлекшей за собой впадение комиссариата Шевчука М. К. из рядов СА, явилось употребление наркотиков в местах несения воинской службы».

Мы пока охотнее печатаем сообщения о выявленных случаях «злоупотребления наркотиками среди американских военнослужащих в Европе», нежели пишем о своих родных «афганцах», мальчиках, пристраивавшихся к зелью, которое помогало справиться с жадой и забыть страх. За «десятилетия гордости» мы привыкли играть в прятки с общественным мнением.

Ладно, тема нервная. И волю эмоциям, право, лучше не давать. Поэтому возвращаюсь к сухим, но таким надежным документам.

В Минздраве Киргизской ССР меня познакомили с копией официального письма. Факты, в нем приведенные, вполне обобщились бы без комментариев. «Имеется место случая призыва лиц, психически больных... по причине предоставления военными комиссариатами неполноценных, необъективных характеристик на призывни-

ков, вследствие чего психиатрами допускаются нарушения — призыв лиц, не рекомендованных медкомиссией... В июне 1986 года призван Филиппов Н. А., страдающий олигофренией, под нажимом военного комиссара был также призван Мамедов М. А. с эпилепсией».

Такая призывная практика порождена тем же извращением планового принципа, который способствовал победному росту всеобщего очковитательства, миллиардных приписок, оглушительного дефицита качества, изматывавших «застойными» десятилетиями нашу «экономную» экономику. Вал — любой ценой! Пока этот «ударный» девиз будет оставаться беспресловутым руководством к действию для некоторых военкоматов, скандальные нелады в работе комиссариатов дадут себя знать и во время, и после очередных призывов.

Не хочу сгущать краски, но боевое оружие в руках психически больного может обернуться нештатной бедой. А она, беда, помноженная на досужие слухи, нанесет ущерб и без того худому делу военно-патриотического воспитания. Пусть непосредственное руководство деятельностью военкоматов осуществляет Генштаб Вооруженных Сил СССР, однако «организация оборонно-массовой и военно-патриотической работы среди населения» значителен как одна из основных задач комиссариатов. И их престиж несомненно страдает, когда призывники обмениваются подлинной информацией, приукрашенной нелепыми подробностями — чем закончилась служба заведомого шизофреника имярек.

Дальше — больше. Куда там хитрому чабану! Среди выявленных Прокуратурой Киргизии нарушений Закона — призыв несовершеннолетних. Например, в ноябре 1986 года таких случаев лишь в одном из районов Таласской области было 15. И чего ради? Ради Его Величества Плана? Вроде бы так, с одной стороны. А с другой — в то же самое время очень многие получают желанную отсрочку на непредусмотренных Законом основаниях. Несколькими годами назад здесь же, в Киргизии, разоблачили группу взяточников, устраивавших отсрочки и «официальные уклонения». Вот и вы-

ходит, что не в плане дело, а в неумении четко организовать работу.

Беда еще и в том, что при нынешнем положении дел молодые люди на протяжении двух лет службы оказываются вне общественной жизни, а значит, и вне перестройки. Когда-то, в пресловутые тридцатые годы, армейские реалии находились в фокусе внимания литературы (да и не только!); носить форму считалось почетным, и многими юношами отвод медкомиссии воспринимался как личная драма. А ныне? Конечно, я не ратую за то, чтобы заслуженные деятели искусств вновь кинулись воспитывать подрастающее поколение на примере Павла Морозова, но мне не понять, почему исключением из правила считаются офицеры, позволяющие своим подопечным смотреть молодежную программу «Взгляд» после отбоя. Пока армия не избавится от холодных методик администрирования по-сталински, двухлетняя служба многими будет восприниматься как рекрутская повинность, а сами войска не станут тем социальным институтом, который являет собой резерв перестройки.

Стоит ли испуганно закрывать глаза на негодующие письма военнослужащих и их родителей? Стоит ли отмахиваться от печальных свидетельств очевидцев «дедовщины», творимой во многих подразделениях? Стоит ли буднично привыкать к sensationным публикациям о сившихся офицерах, продающих боеприпасы профессиональным уголовникам, и о рьяных сержантах, воспитывающих «салаг» садистскими присемками? Стоит ли удивляться той взрывной реакции, которой зрительный зал приветствует первые же аккорды антимилитаристского гимна свердловской группы «Наутилус Помпилиус»? Стоит ли недоумевать, что то же самое поколение, что дралось в Афганистане и тушило черныбыльский пожар, не желает, служа Родине, «быть втоптаным в хаки»? Стоит ли растерянно взмахивать руками, поражаюсь изобретательности ушлых аксакалов, превращающих своих сыновей в девиц, коль скоро доверия к армии ныне не больше, чем к школе?

Если стоит, то чего?

Татьяна ИВНИЦКАЯ
Посвящается памяти Андрея Н.

СОН

— Ты чего орешь?
Мишка толкнул меня в бок. В палатке было душно, даже не душно, а липко, как в парилке. Я лежал весь мокрый и никак не мог понять: проснулся я или нет?
— Чего орешь, говорю?— опять спросил Мишка и сжал мою руку.

Наши раскладушки стояли вплотную одна к другой. Он тряхнул меня за руку довольно сильно. И тогда я вроде проснулся.

— Сон приснился дурацкий, — ответил я шепотом. Мишка знал про этот сон, он вообще многое про меня знал. Это иногда хорошо — можно ничего не объяснять. Руки у меня затекли, и ноги, и все тело. Но особенно руки: кулаки были сжаты так, что пальцы онемели.

— Да ладно! — сказал Мишка мне в самое ухо. — Мне тоже мой «первый» снится. — Он вздохнул. Мы помолчали. Мишка угадал.

Мне снился мой «первый».
— Мишка, давай курнем, а? Ну пару раз пыхнем? — нерешительно предложил я. Меня потихоньку начинало знобить. В такую-то жару! Умора. Мишка молча кивнул. Вот всегда так: знаю, что нельзя, а подбиваю Мишку к разной нездоровой ерунде, провоцирую. Я, конечно, пытаюсь «бороться со злом в себе» и все такое прочее — «не рисковать здоровьем», как говорит наш прапор. Но сон этот чертов меня когда-нибудь доконает. Я себя за него ненавижу, но вот снится же!

Я пару-тройку раз затыкнулся и «сломал косяк». Потом вроде начал высыхать и согреваться. Успокоился. Здоровье поправил. Ха! Противно, хоть застрелись. Нервный какой выискался, чувствительный. «Журналист». «Москва». Меня сразу так прозвали, командир отделения окрестил, и прилипла побрякуха. Я закрыл глаза и постарался расслабиться. Засыпать было страшно: случалось, что сон этот повторялся по два-три раза за ночь. Наверное, к этому никогда не привыкнешь.

Нас только что перебросили. Уже обученных, но еще не обстрелянных. Мы стояли в тени какого-то непонятно для чего предназначенного здания без крыши. Стояли «вольно», то есть в самых непринужденных позах. Сержант Ляшко сидел на пустом ящике из-под японского пива и грыз ногти. Вроде был ослепительно яркий день, и все мы чего-то ждали. Но во сне день всегда был пасмурным ранним утром. И во сне я хорошо знал, что будет дальше.

Дальше привели их. Руки у них были связаны за спиной, и видок был, вообще говоря, довольно жалкий. Поверить в то, что эти мальчишки — враги, казалось невозможным, противоестественным. По-моему, все, кроме двух стариков, были наши ровесники. Откуда-то появился наш комвзвода и объяснил, что такое противник и как с ним следует поступать. И еще что-то говорил про контрреволюцию. И про тылы нашей державы, которые должны быть обеспечены.

А они так и стояли кучками, со связанными руками, жалкие, как воробьи. Особенно на одного я сразу глаз положил, да и он все смотрел на меня и как-то заискивающе улыбался. А может, это мне казалось, не знаю.

Но я точно чувствовал с ним какую-то связь. Мне даже хотелось заговорить с ним, черт те что! Совершенно немыслимо было убедить себя, что это — «противник, который должен быть уничтожен». А потом это началось: «пристрелка», вроде экзамена. Их ставили по одному к стене этого idiotского здания без крыши, спиной к нам. Сержант, грызя ногти, выкрикивал фамилию. Названный выходил и стрелял в того, кто стоял у стены. Это был, к сожалению, не кошмарный сон, это была явь и, хуже того, приказ. Не знаю уж, что выражала моя физиономия, но, когда дошла очередь до меня, сержант перестал на минуту грызть ногти, улыбнулся ехидно как-то и крикнул: «Ну, давай, «журналист!» Я весь пошатнулся, вернее, внутри у меня что-то «отстегнулось». Я понял, что сейчас должен буду убить безоружного парня со связанными руками, и почему-то — того самого парня, который с такой странной улыбкой смотрел мне в глаза. Убить. Неизвестно зачем и за что. Мне кажется, и он этого не понимал. Он так и не понял до самого конца.

Я вскинул автомат, я точно знал, что этого не может быть и не будет до конца. Никогда. Я должен, обязан был проснуться немедленно у себя дома, на Беговой, в Москве, в своей постели, со своей женой или без жены — черт с ней! Но должен!

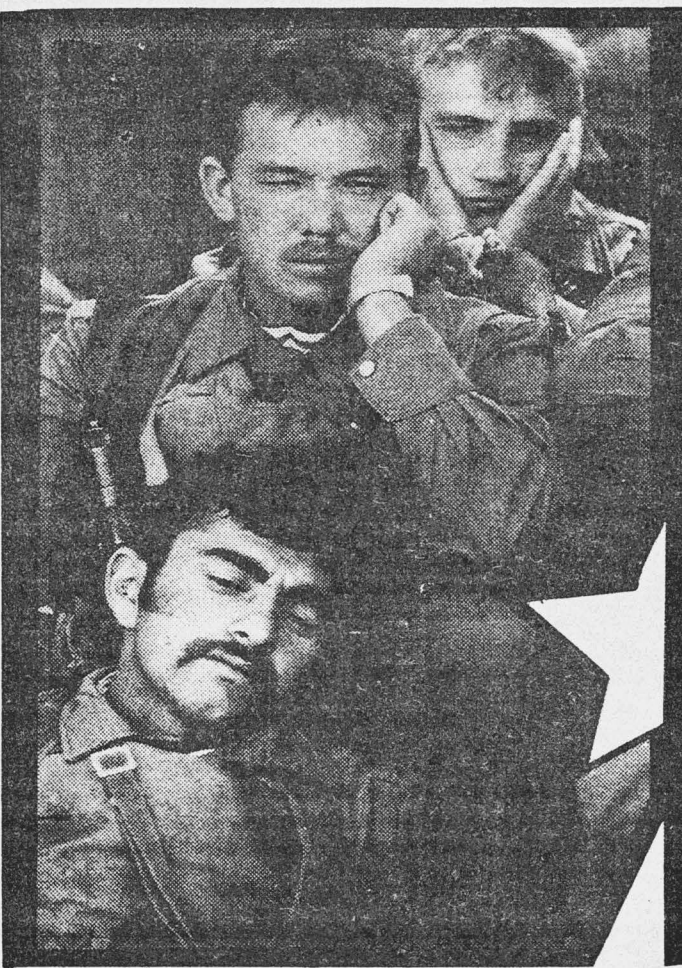
Я посмотрел своими серыми глазами в его бархатные, черные, маслянистые глаза. Он не понимал. Все это продолжалось один миг, может быть, долю секунды, но снилось потом целыми ночами. Наконец до него дошло что-то, до этого парня, может быть, он понял слово «журналист», не знаю, я увидел даже улыбку на его коричневом лице — верно, он подумал, что вышла ошибка, недоразумение, чушь собачья, одним словом, и что сейчас все объяснится и он сможет со мной познакомиться и даже пригласить к себе в гости, домой, и все будет хорошо...

Он точно поверил в это, потому что сделал ко мне шаг — он явно хотел сказать что-то. Я опустил ствол автомата и вздохнул почти облегченно.

В страшный сон меня вновь вернул оклик Ляшко:

— Эй, «Москва»! Заснул, что ли?

Я опять вскинул автомат. Я перестал уже что-либо понимать.

БУДЕМ ПОМНИТЬ!

Вообще-то все его звали просто Сэдом. Даже жена. Даже близкие друзья. Так было модно, да и короче. Но на самом деле он был Андреем Наседкиным — нашим однокурсником, хулиганом и хохмачем.

Помнится, Наседкин стал Сэдом уже в первую студенческую осень, когда университетское начальство послало нас осенью помогать подшефным хозяйствам убирать урожай. Два с лишним месяца мы месили сапогами вслед за трактором бесплодную, фригидную землю, грузили уже мороженую, годную разве что на корм скоту картошку, а вечерами — грязные и обессиленные — возвращались в фанерные бараки ближнего пионерлагеря. И вдруг, когда, казалось бы, никакая сила в этом простуженном, морозящем дождями мире не способна уже воскресить в тебе радость жизни, слышалась хрипящая песенка Сэда. Песенка про Монтану.

Когда мы были на третьем курсе, началась та война. А вскоре Сэд появился на факультете в форме десантника. Мы стояли в сортире, и он говорил: «Все, ребята, с меня хватит. Поеду в Афган. Может быть, там кайф...»

Тогда мы еще не знали толком, что такое Афган. Его не убили. И, кажется, даже не ранили. Он вернулся оттуда живым и невредимым. Но совсем другим. Теперь он не пел веселую песенку про Монтану. Только пил. И кололся по-черному. Два года назад его нашли в ванной с перерезанными венами. Никто не знал, почему он сделал это с собой. Говорили, перебрал дозу.

Я тоже так думал вначале. До тех пор, пока не прочитал рассказы Сэда, записанные с его слов Татьяной Ивницкой.

И тогда многое стало понятно. Ясно стало, почему он вернулся оттуда другим и уже не мог жить по-прежнему, так, словно и не было ничего: ни Афгана, ни крови, ни смертей.

Можно подумать, что Сэду не повезло. Ведь война доконала его не в пыльном афганском окопе, не в «зеленке» во время атаки на душманский кишлак, а в ванной комнате под музыку «Дип Перл» и запах одеколона. Да, не скажешь про него: погиб героически. Потому и не стану рассуждать о героизме. Но кажется мне, смерть его честная. Хотя чего уж об этом теперь говорить...

— Товарищ гвардии сержант Ляшко! Разрешите ему развязать руки! — чужим пересохшим языком, совсем не по-военному, попросил я.

— Сказился, «журналист»?! Выполняй приказ! Шты-ком! А ну!

«Не надо, пожалуйста, не надо! Ляшко, сержант, миленький, не надо!» — хотелось орать, кричать, ползать на коленях и целовать пыльные, со шнуровкой, полусапожки Ляшко американского образца. Но мой голос почему-то тихо сказал: «Есть выполнять приказ! Есть — штыком!» Может быть, это было кому-то надо, может быть, я не знаю. Но мне опять снится его улыбка, его глаза, его голос со странным акцентом. Он так и не повернулся ко мне спиной.

— I am a student! I am twenty-one, you see? I am a journalist. Why so? Why? What for? I am a student, I've got a mother!*

Конечно, нас учили. Нас долго учили убивать всеми возможными и невозможными способами. Но я убил его только с шестого удара. Штык все время попадал под ребра, в грудину, в ключицу. Ему было очень больно, может быть, даже наверняка больнее, чем мне.

Он остался лежать с удивленно распахнутыми глазами и приоткрытым ртом, из которого узкой черной змейкой лилась кровь.

— Плохо, очень плохо! — заметил Ляшко. — А еще отличник! Ну, ладно, сопلي-то утри... — И выкрикнул: — Красильников! Штыком! — Потом хитро подмигнул мне: — Учись, студент! «Москва-а»!

Никаких соплей у меня не было. И никакой рвоты — тоже, я просто взял и убил человека. Может быть, убил очень хорошего человека, даже двух — и себя заодно.

Вот только сон дурацкий, черт бы его подрал, остался. И во сне я почему-то всегда ору (Мишка говорит): «I am twenty-one! I am a student! You see? You believe?»**

Хотя мне через шесть дней исполнится, если не убьют, двадцать два.

«ДОРОГОЙ МОЙ СЫН»

Я получил письмо и долго не мог понять: от кого? Подумал было, что вышла ошибка, но на конверте была написана моя фамилия, и в самом письме меня называли моим именем. Лишь дочитав до середины, я понял наконец, кто его написал. Наверное, я малость свихнулся, когда понял, потому что мне написала Мишкина мать. Я не дочитал его даже, а пошел за палатку, туда, где была свалка из обгорелых кружек, банок из-под сгущенки и других консервов. Я сидел, смотря на нашу огромную палатку и на другие такие же огромные палатки. Они были точно такого же цвета, как и пески этой чертовой пустыни Регистан. Странное совпадение. Хотя, какого дьявола, совпадения не бывает!

Видимо, я вспомнил Самарканд, где мы загуливали с отцом лет десять назад. Я был тогда сопливым пацаном и ходил под стол пешком. Ну, это я, конечно, преувеличиваю, что под стол, но «регистан» там был, точно помню. И медресе Улукбека было, и чайханы, и гнезда аистов на старых мечетях. Господи, какого черта я это вспоминаю! Про всякие там перекати-поле и барханы, и «белое солнце пустыни», и про жару под 60° Цельсия мне думать надоело. Мне вообще надоело думать. Поэтому я курю чарс и вот сейчас (сейчас, сейчас, минуточку!) выну из нагрудного кармана небольшой шмат опиума и сожру. Горечь — не то слово, запить бы его. Интересно — вода еще осталась? Достану фляжку, определяю по звуку: что-то плещется — пара глотков или меньше. А здорово «цепляет»: глаза становятся горячими, а руки и ноги холодеют. Я ложусь на бок — в тень этой самой оранжевой палатки. На зубах скрипит песок. Смотрю на свои руки: руки — шоколадного цвета, а волосы выгорели и стали не золотистыми даже, как раньше, а совершенно белыми, наверное — поседел. Разве седеют волосы на руках и на ногах? Надо спросить у взводного — он все знает. Чепуха какая в голову лезет!

Я начинаю смеяться, я не знаю, почему я смеюсь. Мне не хочется смеяться. Я просто всеми фибрами боюсь взводного. Он — отличный мужик... Почему же мне так смешно?

Я достаю из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и опять начинаю читать. Почему написано зелеными чернилами? Были же синие... Впрочем, просто на глазах они становятся красными. Вот что я читаю: «Дорогой мой сын!»... Нет, опять — комок в горле! Опять — слезы. И сушняк. Зверский сушняк. Неужели опиум не «цепляет»? Я плачу, мне больно, я закрываю глаза и вижу красно-зеленое марево: Это — солнце. Это — цвет моих век: там, по маленьким капиллярам, течет кровь. Праздник Рамадан... Я — наркоман... Я — боец, точнее — профессиональный убийца. «Шурави-гитлеры», так нас зовет мирное население или душманы. Их разве поймешь? Все они — на одно лицо.

Под закрытыми веками начинают мелькать картинки... «Дорогой мой сын»... Я вижу дорогу. По дороге движутся со страшным рычанием БМП. Я — наводчик-оператор, стрелок. Мы все — в красной пыли, это —

* «Я студент! Мне двадцать один год, ты видишь? Я журналист. Почему так? Почему? За что?! Я студент, у меня есть мать!» (англ.)

** «Мне двадцать один! Я студент! Ты видишь? Ты веришь?!» (англ.)

глина. Мягкая, как пудра или мука. Мы перегоняем БМП из Канагара. В первой едет Мишка. Я — во второй. В третьей — какой-то корреспондент какой-то газеты из Москвы. И там же — комзвода Дзюба. И Летуновский с ними: он выставил свою доблестную полосатую грудь, автомат — наперевес, лихо заломленный берет — шлемов он не признает. Ему скоро домой, почти «дембель». В первой БМП — Мишка, земляк, он — из Электростали. Я все про него знаю, и про его Ленку, и что он скоро станет отцом.

Я открываю глаза и хочу остановить это кино. Я его уже видел. Я не хочу больше. Я смотрю это кино уже больше полугода, хватит! Взгляд падает на ослепительно белый листок письма. Его написала мне Мишкина мать. Господи, она ведь ничего не знает! И не узнает...

Сзади кто-то скрипит песком: «макаронник» Клочков, прапор позорный. «Веревкин, опять здоровьем рискуешь?» — говорит Клочков. Это он мне. Мне очень хочется его «гасануть», но лень, и притом очень жарко. Я отвечаю довольно спокойно: «Так точно, гвардии «макаронник», рискую!» И выпускаю дым куда-то вверх, этак непринужденно, вроде и не ему в рожу, а так — в небо. В небо пустыни Регистан. Он что-то орет, я приоткрываю один глаз и смотрю на эту харю ламбровского убийцы. Мне опять делается ужасно смешно, ну просто нет сил, и встать нет никаких сил от смеха. Я опять затаиваюсь: глубоко, с воздухом, и вижу перед собой белый треугольник письма, точнее — прямоугольник. Это невыносимо... Я закрываю глаза и слышу рев двигателей. Мишка со своими ребятами идет первый. Толибердиев, я и Остратюк — вторыми, Самойлов, Летуновский, корреспондент и Дзюба идут третьими.

У меня опять холодеют руки и к горлу подкапывает. Сердце, кажется, на мгновение перестает биться. Я вижу все, как в немом фильме, только не в черно-белом, а зелено-красном. Я вижу, как взрывается Мишкина БМП. Дистанция — порядочная. Такая, что Толибердиев успевает резко затормозить, нас зверски заносит. Я выскакиваю. Я бегу. Бегу к Мишке, бегу, бегу... Но почему-то — стою на месте. Так часто бывает во сне. Бежит Самойлов, бежит корреспондент, бежит Дзюба, бежит Толибердиев. Вот только Летуновский лежит на обочине: на его геройской груди медленно расплзается красно-бурое пятно. Кто-то говорит слово «осколок». Берет лихо заломлен, соломенного цвета чуб медленно колышется. Ему же скоро домой! Все вокруг медленно колышется. Я бегу. Кто-то вытаскивает Мишку, он почему-то без ног. Он лежит на дороге, в красной пыли, и рядом с ним лежит еще что-то голубоватое, полупрозрачное, в красной луже. Мишка безумно смотрит по сторонам, я знаю, что он ищет меня.

— Я здесь! Мишка, Мишка, здесь, слышишь?! — ору я ему в ухо.

Я понимаю, что Мишка жив, но что он тоже, наверное, не слышит меня, как и я не слышу ничего. Потом я раздираю свой ИП и делаю Мишке укол. Потом я просто ложусь рядом с Мишкой на дороге, а вокруг стоят какие-то ноги. Ноги в красной пыли. И я вижу, что эта голубоватая, отливающая перламутром куча рядом с Мишкой тоже испачкана в пыли. Она становится разноцветной, в ней что-то движется, пульсирует и шевелится. Мне делается страшно. Очень страшно. Кажется, Мишка тоже понимает, что это — его кишки.

Он шевелит абсолютно белыми губами, он хочет мне что-то сказать, я прижимаюсь ухом к самому Мишкиному рту: «Володька! — слышу шепот, как будто издали, из трубы вроде. — Володенька, стреляй! Стреляй, стреляй в висок! Стреляй же, сука!» И тут мгновенно я все понимаю и кричу: немое кино с замедленной съемкой кончилось. Я кричу во все пересохшее горло, сколько хватает легких, просто кричу: «А-а-а!» Выстрела я не слышу. Я падаю на Мишку, грудь на грудь, я выкрикиваю что-то истерично, не выпуская автомата и целясь во всех подряд. Я вижу, как бесформенная куча продолжает шевелиться. И тут я слышу щелчок затвора фотоаппарата.

Кто-то выбивает ногой у меня автомат, наверное, вовремя. Потом — я не помню. Было очень жарко. Говорят, я бил корреспондента, меня оттащивали, я бил ногами и все пытался раздавить упавший в пыль фотоаппарат. Даже Дзюбе въехал в челюсть пару раз. Истерика — это иногда бывает.

Через день я отправился сопровождать Мишку в Электросталь. Там его ждали мать, Ленка и новорожденный сын, тоже Мишка.

На этом кино кончается. Я врал матери, врал Ленке, я безобразно напился и плакал, и врал все время, боясь остановиться. Ну, конечно, про бой, про чертей-душманов, про расцентрованные пули, про взрывные волны, осколки и ночные прыжки. И про Мишкин какой-то невероятно геройский подвиг. Потому что так было надо. Им надо, я это точно знал.

И вот я получаю письмо. Я не могу на него ответить, хоть и знаю, что это плохо, потому что Мишка был один у матери, а она ведь только просит разрешить ей писать: «Дорогой мой сын». Но я так и не дочитал до конца это письмо. Не смог. Наверное, я малость свихнулся от этой жары, от этого чарса и опиума. Я бросил письмо в мусорную кучу из консервных банок и стал смотреть, как оно горит. У меня классная американская зажигалка, я ее тогда еще, давно, на пересылке в Термезе, выменял у Мишки на значок «100 прыжков».

АКАДЕМИК ПЕТР КАПИЦА

«О вреде, приносимом цензурой...»

С цензурой, просматривающей иностранные издания и решающей, пропускать их к нашему читателю или не пропускать, Петр Леонидович Капица столкнулся осенью 1934 года, когда после многих лет жизни в Кембридже приступил к работе на родной земле. 16 января 1935 года он пишет заместителю Председателя СНК СССР В.И. Межлауку: «Вчера позабыл с Вами поговорить о следующих вопросах. Дело в том, что мне присылают два английских еженедельника, без сомнения, Вам хорошо известных: «The Manchester Guardian Weekly» и «The New Statesman and Nation». Также изредка книги. Цензура их то пропускает, то не пропускает. Конечно, я получаю их для личного пользования, и поэтому нельзя ли попросить цензора быть менее строгим?»

Менее строгим цензор не стал. «Казалось, следовало бы учесть, что я прожил 13 лет за границей и нет надобности нарушать так резко моих привычек, — настаивает Капица в письме к Молотову 7 мая того же года. — За границей в продолжение ряда лет я читал всегда два еженедельника: «The Manchester Guardian Weekly» и «The New Statesman» — самая левая и независимая английская печать. Но когда я просил позволения на то, чтобы их мне пропускали, оно мне не было дано».

Бдительность цензуры в те годы (да и в любые другие) была порой просто фантастической, а ее действия — непредсказуемы. В конце 1935 года, например, она задержала в ленинградском порту несколько ящиков с приборами кембриджской лаборатории П.Л. Капицы. Научное оборудование лаборатории благодаря содействию Резерфорда, у которого Капица работал с 1921 года, было приобретено Советским правительством для строящегося в Москве Института физических проблем. Отправкой оборудования занимался в Кембридже Джон Кокрофт, ближайший помощник Капицы, в будущем — глава Британской атомной комиссии. Поскольку в те годы не были еще созданы всевозможные полимерные материалы, англичане для упаковки приборов, отправляемых в Москву, использовали старые газеты. И цензор ленинградской таможни задержал все ящики с этим подозрительным грузом. Он собирался внимательнейшим образом исследовать все поступившие из Англии газеты, предварительно, конечно, аккуратно их разгладив. Приборов было много, они были очень ценные, поэтому газет англичане не пожалели, так что проверка их содержания могла затянуться на многие дни, а может, и недели. Конфликт удалось тогда каким-то образом уладить — то ли «вредные» газеты оставили на таможне, а приборы упаковали в наши родимые, советские, то ли цензор вдруг смиростивился и «в порядке исключе-

ния» — разрешил отправить «опасный» груз в Москву. Когда сотрудники Института физических проблем, выезжавшие в Ленинград встречать долгожданные приборы, рассказали Капице о своих злоключениях, он в тот же день позвонил в Кембридж Кокрофту и попросил впредь ничего в старые газеты не заворачивать. Он смеялся, конечно, рассказывая своему другу о ленинградском цензоре, но это был смех сквозь стыд.

Капица смехом не ограничивался. Со «смехотворными» действиями цензуры он боролся весьма решительно.

Я начал работать с Петром Леонидовичем в 1955 году, когда он вернулся в созданный им институт, из которого был изгнан Сталиным в 1946 году после конфликта с Берией. Директору Института физических проблем был нужен референт, владеющий иностранными языками, и он предложил мне эту работу... Когда я заходил к нему иногда утром — он жил на территории института, — я часто заставал его у радиоприемника: после завтрака он всегда слушал выпуск последних известий Би-би-си (на английском языке, естественно). Это была привычка, укоренившаяся, по-видимому, на всю жизнь — как утренняя зарядка.

В список зарубежных журналов, которые он просил Книжный отдел АН СССР выписать для него на 1956 год, он включил, понадеявшись на «оттепель», «Нью Стейтсмен энд Нейшн», «Экономист» и «Обсервер» (Англия) и «Ю.С. Ньюс энд Уорлд Репорт» (США). В президиуме АН СССР эти «политические» журналы были вычеркнуты. «Капица — физик, — было сказано, — пусть и читает по своей специальности». Петр Леонидович пошел к президенту, академику А.Н. Несмеянову. В такого рода делах последнее слово было за президентом. Убедить Несмеянова Капица не смог — время для такого рода «вольностей» еще не наступило. Ледяное дыхание предыдущих страшных лет то и дело прибывало к земле роб-

кие ростки свободы и здравого смысла...

Через Книжный отдел АН СССР Капице впервые удалось выписать зарубежные общественно-политические журналы лишь в 1961 году. Весьма солидный «Форин Афферс» и очень реакционный, но насыщенный информацией «Ю.С. Ньюс энд Уорлд Репорт». Эти американские журналы Петр Леонидович выписывал до конца своей жизни.

В последние годы жизни Капицы в поступлении из-за рубежа периодических изданий наметились две как бы взаимоисключающие тенденции — все большие ограничения и большая как бы открытость. Приведу пример. В журналах, на которых цензор ставил «знак ограниченного пользования» (пресловутый шестигранник, в просторечьи — «гайка»), но тем не менее «удал» страницы с сомнительным, по его мнению, текстом (что-нибудь не очень, скажем, лестное о Л.И. Брежнев). Но вместе с тем шариковой ручкой писал на обложке журнала: «—3» или «—5». То есть сообщал вам без утайки, что изъят для вашей же пользы три или пять страниц.

В эти же годы была четко отработана процедура поступления (или непоступления) к советским ученым выписанных ими или на их имя зарубежных изданий.

В середине января в Книжный отдел начинали поступать выписанные Капицей зарубежные журналы. У меня была доверенность от Петра Леонидовича на получение иностранных изданий «со знаком ограниченного пользования». Я расписывался за секретные журналы и вез их прямо на дом к Петру Леонидовичу. Если журналов пришло сразу очень много, он несколько номеров давал мне и говорил: «Просмотри и отметь все самое интересное». Что я и делал многие годы с большим, признаться, удовольствием и пользой для себя.

Теперь о журналах, поступавших на имя Капицы без посредничества Книжного отдела. Здесь очень многое зависело, по-видимому, от характера и прочих качеств цензора. Несколько лет, например, Петр Леонидович получал «Нувель Обсерватёр» на дом с обычной почтой. Открывает утром почтовый ящик, а там, рядом с «Правдой» и «Огоньком», лежит себе спокойно его любимый французский еженедельник. Без всякого, причем, цензурского знака, хотя сомнительных и даже просто предосудительных материалов в этом журнале бывало более чем достаточно, на «гайку» тянул почти каждый номер.

Долго так, естественно, продолжаться не могло — это было бы слишком хорошо! — и настал день, когда этот журнал вдруг исчез... Месяц его нет, второй... Будто его вообще никогда и не было.

Неужели нашего цензора уволили, думали мы. За либерализм уволили? А может

быть, новые правила появились? Более жесткие и суровые. Тут ведь сам Бог велел — есть «гайка», вот и закрутил ее еще на пару оборотов. Стоял гриф «секретно», поставим — «совершенно секретно».

В конце концов выяснилось, что «Нувель Обсерватёр» Капицы стал от цензора поступать в спецхран Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Такой порядок был установлен новыми «Правилами» для журналов, поступающих в нашу страну «неположенным образом» и достойных «гайки».

В этом важном государственном деле, как видим, в последние застойные годы появился некоторый порядок. Четкость появилась и определенность.

Петр Леонидович Капица прилагал немалые усилия к тому, чтобы этого «порядка» и этой «четкости» не стало. Об этом свидетельствуют и те три письма «наверх», которые мы предлагаем вниманию читателей.

Зам. Председателя СНК СССР
В. И. Межлауку
19 ноября 1937, Москва

...Существует ряд журналов, как «Nature», «La Science la Vie» и др., в которых печатается все новое, что происходит в науке и в ученом мире. Эти журналы нам очень важны, так как там очень быстро и кратко печатаются все новейшие открытия до того, как они полностью будут напечатаны в больших научных журналах. Кроме того, там дается отчет о всех конгрессах, съездах и дискуссиях.

За последние два месяца эти журналы перестали к нам доходить. Я справился, в чем дело, и узнал, что их задерживает цензура. На прошлой неделе я был в Ленинграде, и оказалось, что там цензор более разумный человек, и ленинградцы их получают. Уже то, что задерживают эти журналы, есть безобразие, но еще хуже, что это делается так нелепо. В Ленинграде я прочел эти номера и старался выяснить, почему цензор их задержал. [Понять] это оказалось нелегко.

Например, в одном номере сказано, что на конгрессе в Париже, устроенном по случаю [Всемирной] выставки, поражающе полное отсутствие делегатов — представителей науки СССР. Ну что тут такого, чтобы запретить журнал?

Мы все знаем, что держат нас, как институт в закрытых учебных заведениях, и боятся, чтобы кто не лишил невинности или не похитил.

В другом номере отчет о дискуссии между Вавиловым и Лысенко, отчет составлен из опубликованных у нас стенографических записей. Я прилагаю его перевод. Как Вы видите, есть недружелюбные нотки, но что в этом удивительного? Зачем это скрывать от советских ученых?

Это мне напоминает рассказ про одного девятилетнего мальчика, который спросил отца: «Как я родился?» Отец ответил: «Тебя аист принес». Тогда мальчуган заявил: «Представьте себе, как мой папа плохо осведомлен в сексуальных вопросах». Так вот, цензор, по-видимому, разделяет отжившие взгляды этого папашки.

Я бы очень просил: либо 1) указать цензору, чтобы он пропускал для меня все указанные журналы, либо 2) если вы уже очень боитесь, чтобы я

узнал, что мне ненужно знать, то пусть поступает, как прежние цензоры, и ставил бы черный штамп на соответствующих местах, они-то меня всего меньше интересуют. 3) Если это покажется хлопотно, то пускай мне скажут, и я сам напишу в редакции этих журналов, чтобы перед посылкой мне они сами бы затемняли все места, касающиеся СССР, и я уверен, что для меня они это сделают ...

Привет

П. КАПИЦА

Секретарю ЦК ВКП(б)
Г. М. Маленкову
12 ноября 1945, Москва
Уважаемый товарищ Маленков!

Посылаю Вам номер журнала «Нейчур», зверски изуродованный нашей цензурой.

Как известно:

1) Согласно Устава Академии наук, книги и журналы академиков не подлежат цензурированию;

2) Видно, цензура чересчур низкого мнения о моральной устойчивости наших ученых и воображает, что есть такие сведения, которые могут повредить их с пути истинного;

3) Видно, что цензура настолько тупоголова, что не понимает, что советская страна настолько крепка, что никакие высказывания против нее ей не страшны, а только смешны.

Поэтому считал бы, что цензора надо наказать и, согласно его способностей, посоветовал бы поставить [его] в угол на колени и на горах [и пусть] стоит до тех пор, пока не выучит наизусть три главы из Карла Маркса, а журнал в первоначальном виде вернуть мне.

Уважающий Вас

П. КАПИЦА

Члену Политбюро ЦК КПСС
Председателю Комитета Государственной безопасности СССР

товарищу Ю. В. Андропову
22 апреля 1980, Москва

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович!

Вместе с этим письмом посылаю Вам экземпляр моей книги «Наука — дело международное». Эта книга опубликована в Италии издательством «Эдитори реунити» по договору с ВААП. Она включает в себя перевод основных статей, опубликованных в моей книге «Эксперимент. Теория. Практика», которую я Вам послал год два назад.

Причина, по которой я посылаю Вам итальянскую книгу, следующая. Это один из авторских экземпляров, присланных по почте издательством. Как Вы легко можете удостовериться, в этой книге отсутствуют первые 30 страниц, где было напечатано предисловие под заглавием: «Petr Leonidovic Kapitza — scianziato umanista e rivoluzionario concreto»*

Это изъятие было сделано на почтатоме цензурными органами.

В будущем году у нас выйдет в свет 3-е издание моего сборника «Эксперимент. Теория. Практика». Он публикуется также за границей на девяти языках. Но только итальянское коммунистическое издательство предпослало книге развернутое предисловие. Это предисловие, написанное

коммунистом, философом товарищем Л. Л. Радиче, и было изъято нашей цензурой. О существовании этого предисловия я узнал только после выхода книги в свет.

Возникает вопрос: зачем нашей цензуре ограждать меня от знакомства с предисловием к моей книге, да еще написанном ученым коммунистом?*

Подобное делается у нас цензурой не раз. В иностранных журналах, которые я пишу через Книжный отдел Академии наук, часто бывают вырезаны целые статьи. Нескольким раз я пробовал сам подписываться на газету «Монд» или журнал «Ньюсуик». Но очень быстро они совсем переставали приходить.

Непонятно, зачем нужно ограждать меня от получения иностранной информации. Что это — забота о моей нравственности?

На самом деле это для нас вредно. Вот пример. В 1967 г. Лейденский университет присудил мне золотую медаль имени известного голландского физика Камерлинг-Оннеса. Ее вручают через год примерно после присуждения, в день рождения ученого. Когда я приехал в Лейден, то сразу же обратил внимание на некоторое замешательство у профессоров. Оказалось, что вызвано оно было тем, что за промежуток времени между присуждением и вручением медали произошли чехословацкие события. Вручение медали обставлено торжественно, в присутствии не только профессоров, но и студентов, и меня с тревогой предупредили, что студенты собираются организовать обструкцию. Естественно, первое, что я спросил, будут ли в меня бросать тухлыми яйцами или помидорами, но меня успокоили, сказали, что будет только «кошачий концерт». Тогда я попросил, чтобы мне дали возможность предварительно побеседовать со студентами. На это охотно согласились. На следующий день был устроен завтрак, на котором было человек двенадцать представителей студентов. Присутствовал также декан и один или два профессора. Голландцы хорошо говорят по-английски, и оживленная беседа длилась около трех часов. При вручении медали не только не было кошачьего концерта, но когда через несколько дней я был в Дельфте, то там студенты просили меня провести с ними собеседование. Видно, они узнали о лейденских событиях. Потом, когда я поехал в Амстердам, там повторилось то же, но тут я был тронут тем, что после собеседования студенты подарили мне небольшой альбом с репродукциями кар-

тин Босха. Вы, может быть, помните этого художника XVI века, одного из предшественников сюрреалистов, и его знаменитую картину «Корабль дураков».

Посудите сами — чтобы успешно проводить такие беседы, мне нужно быть хорошо информированным о том, что о нас говорят и думают за рубежом.

То, что делают наши органы цензуры, выглядит так, как если бы на Олимпийских играх нашим бегунам привязывали бы к ногам гири или борцам связывали руки. К тому же такие цензурные мероприятия, как вырезание статей и тому подобное, в наше время не могут быть эффективными, так как теперь существует широкая информация по радио. Конечно, не через «голоса» и «волны», которые не отличаются достоверностью. Но, зная иностранные языки, можно непосредственно слушать передачи, предназначенные для собственных стран; к тому же они передаются без помех. Конечно, это хлопотно, так как пока услышишь то, что тебя интересует, приходится прослушивать много никчемного. В печатных органах читаешь только то, что нужно, поэтому их и предпочитаешь.

О вреде, приносимом цензурой, я говорил в Академии наук с вице-президентом академиком П. Н. Федосеевым, а также у нас в Институте с Вашим ответственным работником тов. В. В. Д-м. Я напомнил им, что еще давно был декрет Ленина об освобождении академиков от цензурных ограничений. Эти товарищи скорее сочувственно отнеслись к моему жалобам и не пытались оправдывать наши цензурные ограничения. На этом все кончилось, и журналы продолжали кастрировать.

После того, как была вырезана статья из перевода моей книги, я решил написать Вам, поскольку это делается работниками, находящимися под Вашей эгидой.

Уважающий Вас

П. Л. КАПИЦА

Месяц с небольшим спустя, 28 мая 1980 г., Ю. В. Андропов пишет Капице следующее письмо:

«Глубокоуважаемый Петр Леонидович! В связи с Вашим письмом, касающимся обстоятельств получения Вами из Италии авторского экземпляра Вашей книги «Наука — дело международное», сообщая, что органы Комитета государственной безопасности той деятельностью, о которой идет речь в письме, не занимаются. Одновременно посылаю Вам новый, с полным текстом, экземпляр написанной Вами и изданной в Италии книги.

С наилучшими пожеланиями

Ю. В. Андропов».

В настоящее время в архиве П. Л. Капицы хранятся пять экземпляров его книги, изданной в Италии: два экземпляра — с предисловием, в трех экземплярах предисловие изъято.

Павел РУБИНИН

СОВЕРШЕННО ОТКРЫТО — 2

начало на стр. 2

питализма). Назад к капитализму?

Слишком поспешный, прямолинейный, неподготовленный «коммунизм» наш вызывался войной и невозможностью ни достать товары, ни пустить фабрики...

Кооперация... экономически наилучшая форма свободного оборота...

Где достать товары?

а) Заем. (100 миллионов золотом)...

б) Торговый договор с Англией, Америкой

в) концессии.

Государственный капитализм, блок с ним вверху, — свобода оборота для крестьян и пр. — внизу.

...Переутомление, изнеможение и у рабочих.

Передышка вроде Бреста, передышка экономическая. Улучшить положение рабочих...

Улучшить положение крестьян и двинуть оборот.

Индивидуальный товарообмен?

Да! Усилим производство, двинем оборот, дадим передышку, усилим мелкую буржуазию, но гораздо больше укрепим крупное производство и пролетариат. Одно с другим связано...*

Заметим, как часто в этом наброске Ленин употребляет слова «свобода» и «оборот».

Ленин не побоялся бросить гвардии «революционных идеалистов» такой вызов, как понятие «оборот»; в двадцать первом, а партии вышли не сотни, а тысячи большевиков: «Ленин сдает позиции капиталу, за что боролся?!» Тем не менее — без насильственных реквизиций — в двадцать пятом СССР начал вывозить хлеб за границу, — в стране голодных не было, продавали излишки.

На сессии Верховного Совета я видел нападки депутатов на кооперативы, на самое понятие «торговля», «предпринимательство».

И это меня более всего насторожило: такого рода нападки есть форма мечты о тоталитарной диктатуре и реанимации казарменного «социализма», что обернется презрением к нам человечества, случись такая трагедия.

Да, видимо, настало время, когда надо повторить лозунг:

«Вчера было рано, завтра будет поздно, начинать надо сегодня».

Не подыгрывание «хвостистским» настроениям лентяев и трусливых обывателей, привыкших жить по приказу, а не по собственному разумению; не оглядывание на тех, кто боится или не умеет конструктивно мыслить (они по традиции ненавидят тех, кто сноровистее и компетентнее), но безоговорочное определение и законодательное утверждение позиций, за которые выступают наши лучшие ученые-экономисты и социологи. Лишь в этом — залог противостояния могущественной Реакции консервативных элементов, этаким бюрократической Вандей, сплотившей в своих рядах легионы бездельников, «блатных» выживальщиков и патриархальных плакатчиков по «светозарному» былому...

* Кстати, об улучшении положения рабочих и крестьян: сейчас в нашей стране восемь миллионов граждан живут за чертой бедности, то есть питаются один раз в три дня.

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ НЕДАВНИХ ЛЕТ

Известная журналистка Раиса Борисовна Лерт (1906—1985) начала свою трудовую биографию типографской наборщицей. В июне 1941 года она уже работает в ТАСС, в отделе вещания на фашистскую Германию, где еженедельно ведет полемику с Гейбельсом и Дитмаром. В мае 1945 года ее переводят в радиокомитет, а в 1949-м увольняют «по сокращению штатов». Это был период борьбы с космополитизмом.

На протяжении многих лет Р. Лерт работала литературным сотрудником в газетах «Рабочая Москва», «Строительная газета», «Московский строитель». После XX съезда КПСС она принимала активное участие в разоблачении сталинизма, но «оттепель» вскоре закончилась, и все те, кто всерьез поверил в перемены, оказались перед выбором: либо опять приспособливаться, либо продолжать вести борьбу. Р. Лерт выбрала второе. В частности, она воюет за освобождение Жореса Медведева из психиатрической больницы, борется за «Новый мир» А. Твардовского, а позже совместно с П. Е. Егидесом выпускает бесцензурные журналы «XX век» и «Поиски». Работа эта привела к тому, что П. Е. Егидес вскоре был выдворен за пределы СССР.

Жестокий урок преподали власти пожилой больной женщине, окончившей свои дни в пессимистическом убеждении, что быть принципиальным и последовательным коммунистом, патриотом и интернационалистом оказывается труднее, чем быть горлопаном-конформистом и шовинистом. Умерла Раиса Борисовна в апреле 1985 года, немного не дожив до нынешних перемен.

Раиса ЛЕРТ

«ТРАКТАТ О ПРЕЛЕСТЯХ КНУТА»

(1970—1971 гг.)

Из статьи С. Семанова «О ценностях относительных и вечных» (Молодая гвардия. 1970. № 8) я узнала потрясающую меня новость. Оказывается, подлинная социальная революция в нашей стране произошла вовсе не в 1917-м, а в 1937 году.

Можно посчитать это дурной шуткой. Однако вот что — буквально! — напечатано на стр. 319 комсомольского журнала:

«Теперь ясно видно, что в деле борьбы с разнузданностью и нигилизмом перелом произошел в середине 30-х годов. Сколько бранных слов было обрушено задним числом на эту историческую эпоху. Любителям вздыхать о «золотом веке», который якобы царил в литературно-художественных салонах 20-х годов, всем тем, кто, кроме этих самых салонов, и видеть ничего не хочет в нашей культуре и народной жизни, — всем им полезно вспомнить, что именно после принятия нашей Конституции*, ко-

торая законодательно закрепила огромные социальные сдвиги в нашей стране и в нашем обществе, возникло всеобщее равенство советских граждан перед законом. И это было гигантским нашим достижением. Навсегда исчезло подразделение людей на различные категории при поступлении на работу, на государственную службу, в армию, при приеме в учебные заведения. Все честные трудящиеся нашей страны отныне и навсегда оказались слитыми в единое и монолитное целое. Мне кажется, что мы еще до сих пор не осознали всю значимость гигантских перемен, случившихся в ту пору.

Эти перемены оказали самое благородное влияние на развитие нашей культуры». (Выделено всюду мною. — Р. Л.)

Вот так. Такие дела, как сказал бы Билли Пилгрим*. До сих пор не осознали. И если бы не кандидат исторических наук Семанов, если бы не редак-

ция «Молодой гвардии» — страшно подумать, но мы, возможно, так и не знали бы, чем вошел в историю нашей страны 1937 год...

Теперь мы знаем чем — всеобщим равенством советских граждан перед законом. Остается пожалеть, что кандидат исторических наук пренебрег историческими реалиями. Не пожелал наглядно продемонстрировать, как конкретно осуществлялось это всеобщее равенство в благословенном 1937 году. Будучи современником и в какой-то мере участником исторического процесса (мне в 1937 году было 32 года), возмущу на себя смелость пополнить этот пробел.

В 1937 году я работала в газете МК ВКП(б) «Рабочая Москва». Помнится, ставя в пример статью какого-нибудь секретаря райкома, директора завода, режиссера или писателя, мы отнюдь не были уверены, что этой ночью наш автор не будет арестован как «враг народа». Мы также не были уверены, что каждый из нас — включая редактора — выйдет завтра утром на работу. В этом смысле уравнивание в правах было поразительным. В двадцатых годах ареста боялись бывшие белые офицеры, бывшие меньшевики и эсеры. В конце 20-х — начале 30-х — бывшие троцкисты, старые инженеры и многие крестьяне-единоличники (отнюдь не только кулаки). Начиная с 1937 года каждый гражданин нашей страны — без различия пола, возраста, происхождения, социального положения и партийности — мог ожидать, что за ним придет «черный ворон». Состав заключенных в лагерях подтверждал это «всеобщее равенство».

Зато уж вот где без
изъятия
Все классы делались равны.
Все люди — лагерные
братья —
Клеймом измены клеймены.

* * *

И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын
наркома,
Сын командира иль попа.

(А. Твардовский. По праву памяти)

При желании можно было созывать в лагерях партийные конференции, съезды писателей, военные советы, совещания академиков, изобретателей, режиссеров, рабочих-стахановцев, колхозников-ударников. Впрочем, желания такого не было. Благотворное влияние равенства заключенных на развитие нашей культуры выражалось в том, что все они — исключая «придурков» — копали землю и валили лес: академики и колхозники, писатели и слесари, маршалы и художники. Ку-

да уж большее равенство!

Не менее любопытно звучит — при проверке на исторических реалиях — заявление, что с 1937 года «навсегда исчезло подразделение людей на различные категории» — при поступлении на работу, в вуз и т.п.

Социальные ограничения Конституцией действительно были отменены. По закону полагалось принять в вуз любого человека, выдержавшего экзамен, на работу — любого, подходящего по профессии и деловым качествам. Но — одновременно с принятием Конституции была ликвидирована законность. Если обходились без законов при решении вопроса о жизни и смерти, то тем легче отбрасывались они, когда речь шла о гражданских правах. Вместо прежних ограничений появилось множество новых. Количество их росло с каждым годом и закрывало дорогу все большему числу людей. Что только не учитывалось при новом «подразделении на категории»: национальность; участие в оппозициях; пребывание за границей; наличие родственных связей за границей; наличие репрессированных родственников, друзей и знакомых (а у кого их не было!); пребывание в плену; пребывание на оккупированной территории... И так далее, и тому подобное.

Прежнее подразделение на социальные категории никем не скрывалось — оно открыто провозглашалось как классовая политика партии и правительства. Новые ограничения, введенные взамен изживших себя социальных, скрывались как постыдная болезнь, ибо были незаконными. Категории стали секретными, вслух не назывались и в качестве мотивов отказа не употреблялись (хотя это был «секрет полишинеля»). Понадобилась сложная система и особый аппарат, чтобы проводить в жизнь специфическую кадровую политику. Огромную силу приобрели необычайно разросшиеся отделы кадров, ранее скромно занимавшиеся регистрацией сотрудников. Теперь уже не руководитель учреждения, а по существу подчиненный не ему начальник отдела кадров определял, кого брать на работу, кого выдвигать на руководящую должность. Решающую роль при этом стали играть не таланты, не подготовка, не работоспособность, а «чистота» анкеты, личные связи и... способность к безгласному послушанию.

К чему это привело — я особенно хорошо знаю по близкой мне области журналистики. Аресты помогали избавиться от мыслящих, самостоятельных и культурных редакторов. Посажённые на редакторские кресла малокомпетентные, но зато по-

слушные люди боялись ответственности (впрочем, было чего бояться!) и с каждой строчкой бежали «наверх». Именно со второй половины 30-х годов редакторы перестали редактировать: какой-нибудь инструктор стал не только единолично утверждать планы номеров, полосы, подборки, но и собственноручно «исправлять» стихи, статьи и романы. Именно со второй половины 30-х годов укоренился и получил массовое применение антидемократический метод «заавторства»: автор освобождался от труда высказывать свое мнение по тому или иному вопросу, ему просто приносили на подпись заготовленную в редакции статью. Удивительно ли, что в результате всей этой бурной деятельности читать было уже почти нечего — и иные газеты и журналы различались почти только по верстке.

Тот же губительный для культуры процесс стандартизации происходил в литературе, театре, кино, живописи. Начиная со второй половины 30-х годов в Москве были ликвидированы такие своеобразные, обладавшие неповторимым творческим лицом театры, как Театр Мейерхольда, Камерный театр, возглавлявшийся Таировым, и некоторые другие. Были приняты меры, чтобы Театр революции (переименованный впоследствии в Театр имени В. Маяковского) как можно меньше походил на прежний Театр революции, чтобы в Театре имени Вахтангова ничего не напоминало яростного Вахтангова, чтобы все театры стали одинаковыми. Этому процессу стандартизации, разумеется, очень помогли арест и оклеветание В. Э. Мейерхольда и других деятелей театра.

Что касается литературы, то достаточно взять первые пять томов «Литературной энциклопедии», чтобы приблизительно (очень приблизительно!) определить ее потери. В этих томах я насчитала: а) 138 писателей, о которых кратко сказано: «Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно»; б) 22 писателя, о которых этого не сказано (возможно, потому, что к моменту составления 1-го тома о них еще не было сведений), но это можно подозревать по ряду биографических данных; в) 40 писателей, подвергшихся репрессиям, но выживших в лагерях и тюрьмах и потерявших «только» 7—10—17 лет жизни. Итого — 200 прозаиков, поэтов, критиков и литературоведов. Это только те, чьи фамилии начинаются с букв «А—П» (до половины «П»), и только те из них, кто попал в энциклопедию.

По некоторым данным, всего было репрессировано

* Напоминаю, что Конституция была принята 5 декабря 1936 года.

* См.: Воннегут Курт. Бойня номер пять. Новый мир. 1970. № 3—4.

около 600 членом Союза писателей. Это — не считая писателей, которые еще не стали членами Союза. И не считая тех, кто не был писателем к моменту ареста, но мог им стать (кое-кто из выживших, как мы знаем, и стал).

Расцвет культуры! Примерно такой, как при хунвейбинах в Китае.

Кстати, о культуре.

Удар, нанесенный в те годы литературе и культуре братских народов нашей страны (и тех, чья культура только еще зарождалась, и тех, у кого она была древнее нашей), — был поистине чудовищным. Некоторые малые народы лишились чуть ли не всей своей любовно выращенной интеллигенции — во всяком случае, ее выдающихся представителей.

Не будем здесь говорить о потерях таких литератур, как украинская, грузинская, армянская. Это тяжкие, болезненные потери. Они хорошо известны, их понесли литературы древние, богатые, широко разветвленные.

Но вот что произошло, например, с удмуртской литературой. Судя по тем же первым пяти томам «Литературной энциклопедии» (напоминаю, что это только половина алфавита), в 30-х годах были арестованы и погибли три удмуртских писателя. Об одном из них, Дмитрии Корепанове, в энциклопедии сказано, что он — «первый крупный удмуртский прозаик, творчество которого выросло на почве истории и фольклора родного народа», много сделавший для упорядочения орфографии родного языка. Другой, Михаил Коновалов, не только писатель, но видный фольклорист — собиратель удмуртских народных песен, сказок и преданий, в частности о Пугачеве.

Много ли было в Удмуртии таких писателей?

В лагере погиб зачинатель черкесской художественной прозы Магомет Дышеков, известный также как выдающийся деятель культуры — автор «Практической грамматики кабардино-черкесского языка» и ряда учебников.

Та же судьба постигла первого нанайского писателя — и первого председателя нанайского райисполкома — Э. Ходжера; зачинателей бурятской художественной прозы Ц. Доно — первого наркома просвещения Бурятской АССР и Дамбинова — редактора первой газеты на бурятском языке; марийского поэта Иная Одыка, писавшего сонеты, терцины, октавы, переводившего на марийский язык Пушкина, Некрасова и Маяковского; зачинателя чеченской литературы Саида Бадиева. Тем же путем ушел из жизни известный татарский (я имею в виду казанских татар) писатель Галимджан Ибрагимов — ученый, публицист и обществен-

ный деятель, член коммунистической партии с 1917 года, переводчик сочинений В. И. Ленина на татарский язык.

Той же смертью погибли башкирские писатели — Амантай, С. Галимов, Г. Давлетшин, И. Насыри, хакас Вас. Кобяков, осетин С. Кудиев. Точно так же окончил жизнь Текки Одулок — сын маленького, до революции вымиравшего народа юкагиров, автор широко известной и переведенной на многие иностранные языки повести «Жизнь Имтсургина-старшего».

В лагере или в тюрьме, с клеймом «врага народа», настигла смерть родоначальника якутской советской литературы Платона Ойунского (Слепцова), красногвардейца, бывшего предгубревкома и председателя ЦИК Якутской АССР, делегата I съезда писателей. Платон Ойунский, переведший в 1921 году на якутский язык «Интернационал», ввел в родную поэзию неизвестный дотоле якутам силлаботический стих. Он был поэтом, прозаиком, драматургом, лингвистом. Многие его стихи стали якутскими народными песнями.

Мартиролог далеко не полон, но продолжать его нет сил. По-моему, «благоприятное» влияние 1937 года на культуру нашей страны выяснено достаточно. Во всяком случае, мы получили некоторое представление о происходившем в 30-х годах планомерном процессе уничтожения национальных культурных кадров, воспитанных Советской властью в предшествующие годы.

А теперь перейдем к той области культуры, монопольное право на защиту которой в последнее время присвоили себе Семановы. Я имею в виду охрану и изучение памятников старины — в частности и в особенности старины русской.

Известно, что Советское правительство с первых шагов своей деятельности приняло меры к охране этих памятников. И все же многие из них были разрушены или пришли в негодность в годы гражданской войны и голода. Это обидно и горько, но — понятно. Тут действовало множество факторов: и веками накопившаяся злоба народных масс, переносившаяся на памятники, предметы обихода царей и помещиков; и контрреволюционная деятельность духовенства в первые годы Советской власти; и недостаток средств в разоренной стране; и низкий уровень многих местных руководителей плюс безудержное «творчество» других. Все это было — и от этого многое в истории нашей культуры пострадало.

Но храм Христа Спасителя в Москве был разрушен не в первые годы революции. Его спокойно, по плану, утвержденному Ста-

линым, снесли в те самые благословенные 30-е годы. И храм Спаса-на-Бору (XIV в. с перестройками XVI в.) внутри Московского Кремля, и Чудов и Вознесенский монастыри (XIV—XV вв.) — там же, и Красное крыльцо Грановитой палаты — все это было снесено тогда же, с благословения или по прямому указанию Сталина. При этом на месте Вознесенского монастыря был построен никому не нужный Кремлевский театр бездарной архитектуры.

А ведь в ту пору раздавались еще протесты. Протестовал, в частности, против разрушения памятников русской культуры тогдашний директор библиотеки имени В. И. Ленина, старый большевик В. И. Невский. Но все было тщетно. Памятники архитектуры под ударами ломов, а В. И. Невский — в лагере.

Таких примеров можно, впрочем, привести сотни. Отсылаю Семанова к его единомышленнику и одножурналисту Владимиру Солоухину. В своих известных «Письмах из Русского музея», напечатанных в той

же «Молодой гвардии», редактировавшейся тем же Анатолием Никоновым (1966. № 9, 10), Солоухин, кое в чем не уступающий Семанову, не позорит себя, по крайней мере, прославлением сталинских деяний в области культуры. Вот что он пишет:

«С начала тридцатых годов началась реконструкция Москвы. Но ведь еще Владимир Ильич Ленин в беседе с архитектором Жолтовским дал твердое указание (можно найти в соответствующих документах), чтобы при реконструкции Москвы не трогать архитектурных памятников. Как и во многом другом — не послушались Ленина.

Да и не везде была реконструкция. Лучшие всего об этом говорит то, что на месте большинства замечательных, удивительных и бесценных по историческому значению древних памятников архитектуры теперь незастроенное, пустое место».

Далее Солоухин называет некоторые из снесенных памятников и заканчивает перечисление их цифрой: «Памятников архи-

тектуры в Москве уничтожено более четырехсот...» Более четырехсот — только в Москве! И — начиная с тридцатых годов! Интересно, сколько погибло их во время пожара Москвы 1812 года? Во время фашистских налетов в 1941 году? Какое нашествие варваров может сравниться по своим последствиям с нашествием Сталина?

И один и тот же редактор подписывает к печати и свидетельство Солоухина о варварском разрушении культуры Сталиным, и утверждение Семанова о его «благоприятном влиянии на развитие нашей культуры». Поистине — «широк человек — надо бы сузить», как говорил Митенька Карамазов.

Цинизм, с которым Семанов датирует начало расцвета нашей культуры 1937 годом, не имеет себе равного. Казалось бы, как может он, Семанов, так пекущийся о русском народе, о его истории, о его «вечных ценностях», столь легко списывать со сталинского счета разгром русской — и советской, и древней — культуры?

Печатается в сокращении

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Орган Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ФЕЛЬЕТОН

ХРОНИКА

ВЕЛИКОСВЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Нам сообщили, что 3 сентября в глазной клинике при Сибирском университете, что в Италии, была проведена успешная операция на правом глазу супруге академика Сахарова.

Послушаем Сахарова: «Наблюдая за ходом политических событий последних лет, я не мог, в частности, не прийти к впечатлению, что политические деятели или воле-

Нам сообщили, что третьего сентября в глазной клинике при Сибирском университете, что в Италии, была проведена успешная операция на правом глазу супруге академика Сахарова Боннэр. Мы рады за г-жу Боннэр, которая наконец нашла глазных хирургов, подобающих ей по социальному статусу. Что там советские специалисты, проводящие по 300 000 таких операций ежегодно! Они, конечно, не имеют доступа к правому глазу высокопоставленной дамы, хотя по наивности предлагали ей свои услуги.

Приятно и другое — г-жа Боннэр избрала очень уместный момент, чтобы взглянуть на мир просветленным взором, — нынешней осенью на Западе высоко взметнулась волна известности супруга. Как раз в то время, когда исцеленная путешествует по солнечной Италии, появилось сообщение о присвоении академику Нобелевской премии мира, а в очень подходящем месте — Копенгагене, где сквозь пальцы смотрят на всякие непристойности, состоялся сеанс политической порнографии — «Сахаровские чтения». Там на все лады поносили Советский Союз, обвинив его во всех тяжких грехах, в том числе и отсутствии свободы для беспрепятственного занятия гомосексуализмом.

Через супругу Сахаров по телефону передал приветствие профессионалам-анти-советчикам, съехавшимся в Копенгаген, а она, вполне вкусив от славы мужа, объясняет всякому и каждому, каким неслыханным притеснением подвергается несчастный академик в Советском Союзе. И, конечно, его семья.

Присуждение Нобелевской премии мира Сахарову, вероятно, вершина, достигнутая до сих пор умелыми политическими порнографами. Как мотивы присуждения премии, так и все связанное с этим бесстыдно обнажено.

В прошлом году в США увидела свет книжка «Говорит Сахаров», в которой собра-

ны его сентенции по всем и всяческим вопросам. В предисловии он написал: «Давая сведения о себе, я не надеюсь положить конец лживым слухам в отношении фактов, которые часто неверно представлялись в печати из-за невежества или погони за сенсацией». «К сожалению, в последние годы я не был удовлетворен моей производительностью в научной сфере. Решающую роль в этом сыграли два обстоятельства: во-первых, я постарел для физика-теоретика, во-вторых, прискорбные, а недавно очень тревожные обстоятельства, в которых оказались близкие мне люди, моя семья и я сам». Что касается второго, то зрелище г-жи Боннэр, вояжирующей между Римом и Флоренцией, достаточно для понимания малой обоснованности тревог физика, но первое много серьезнее.

Сахаров решил возместить прогрессирующую научную импотенцию лихим ударом в другой области — он поднял голову от научных расчетов, огляделся и усмотрел общую неустраиваемость дел человеческих. Засим он решил внести в них порядок и начал на бумаге перестраивать мир. В одном эссе Сахаров выразил надежду, что он от «инопланетных цивилизаций» ждет научных и технических сведений, а главное — помянутая информация «может быть полезной в смысле социального опыта».

Но коль скоро пришельцы пока не откликнулись, академик ринулся переустраивать мир по своему разумению. Он обнаружил, что на Земле истощаются природные ресурсы, нефть, природное плодородие почвы, количество чистой воды и, добавил Сахаров, «тому подобное», причем «значительная доля ответственности за это ложится на социалистические страны».

И, не переводя дыхания, обрушился на собственную страну и социализм. Тут шутки кончились. За такие «научные подвиги» Саха-

ров был немедленно поднят на шит всей международной реакцией, стал кумиром империалистической пропаганды. Идеологически он был принят на равных в клуб миллионеров, ибо обнаружил такие прелести в капитализме, о которых на Западе давным-давно не слышали. В московскую квартиру академика зачастили иноземные визитеры, и вот по осени 1974 года он открыл дверь самому сенатору Бакли.

Беседа с заезжим сенатором и миллионером (кстати, пресловутым — даже по американским критериям — реакционером) подтолкнула Сахарова к новым свершениям. Он сочинил «труд» «О стране и мире». В первых же строках Сахаров согнулся в поклоне перед Бакли, да так, что нос интеллектуала достиг пола перед самодовольным коммерсантом: «Сенатор Бакли был первым и пока единственным американским политическим деятелем, посетившим меня. Мы обсуждали с ним почти все основные политические вопросы современности, но в конспективной форме, и я тогда же почувствовал необходимость более подробного их изложения. Я пользуюсь случаем выразить сенатору Бакли благодарность за его посещение».

Хотя вязкий, неудобочитаемый стиль никак не идет к жанру такого рода, академик выступил бардом капитализма, воспев его во всю мощь легких. Он издал трубный глас: «капиталистические, но демократические государства ближе к истинно человеческому обществу», чем социалистические страны. Расписав самыми яркими красками «преимущества» системы наемного рабства, Сахаров всю оставшуюся на палитре черную краску потоком вылил на социалистические страны, в первую очередь на родину социализма и свою — Советский Союз.

Зачем? Отнюдь не для того, чтобы излить накопившуюся злобу, а в определенных поли-

тических целях. Послушаем Сахарова: «Наблюдая за ходом политических событий последних лет, я не мог, в частности, не прийти к впечатлению, что политические деятели при ведении переговоров часто недостаточно учитывают особенности своего социалистического партнера по переговорам... Одна из целей письма — обосновать необходимость единой межгосударственной линии стран Запада во всех проблемах взаимоотношений с социалистическими странами — в торговле, в культурных и научных контактах, в переговорах о разоружении и в переговорах о предотвращении конфликтов в горячих точках планеты». «Самое важное, — повторял он, — единство Запада». Вот так. Не меньше, чем генералы НАТО, печется Сахаров о единстве противников Советского Союза, поучая политических деятелей капитализма, как им вести себя по всем без исключения вопросам.

Известно, например, что Сахаров был среди тех, кто вместе с сенатором Джексонсом подрывал введение в силу торгового соглашения между США и СССР 1972 года, обращаясь к Джексону с нижайшей просьбой использовать вопрос о предоставлении режима наибольшего благоприятствования как средства для вмешательства в наши внутренние дела. Теперь, когда провокаторы достигли своих целей, академик с удовлетворением потирает руки: «принятие конгрессом США поправки к закону о торговле является актом исторического значения, который продолжает лучшие демократические и гуманистические традиции американского народа».

Записав тех в США, кто срывает нормальную торговлю между нашими странами, в разряд «гуманистов», Сахаров тут же показывает, что имеет в виду под «гуманизмом». Он проливает слезы над судьбой бывшего агента абвера, затем бандита Караванского, бандита Паулайтиса и других, осужденных советским

судом. Руки этих преступников запятнаны кровью десятков и десятков советских людей, в том числе женщин и детей. «Гуманист» Сахаров восклицает: «Я, как большинство читателей этих строк, никого из них не видел в глаза, но их судьба, напоминающая о судьбе узников средневековых тюрем, а в наши дни — несчастного Гесса, не может не потрясти». Да, насчет Гесса куда уж Сахарову понять — его сверстники, 1921 года рождения, в том году, 1941-м, грудью встретили нашествия фашистов, воспитанных извергами типа Гесса, в то время как Сахаров продолжал спокойно получать высшее образование. По склонностям своим он не торопился разделить героическую судьбу своего поколения.

Зато ныне он забегает впереди самых реакционных политиков. Его отнюдь не трогают кровавые злодеяния империализма, напротив, Сахаров задним числом упрекает США за то, что-де Вашингтон не проявил должной решимости во Вьетнаме. «Я считаю, — пишет он, — что при большой решимости и последовательности в американских действиях, в военных и политических областях, можно было бы предупредить трагическое развитие событий. Политическое давление на СССР, стремление не допустить поставок оружия Северному Вьетнаму, посылка мощного экспедиционного корпуса — все это могло повлиять на ход событий».

Где бы ни случались ныне вылазки реакции, Сахаров первый бросается аплодировать. Он приветствовал приход к власти Пиночета как фактор стабилизации и консолидации нации, но у него не нашлось ни слова, чтобы осудить франкистов, казнивших пятнадцать испанских антифашистов, хотя это подняло на ноги прогрессивную общественность всего мира. Все это не случайно, Сахаров сделал выбор — он на стороне реакции.

Теперь Сахаров учит: «Только самое силь-

ное и чувствительное для советских властей давление может иметь шансы на успех». Какого же «успеха» хочет академик?

Он считает, что, если Запад примет на вооружение его рецепты, все пойдет по маслу, точнее, Советская власть исчезнет как таковая с лица земли. Он настаивает, что Запад в обмен на разрядку должен потребовать от Советского Союза всего-навсего: частичной денационализации, немедленного отделения союзных республик и прочего. Так. Чем тогда уступает сахаровская программа тому, с чем шли против СССР наши враги? Разве иное несли гитлеровцы народам Советского Союза? Знакомые лозунги звучат в сахаровских рекомендациях. Только прежде такое будущее для нашей страны готовили господа капиталисты.

Восседавая на любимом месте, на кухне своей квартиры, поблизости от холодильника и мойки, академик предписал человечеству, как жить. Рецепты для крайне реакционных политиков более чем приемлемы, их, несомненно, заметили. Но как отметить? Очень просто. Деньгами, но вручив их с надлежащей помпой. Поэтому гонорар, а также подачку провели по графе Нобелевской премии мира. Сахарову обещано более ста тысяч долларов. Трудно сказать, в какой мере это соответствует по курсу 30 сребренникам древней Иудеи. Квалифицированный ответ на этот вопрос может, вероятнее всего, дать г-жа Боннэр, весьма сведущая в этих вопросах.

Вот и отметили. Буржуазия расплатилась за услуги. А «высший свет» Запада в восторге — пошли поздравления знати: княгини Шаховской, бывшего министра Штрауса и прочих. Свои поздравляют своего.

Труд. 1975. 28 октября

З. АЗБЕЛЬ

НЕ НАПЕЧАТАННОЕ ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ТРУД»

Читать напечатанный в вашей газете 28 октября 1975 года «политический фельетон» «Хроника велико-светской жизни» стыдно и страшно.

Стыдно — за автора и редакторов. Страшно — за общество, которое ограничивается такой прессой.

Вы напечатали это грязное произведение с целью вызвать у читателей отвращение к академику Сахарову. У каждого чистоплотного человека оно вызывает отвращение к вашей газете и к тем, кто вдохновил вас на эту акцию.

Я не собираюсь здесь заниматься анализом взглядов и убеждений Андрея Дмитриевича Сахарова. Будучи несогласной со многими его высказываниями, я могла бы полемизировать с ним в том случае, если бы он имел возможность отвечать на эту полемику в своей стране. Ему заткнут рот — и поэтому полемизировать с ним я не буду.

Но то, что напечатано в вашей газете, — не полемика. И никакая не «идеологическая борьба». Это просто ушат грязи, обдуманно вылитый на голову чистого, честного и гуманного человека, который «поднял голову от научных расчетов, огляделся и усмотрел общую неустроенность дел человеческих».

Вот за это вы и ненавидите его и поливаете грязью. Сидел бы за своими научными расчетами и не нарушал бы монополию: говорить «о неустроенности дел человеческих» положено только вам — и только то, что приказано.

Я не знаю, кто такие Караванский и Паулайтис. Но я знаю, кто такие Леонид Плющ, Владимир Буковский, Андрей Твердохлебов, Петр Григоренко, Семен Глузман и многие-многие другие, в защиту которых поднял свой мужественный голос академик Сахаров. Это люди, томимые в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах, которых стремятся довести до смерти или до действительного психического заболевания только за то, что они требуют, чтобы декларируемые нами демократические свободы реально осуществлялись в нашей стране.

Это на руках талантливых Леонида Плюща или Андрея Твердохлебова — кровь советских людей? Или на руках математика Револьта Пименова? Или, может быть, на руках заслуженного генерала Советской Армии коммуниста Петра Григоренко, пять лет отсидевшего в психиатрической тюрьме? Может быть, на руках одного из честнейших и талантливейших писателей наших — Виктора Некрасова, воевавшего в окопах Сталинграда и написавшего об этом одну из лучших книг советской литературы? Сейчас автор выдворен за границу, а его книги потихоньку изымаются из библиотек. Может быть, кровь советских людей — на руках Валентина Мороза, который хотел охранить сокровища украинской литературы от безграмотных русификаторов и жадных расхитителей? Нет, это его кровь — на руках тех тюремных начальников, что посадили в его камеру уголовников, снабженных ножами.

Есть большая группа преступников, на руках которых кровь советских людей. О них вы молчите. Это — работники карательных органов, деятели светлой памяти 1937—1949—1953 годов. Некоторые из них продолжают свою деятельность, но большинство утомилось: одни умерли в своих постелях или в привилегированных больницах, оплаканные семьями и парторганизациями, другие, обеспеченные высокими пенсиями, вкушают «заслуженный отдых». Та кровь, которую они пролили в следственных кабинетах Лубянки, Бутырки и других тюрем, на Колыме, в Воркуте, в Караганде, — эта кровь вас не беспокоит?

Их наследники действуют сейчас малой кровью и большим беззачетом, об их жертвах и печется Сахаров. И этого вы не можете ему простить, ибо печетесь не о жертвах, а о палачах.

Вы осмеливаетесь упрекать Сахарова в том, что, будучи 1921 года рождения, не принимал участия в войне, а «продолжал спокойно получать образование». Да где была бы сейчас наша страна, если бы в мясорубку войны были брошены все ученые (как преступно поступили со многими добровольно пошедшими в Московское ополчение 1941 года научными работниками) и вся студенческая молодежь? Миллионы воевали, но миллионы делали свое дело в тылу. И вы осмеливаетесь упрекать в этом как раз того юношу, который за свои крупнейшие научные заслуги стал академиком, трижды Героем Социалистического Труда! Много ли вы сможете назвать людей, так оплативших полученное ими образование?

«По склонностям своим (?) он не торопился разделить героическую судьбу своего поколения».

По склонностям? А вот в «Книжке партийного активиста» (Справочник за 1976 год. М., Издательство политической литературы) я читаю биографии членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Это — высший штаб нашей страны. Двадцать два человека. Почти все — участники Великой Отечественной войны; большинство значительно превосходят А. Д. Сахарова по возрасту. Однако среди этих двадцати двух я насчитала четырех человек сахаровского поколения, которые на фронте не были и в войне не участвовали. Одному из них в 1941 году исполнилось 23 года, другому — 24, двум по 27 лет. Возраст, как мы видим, самый цветущий, призывной. Все они, конечно, в годы войны работали или учились. Как ни относиться персонально к каждому из них, но чье-либо утверждение, будто эти люди «по склонностям своим» не торопились разделить героическую судьбу своего поколения, справедливо рассматривалось бы как бесовская клевета.

А в отношении Андрея Дмитриевича Сахарова бесовская клевета, значит, допустима? И не наказуема? У вас поворачивается язык упрекать в продажности человека, который всю свою Ленинскую премию (сто тысяч рублей) отдал на строительство Онкологическо-

го центра в Москве. Человека, о котором вы прекрасно знаете, что, будь он столь же послушен и конформен, как те 72, что его осудили, — он имел бы все, чего пожелает, и в любых количествах.

У вас хватает наглости, пользуясь скромностью ученого, вполне в духе политической порнографии острить над его снизившейся научной производительностью, о чем он заявил сам. Но, во-первых, в тех условиях, в которых живет Сахаров, любое продолжение научной деятельности есть подвиг.

Во-вторых, если бы Сахаров ничего больше в жизни не сделал, он все равно остался бы великим ученым. В-третьих, если вас так беспокоит научная производительность иных ученых, почему бы не вспомнить о тех академниках, которые никогда ничего в науке не сделали: ни до, ни после того, как стали академиками. Академика Митина, например. Или академика Ильичева. Или некоторых других, из числа, скажем, подписавших «Заявление 72-х».

Вы инкриминируете академику Сахарову беседу с заезжим американским сенатором и миллионером Бакли. Сколько мне помнится, Бакли приезжал в Советский Союз в составе делегации сенаторов, приглашенных нашим правительством. Если он «даже по американским критериям пресловутый реакционер», зачем было звать его в гости? А почему бы Сахарову гнушаться беседовать с миллионерами, если таких бесед не гнушаются наши руководители? Разве Никсон не был пресловутым реакционером? А президент Форд разве американский коммунист? И не боялся ли члены нашего правительства, что после дружеских бесед с Нельсоном Рокфеллером они будут приняты в клуб миллионеров?

То, что написано в статье о жене академика Сахарова, читать вообще невозможно. Так ругались когда-то на одесском базаре торговли; с тех пор, как я слышала, уровень их морали и культуры повысился. Не имея склонности к жанру великосветской хроники и не испытывая любопытства к интимной жизни знаменитых людей, я вообще не понимаю, какое отношение к политическому и человеческому облику Андрея Дмитриевича Сахарова имеет операция глаукомы, сделанная его женой? Повторяю, я не любитель жанра великосветской хроники, но, если уж вводить в советских газетах этот ранее отсутствовавший в них жанр, я бы с большим интересом прочла о времяпрепровождении мадам Мжаванадзе, чьи торговые операции имели прямое отношение к политическому и человеческому облику ее супруга.

Антисоветская концовка статьи вполне соответствует общему моральному уровню произведения.

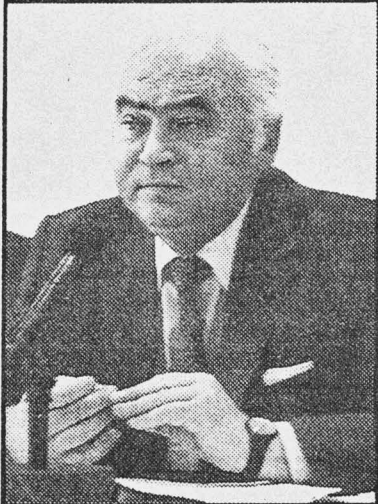
Конечно тем же, чем начала: стыдно. Мне — стыдно вдвойне: я — член того же Союза советских журналистов и той же партии, что и редактор «Труда».

2 ноября 1976 г.

Р. ЛЕРТ, член КПСС с 1926 г.

Материалы предоставил сын Р. Б. Лерт — И. А. Энгельгардт

КАБИНЕТ

Посол по особым поручениям МИД СССР Юрий КАШЛЕВ

КАК УСТРАНИТЬ «НОЖНИЦЫ»

— Юрий Борисович, в хельсинкском Заключительном акте тематике прав человека была посвящена примерно одна машинописная страница. В венском же Итоговом документе — уже несколько десятков страниц.

— В этом нет ничего удивительного. На Венской встрече мы смогли на практике применить новые подходы. В ходе нашей демократизации мы расчистили то, что в застойные времена накапливалось и вызывало раздражение и кормило антисоветскую пропаганду: выездные дела, политические заключенные... Как подтверждает сама западная печать, у нас выпущено из тюрем и психиатрических клиник около 600 человек — именно тех, кого они называют политическими заключенными. Пересмотрена практика психиатрического лечения. Теперь уже никто, и в том числе приезжавшая в СССР делегация американских психиатров, не утверждает, что мы держим в психиатрических больницах «диссидентов». Сильно изменилась практика выездов. Вот такой пример: только в 1988 году из СССР за границу на постоянное жительство выехали 108 тысяч человек. Это почти в 20 раз больше, чем в 1986 году. В этом году ожидается выезд до 200 тысяч человек. Мы стали меняться в глазах зарубежного общественного мнения.

— Что еще конкретно дает повод говорить о «прорыве» в гуманитарно-правовых делах?

— Во-первых, значительно расширена категория тех вопросов из сферы прав человека и контактов между людьми, которые являются теперь предметом законного коллективного рассмотрения в рамках хельсинкского процесса. И, во-

вторых, начал действовать упомянутый механизм двустороннего и многостороннего взаимодействия государств по этим вопросам.

Говоря о первом, напомню, что в венском Итоговом документе государства-участники подтвердили свое обязательство, я цитирую, «уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Они также подтверждают всеобщее значение прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и безопасности...».

Наряду с правами в области социального обеспечения, занятости, жилья, здравоохранения и культуры в венском документе перечисляются целые категории прав, касающихся свободы передвижения граждан внутри своих стран и между странами, возможности знать свои права и активно защищать их индивидуально или совместно с другими людьми, права на справедливое и публичное разбирательство в независимом суде, права апелляции к исполнительным, законодательным, судебным или административным органам.

Государства-участники обязались также исключать произвольные аресты или ссылки, обеспечивать гуманное обращение с заключенными, запрещать пытки и другие виды бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения, защищать граждан от злоупотреблений психиатрической практикой и наказывать виновных в этом, сокращать перечень наказаний в виде смертной казни и так далее.

Большой раздел посвящен религиозным свободам, включая возможность религиозных объединений самим организовывать свою деятельность, право каждого давать и получать религиозное образование на языке по своему выбору индивидуально или совместно с другими, право родителей обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей, право импортировать и распространять религиозные издания и материалы.

Возвращаясь к теме свободы передвижения, напомню, что впервые в общеевропейском процессе было ясно подтверждено право граждан покидать любую страну, включая свою собственную, и в нее возвращаться с учетом лишь тех ограничений, которые предусмотрены законом и совместимы с международным правом.

Важные договоренности достигнуты о расширении распространения всех форм информации, об учреждении культурных центров одних европейских стран в других, о содействии нацменьшинствам в развитии культуры.

— В области контактов между людьми, въездов и выездов раньше, насколько известно, на общеевропейских переговорах было немало взаимных обвинений.

— В этой области зафиксированы конкретные сроки. От трех месяцев до трех дней — для решения таких вопросов, как воссоединение семей, браки между иностранцами, выезды в случаях болезней и т.д. Расширены категории, по которым родственники могут выезжать за рубеж по семейным обстоятельствам, упрощаются визовые формальности для всех выезжающих и въезжающих, предусматриваются выезды вообще без приглашений, наличие которых ранее считалось обязательным.

— Все, что Вы говорите, произ-

водит впечатление. Но возникает вопрос: а сейчас наши законы и наша практика соответствуют ли международным обязательствам, в том числе и венскому документу?

— Надо самокритично признать, что нам действительно предстоит сделать в этой области очень многое. Наши правовые акты и особенно правила, инструкции на протяжении десятилетий составлялись без учета международных обязательств Советского Союза. Их сейчас надо приводить в порядок. Все мы должны подчиниться тем правовым нормам, которые существуют среди цивилизованных государств.

Законы нам известны, а вот подзаконные акты, инструкции во многих случаях ранее существовали только для узкого круга их исполнителей. Это недопустимо в государстве, считающим себя правовым.

— Ожидать, что спустя полгода после Вены мы заживем по новым стандартам, было бы утопично. С другой стороны, Политбюро ЦК КПСС 24 января этого года рекомендовало советским министерствам и ведомствам незамедлительно приступить к реализации венских договоренностей. Динамично ли, на Ваш взгляд, идет этот процесс?

— В упомянутом постановлении Политбюро подчеркивалось, что венские договоренности вступают в силу с момента их подписания, то есть с 15 января этого года. Будем надеяться, что наши министерства и ведомства исходят из этого. Сейчас самый ответственный момент в масштабной работе по приведению нашего законодательства в соответствие с международными обязательствами. Это — одна из главных задач нового Верховного Совета СССР. Работа здесь должна вестись на нескольких уровнях. Первый — это те законы, принятие которых вытекает из перестройки и демократизации. Это то, о чем говорил М.С. Горбачев 7 декабря 1988 г. в ООН: законы о гласности, о свободе совести, об общественных объединениях... К сожалению, МИД СССР не всегда заблаговременно привлекается к их подготовке, хотя это должно делаться обязательно, поскольку именно он отвечает за соответствие наших законов и правил международным обязательствам. Вместе с тем, как утверждают специалисты, есть такие законопроекты, которые недостаточно продуманы с точки зрения наших международных обязательств. Я присутствовал в нескольких аудиториях, где высказывалась озабоченность по поводу готовящегося Закона о печати. С другой стороны, готовится ли где Закон о гласности? Я считаю, что он шире и актуальнее, чем Закон о печати. Была ведь резолюция XIX партконференции о гласности, М.С. Горбачев назвал в ООН Закон о гласности первым среди тех, что у нас готовятся. Надо признать: есть случаи в нашей жизни, которые вызывают негативную реакцию за рубежом. В качестве примера я бы назвал имевшее место распоряжение о как бы двойной аккредитации журналистов при стихийных бедствиях и общественных демонстрациях. Странно такое сочетание... Или распоряжение Совета Министров СССР, запрещающее кооперативам заниматься воспроизводством и распространением аудиовизуальной и печатной продукции. Но в венском документе все государства, включая Советский Союз, признают право организаций и частных лиц получать,

воспроизводить и распространять информацию любого рода, но при соблюдении авторского права. Надо было бы именно эту сторону отрегулировать, а не запрещать целиком деятельность такого рода.

— Юрий Борисович, какую роль играет Верховный Совет СССР в общеевропейском процессе? И что Вы ждете в этом плане от вновь избранного Верховного Совета?

— Парламенты играют в общеевропейском процессе очень заметную роль. В разных странах они активно обсуждают вопросы общеевропейской безопасности и сотрудничества. Что касается нашего прежнего Верховного Совета, то, к сожалению, мне не известны случаи, чтобы наши парламентарии ездили в западные страны и интересовались, как там обстоит дело с правами человека. Западные парламентарии это практикуют. Здесь роль нашего Верховного Совета была урезанной, и очень жаль. За рубежом вызвала недоумение такая пассивность Верховного Совета. Лично я думаю, что это было вызвано тем, что у нас очень мало парламентариев — специалистов по международным делам. Куда ни кинь, всюду академики Арбатов, Примаков, да, может быть, еще несколько человек. Это, конечно, не соответствовало роли и месту международной политики в жизни нашего государства. Теперь позиция Верховного Совета может проявиться значительно активнее. Почему? Потому что движение на международном уровне к обеспечению прав человека совпадает с теми проблемами, которые были выдвинуты в этой же области у нас в ходе перестройки. Мы можем использовать международный опыт.

— Вы привели ряд примеров того, как уже после Вены у нас были приняты законодательные акты, мягко говоря, не совсем соответствующие духу венских договоренностей. Взять хотя бы запрещение кооперативам заниматься воспроизводством и распространением аудиовизуальной и печатной продукции. Это наталкивает на мысль, что наша бюрократия препятствует не только претворению в жизнь наших внутренних решений, но и осуществлению международных обязательств. Получается так, что переговоры ведут одни люди, а реализацией их итогов занимаются другие, которые не очень-то спешат...

— Если устами советского руководства говорится одно, а практика этому не соответствует, возникают своеобразные «ножницы». Это наносит урон нашему имиджу и, соответственно, подрывает доверие к нам. Сейчас нам стали верить, верить М.С. Горбачеву. И если в гуманитарно-правовой области из-за косности бюрократов будет делаться что-то, не соответствующее нашим заявлениям, это может бросить тень на нашу страну, чего нельзя допустить.

Я убежден, что все, что мы делаем и должны делать в области прав человека, проистекает из наших внутренних потребностей, потребностей перестройки. Это хорошо, что есть международные документы, есть венские решения, которые оказывают дополнительное давление, но и без них мы должны действовать на внутреннем фронте активнее. Мы должны жить на равных в семье цивилизованных народов.

Беседу вел Александр ПОКЛАД

Найти готовую на все проститутку за столиком одесского ресторана или на центральных улицах Москвы также несложно, как и в нью-йоркском баре или бомбейском отеле средней руки.

Цены — на экстрa-дам, во всяком случае, — тоже приблизительно одинаковы. Равно как и диапазон постельных услуг. Быть может, разница в сфере, как говорится, идеологической? Рассказывают байку. За стойкой бара торгуются шикарная путана и состоятельный турист из США. «Сперва уберите крылатые ракеты со своих баз в Западной Европе», — ставит категоричное условие валютная патриотка, которую с молодых ногтей учили, что «жизнь это бой». Инерция приторного нашего влечения к удобному победно-парадному самообману — вот как это называется. Общество больно. Больно той самой войной, которую восьмой десяток лет мы ведем сами с собой. Больно тяжело. И проституция, все ее разновидности — это не диагноз, всего лишь симптом. («Мы не врачи, мы боль», — писал когда-то эмигрировавший «диссидент» Герцен.) Симптом. Не самый тревожный, между прочим. Куда опаснее то, что самоуверенные старшеклассники при анкетировании могут внести валютную торговлю телом в реестр «престижных профессий»! (Такого рода исследования проводились в Риге и Москве, результаты неутешительны не только для комсомола и классных руководителей.) Стало быть, социум проиграл первое сражение за юные души — линия невидимого фронта проходит и по школьным партам.

Принято декларировать, что закрытых тем не осталось. Термин «проституция» применительно к нашей действительности впервые прорвался на страницы отечественной прессы в 1986 году. Но, увы, точки над «i» еще не расставлены...

Сергей ВЕТРОВ

НОЧНОЕ РАНДЕВУ

Так называется одна из самых популярных песен Криса Кельми. Успех понятен — речь в ней идет о проститутках, а эта тема обречена на успех. Впрочем, «проститутка» — слово некрасивое. «Путана» — другое дело. Путана — ресторана. Хорошо рифмуется. «Путана, путана...» — поет Газманов жалобным голосом. Интересно, путаны проливают слезы, слушая песни «про себя»? Таких песен становится все больше. Шахтеры жалуются, что композиторы про них не пишут. Проституткам жаловаться грех. Про них слагают стихи и повести, снимают фильмы, ставят спектакли. Но пальму первенства уверенно захватили журналисты. Не случайно говорят, что если проституция — первая древнейшая профессия, то журналистика — вторая.

Мрачное темно-красное здание на задворках рынка хорошо известно представителям обеих древнейших профессий. Рижский приемник-распределитель — одно из немногих мест в стране, где с проституцией борются всерьез. На каждую легкомысленную даму заведен «ДОП» — дело оперативной проверки. Я листал эти дела: фотографии, протоколы, объяснительные, показания свидетелей... Из сотен «ДОПов», собранных сотрудниками приемника, складывается подробная и объективная картина социальной, болезненной...

Мы так долго игнорировали существование проституции, — говорит начальник приемника подполковник Марк Дубовицкий, — что начинаем практически с нуля. Собственного опыта нет, с зарубежным знакомы плохо...

Да и подойдут ли нам их методы? В Штатах шериф запикивает проститутку в автобус, вывозит за пятьсот миль от города и бросает на дороге...

Нет, у нас никто никого на дороге не бросает. Однако логично вспомнить принудительные турпоходы за сто первый километр, которые милиция устраивает для ненадежных девочек перед разными международными фестивалями и олимпиадами. Это стало сюжетом нашумевшей пьесы Александра Галина «Звезды на утреннем небе».

В письмах, которые хлынули в редакции газет и журналов, читатели предлагают все те же универсальные методы борьбы с социальным злом: тюремная решетка, колючая проволока... Ну и, конечно, «при Сталине этого не было». Это — неправда, проституция существовала всегда — и когда нравственность общества курировал сексуальный маньяк Лаврентий Берия, и когда этим занимались Щелоков с Чурбановым.

Кстати, именно Берия пытался поставить проституцию на службу руководимым им органам с особым цинизмом. В

годы войны его сотрудники вербовали голодных, окоченевших дочек «врагов народа», оставшихся в Москве, и подкладывали в кровати офицерам союзнических миссий. Девочки наедались досыта в ресторане гостиницы «Метрополь», пели, замирая от ужаса: «Мы летим, ковыляя во мгле...» Потом шли в номера с чернокожими майорами. Начиналась оперативная работа. Что они там на шпионили, сказать сложно. Все это вдвойне мерзко, потому что прикрывалось словами о «священном долге».

Можно вспомнить и узаконенную проституцию в «охотничьих домиках» времен застоя. Конечно, никакого страха тут не было, дамочки были сытые, дородные, дефицита — навалом...

Пока мы совершали этот исторический экскурс, в кабинете Дубовицкого начался инструктаж очередной поисковой группы:

С восемнадцати до двадцати часов — четвертая и третья категории, потом — вторая, с двадцати трех — первая.

Для читателя, недостаточно хорошо знакомого с «горизонтальным бизнесом», объясним: первая категория — «интердевочки», вторая — «совпроститутки», третья — «плечевые», четвертая — «вокзальные». По ходу рейда мы познакомимся с двумя из них ближе.

...Машина «скорой помощи»

Гостиничный номер для рижской проститутки часто оказывается началом трагического маршрута в специальный приемник-распределитель и в кожно-венерологический диспансер. Картотека, собранная милицией города Риги, хранит данные не только на любительниц «ночной охоты», но и на тех, кто так или иначе попал в «группу риска».

Фото Сергея ПОДЛЕСНОГО

резко тормозит на привокзальной площади, и тут же раздается истошный крик:

— Менты!

«Четвертая категория» пускается наутек. Стартовая скорость у них невысокая. Скорее алкоголички, чем проститутки, они отдаются за флакончик одеколона или зубного эликсира. За «фунфырик» — так они называют эти флакончики. Их мир ограничен треугольником: вокзал, приемник, вендиспансер. Этот маршрут может нарушить только смерть. Умирают они рано. Не цепляются за жизнь. Нет сил. Сутенеров они не интересуют — что с них взять? Иногда их «пасут» алкаши — бомжи. Отбирают последний фунфырик. Зато поговорить есть с кем. Есть только одно, чего «вокзальные» боятся больше смерти, — «кобла» Катя. Активная лесбиянка, которая долгие годы наводила страх в зоне, а, выйдя на свободу, не может жить иначе. Высокая, широкоплечая, беспредельно жестокая. Ей надо угождать, перед ней надо заискивать, делать все, что она захочет. С ней надо дружить. Она ведь и бутылку может достать. У нее все схвачено. Только вот иногда очень больно делает... Садистка. «Вокзальных» привезли в приемник, сейчас — дезинфекция, опрос, а утром — в закрытый кожвендиспансер.

Это лечебное учреждение смахивает на тюрьму. По своей

воле сюда никто не приходит. Порядки строгие: решетки на окнах, никаких прогулок, никакого общения с противоположным полом. Женщины на втором этаже, мужчины — на третьем, входы-выходы перекрыты, но можно взять веревку, смастерить крючок, прицепить записочку... Всюду жизнь! Здесь она, конечно, несладкая. Кормят плохо, помыться негде. Чуть что — в карцер сажают. Он общий — и мужской, и женский, сажают поодиночке, но на стенах такие рисуночки... Вокзальным все нипочем, а вот совпроституткам плохо. Нина приехала из Москвы посмотреть конкурс в Юрмале. Кого-то триппером заразила. Случайно. Теперь вот здесь. Вокзальные говорят гадости, безобразничают друг с другом, пристаю. Нина не такая. Конечно, ходила с мужчинами в рестораны...

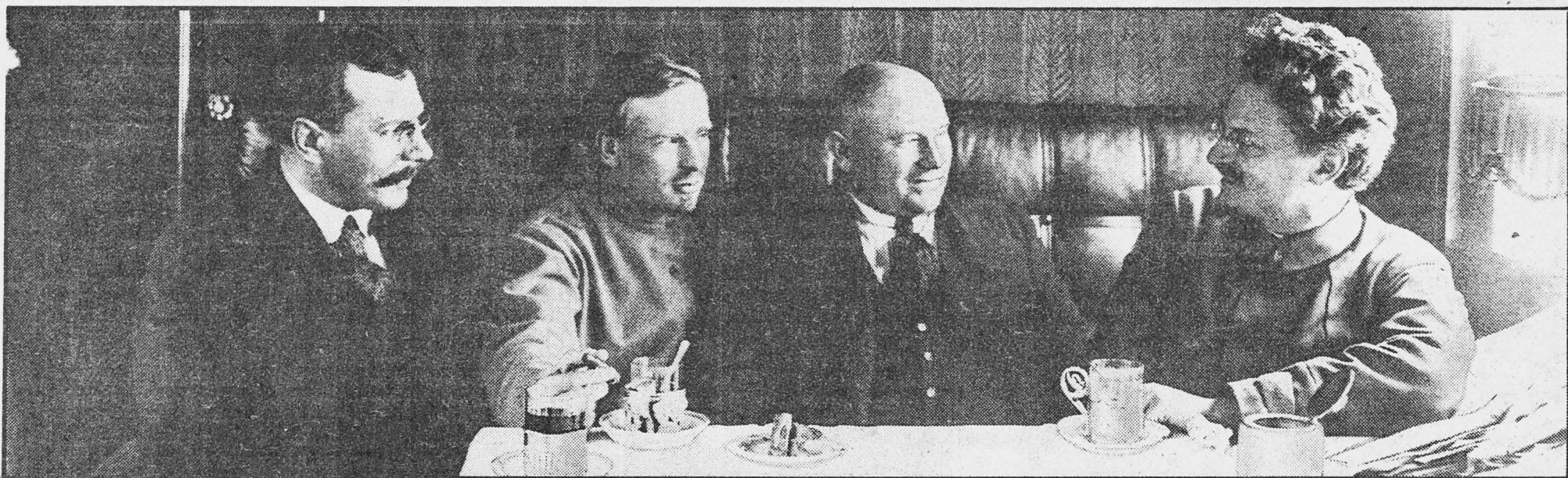
Совпроститутки окружили меня, наперебой рассказывают, какие они чистые и честные девушки. Забрали их сюда несправедливо, они ничем не больны, и вообще почти монахини. Врут убедительно, от души. Прекрасные актрисы. Без этого им нельзя. Вся жизнь проститутки — сплошная имитация. Надо смеяться, когда не весело, целоваться, когда противно. Иначе не заработаешь. А зарабатывать необходимо: ведь приходится платить швейцарам, барменам, официантам, ракетирам-телохранителям,

гардеробщикам, таксистам. Иначе скинут с круга, и пойдешь на вокзал. Из второй категории — сразу в четвертую. Уютные кафе лучше, чем зал ожидания. Вот и платят, и чем больше зарабатывают, тем больше отстегивают. Они — краеугольные кирпичики системы, в которой десятка, данная гардеробщику, превращается в сотни, данные директору, и чем выше, тем больше скромных денежных ручейков сливаются в полноводные реки, а те — в океан, имя которому — мафия. А мафия во всем мире одинакова: ее интересуют не деньги, а власть — реальная и осязаемая. Бедные девчущки, конечно, не понимают, что они винтики огромной машины. Хотя... их любимая поговорка «меньше знаешь — крепче спишь»...

...Три часа ночи, моросит мелкий дождь. Поисковая группа продолжает рейд. Позади — «плечевые», те, что в кабине МАЗов и КАМАЗов колятся дорогам, даря водителям радость общения за кусок колбасы.

Позади — школьницы — «малолетки» из кафе «Медвежонок». Великое таинство они осуществляют в туалете. Условия антисанитарные, но и цена умеренная — трешка, пятерка.

Продолжается погоня за «интершами»... О них — особый разговор.

Лев ТРОЦКИЙ

Лев Троцкий
(на фото крайний
справа) в купе
специального поезда
председателя
Реввоенсовета

ТУДА И ОБРАТНО

ТУДА...

3 января 1907 г. Вот уже часа два-три, как мы в пересыльной тюрьме. Признаюсь, я с нервным беспокойством расставался со своей камерой в «предварилке». Я так привык к этой маленькой каюте, в которой была полная возможность работать. В пересыльной, как мы знали, нас должны поместить в общую камеру — что может быть утомительнее этого? А далее — столь знакомые мне грязь, суматоха и бестолковщина этапного пути. Кто знает, сколько времени пройдет, пока мы доедем до места? И кто предскажет, когда мы вернемся обратно? Не лучше ли было бы по-прежнему сидеть в № 462, читать, писать и — ждать?.. Для меня, как вы знаете, большой нравственный подвиг — переселиться с квартиры на квартиру. А переезд из тюрьмы в тюрьму стократ мучительнее. Новая администрация, новые трения, новые усилия, направленные на то, чтобы создать не слишком безобразные отношения. Впереди же предстоит непрерывная смена начальственных фигур, начиная с администрации петербургской пересыльной тюрьмы и кончая стражником сибирского села на месте ссылки. Я уже продельвал однажды этот курс и теперь без особенного вкуса приступаю к его повторению.

Нас перевезли сюда сегодня внезапно, без предупреждения. В приемной заставили переодеться в арестантское платье. Мы проделали эту процедуру с любопытством школьников. Было интересно видеть друг друга в серых брюках, сером армяке и серой шапке. Классического туза на спине, однако, нет. Нам разрешили сохранить свое белье и свою обувь. Большой взбудораженной компанией мы ввалились в наших нарядах в камеру...

Отношение к нам здешней администрации, вопреки дурным слухам о «пересылке», оказалось весьма приличным, в некоторых отношениях даже предупредительным. Есть основания предполагать, что тут не обошлось без специальных инструкций: наблюдать зорко, инцидентов не создавать!

Самый день отъезда по-прежнему окружают величайшей таинственностью: очевидно, бояться демонстраций и попыток насильственного освобождения в пути.

10 января. Пишу вам на ходу поезда... Теня часов 9 утра.

Нас разбудил сегодня ночью в половине четвертого старший надзиратель — большинство из нас, увлеченных шахматной игрой, едва успело улечься — и заявил, что в шесть часов нас отправляют. Мы так долго ждали отправки,

«ВСЯ ИСТОРИЯ — ЭТО ОГРОМНАЯ МАШИНА НА СЛУЖБЕ НАШИХ ИДЕАЛОВ. ОНА РАБОТАЕТ ВАРВАРСКИ МЕДЛЕННО, С БЕСЧУВСТВЕННОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ, НО ОНА ДЕЛАЕТ СВОЕ ДЕЛО. МЫ УВЕРЕНЫ В НЕЙ. И ТОЛЬКО В ТЕ МИНУТЫ, КОГДА ЕЕ ПРОЖОРЛИВЫЙ МЕХАНИЗМ ПОГЛОЩАЕТ В КАЧЕСТВЕ ТОПЛИВА ЖИВУЮ КРОВЬ НАШИХ СЕРДЕЦ, НАМ ХОЧЕТСЯ КРИКНУТЬ ЕЙ ИЗО ВСЕХ СИЛ: — ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ДЕЛАЙ СКОРЕЕ!»

Эти слова, поставленные нами в качестве эпиграфа, взяты из выступления к первой публикации воспоминаний Л. Д. Троцкого о его победе из ссылки, опубликованных в 1907 году.

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) — «злейший враг советской власти», на этой аксиоме воспитано не одно поколение. «Лев Троцкий — вождь Октября, создатель Красной Армии» — это утверждение также не требовало доказательств в начале 20-х гг.

То, что Троцкий не был агентом многочисленных иностранных разведок, что он не посылал своих единомышленников взрывать наши заводы и шахты, — для большинства здравомыслящих людей стало ясно еще в конце 50-х гг., когда были реабилитированы сотни тысяч людей, носивших зловещее клеймо троцкистов. Однако путь к истине, к осознанию подлинного значения этой сложной, неоднозначной, но бесспорно выдающейся личности занял еще без малого тридцать лет.

Для того чтобы, развенчивая один миф, не встать на путь нового мифотворчества, необходимо не только изучение произведений Троцкого, публикация документов, связанных с его деятельностью, но и знакомство с биографией этого человека. Сын еврейского колониста, предки которого еще в начале XIX в. получили возможность владеть землей в некоторых степных районах Юга России, он очень рано начал свою революционную деятельность. Уже учеником гимназии г. Николаева юный Лев Бронштейн вступил в социал-демократический кружок. Вскоре последовали первый арест и первая ссылка в Сибирь. В 1902 г. он бежал за границу и присоединился к социал-демократической эмиграции, стал активным участником подготовки и проведения II съезда РСДРП. В дальнейшем Троцкий — один из ведущих публицистов и теоретиков рабочего движения России. Революция 1905 г. выявила еще одну грань его богато одаренной натуры — организаторский и ораторский талант. В ноябре 1905 г. Троцкий стал во главе Петербургского Совета рабочих депутатов. Снова арест, тюрьма, суд и ссылка на «вечное поселение» в Сибирь. История этапа ссылке поселенцев к месту заключения, а затем описание побега — таково содержание его первого мемуарного опыта. Троцкий обладал, что называется, «легким пером», и эти написанные в форме писем родным воспоминания живо воспроизводят картины жизни тех лет. Они дают представление о литературном даровании мемуариста и служат звеном к воссозданию его истинной биографии.

Виктор Кельнер,
кандидат исторических наук, Ленинград

что час отъезда поразил нас своей... неожиданностью.

Дальше все, как следует. Спеша и путаясь, мы уложили вещи. Затем спустились в приемную, куда привели и женщин с детьми. Здесь нас «принял» конвой и спешно осмотрел вещи. Сонный помощник сдал офицеру наши деньги. Затем нас усадили в арестантские кареты и под усиленным конвоем доставили на Николаевский вокзал. Замечательно, что наш конвой сегодня экстренно прибыл из Москвы: очевидно, на петербургский не полагались. Офицер при приеме был

очень любезен, но на все запросы с нашей стороны отзывался полным неведением. Он заявил, что нами заведует жандармский полковник, который отдаст все распоряжения. Ему же, офицеру, приказано нас доставить на вокзал — и только. Возможно, конечно, что это простая дипломатия с его стороны.

Вот уже с час, как мы едем, и до сих пор не знаем — на Москву или на Вологду. Солдаты тоже не знают — эти уже действительно не знают.

Вагон у нас отдельный, третьего класса, хороший, для каждого спальное ме-

сто. Для вещей — тоже специальный вагон, в котором, по словам конвойных, помещаются десять сопровождающих нас жандармов под командой полковника. Мы разместились с чувством людей, которым безразлично, каким путем их везут: все равно привезут куда надо...

Оказывается, едем на Вологду: кто-то из наших определил путь по названию станции. Значит, будем в Тюмени через четыре дня.

Публика очень оживлена — езда развлекает и возбуждает после тринадцатимесячного сидения в тюрьме. Хотя на окнах вагона решетки, но сейчас же за ними — свобода, жизнь и движение... Скоро ли доведется возвращаться по этим рельсам?

11 января. Если конвойный офицер предупредителен и вежлив, то о команде и говорить нечего: почти вся она читала отчет о нашем процессе и относится к нам с величайшим сочувствием. Интересная подробность. До последней минуты солдаты не знали, кого и куда повезут. По предосторожности, с какой их внезапно доставили из Москвы в Петербург, они думали, что им придется везти нас в Шлиссельбург на казнь. В приемной «пересылки» я заметил, что конвойные очень взволнованы и странно услужливы. Только в вагоне я узнал причину... Как они обрадовались, когда узнали, что перед ними — «рабочие депутаты», осужденные только лишь на ссылку!

Жандармы, образующие сверхконвой, к нам в вагон совершенно не показываются. Они несут внешнюю охрану: окружают вагон на станциях, стоят на часах у наружной стороны двери и пр., а главным образом, по-видимому, наблюдают за конвойными. Так, по крайней мере, думают сами солдаты.

О снабжении нас водой, кипятком, обедом предупреждают заранее по телеграфу. С этой стороны мы едем со всяческими удобствами. Недаром же какой-то станционный буфетчик составил столь высокое о нас мнение, что предложил нам через конвой тридцать устриц. По этому поводу было много веселья. Но от устриц мы все-таки отказались.

12 января. Все больше и больше удаляется от вас.

С первого же дня публика разбилась на несколько «семейно-бытовых» групп, и, так как в вагоне тесно, им приходится жить обособленно друг от друга. Только доктор не примыкает ни к одной, с засученными рукавами, деятельный и неутомимый, он руководит всеми.

У нас в вагоне, как вы знаете, четверо детей. Но они ведут себя идеально, т.е. так, что забываешь об их существовании. С конвойными их соединяет самая тесная дружба. Косолапые солдаты проявляют к ним величайшую нежность...

...Как «они» нас охраняют! На каждой станции вагон окружается жандармами,

а на больших — сверх того и стражниками. Жандармы, кроме ружей, держат в руках револьверы и грозят ими всякому, кто случайно или из любопытства приблизится к вагону. Такой охраной в настоящее время пользуются две категории лиц: особо важные «преступники» и особо прославленные министры.

Тактика по отношению к нам выработана вполне определенная: мы выяснили ее себе еще в пересыльной тюрьме: с одной стороны — зоркая бдительность, с другой — джентльменство в пределах законности. В этом виден конституционный гений Столыпина. Но нельзя сомневаться, что хитрая механика со временем ли бдительности или со стороны джентльменства?

16 января. Пишу при таких условиях. Мы стоим в деревне, в двадцати верстах от Тюмени. Ночь. Крестьянская изба. Низкая грязная комната. Весь пол, без всяких промежутков, покрыт телами членов Совета рабочих депутатов...

Еще не спят, разговаривают, смеются... Мне по жребию, который метали три претендента, досталась широкая лавка-диван. Мне всегда везет в жизни! В Тюмени мы пробыли сутки. Встретили нас — к чему мы уже успели привыкнуть — при огромном числе солдат, пеших и конных. Верховые («охотники») гарцевали, прогоняя уличных мальчишек. От вокзала до тюрьмы шли пешком.

Отношение к нам по-прежнему крайне предупредительное, даже до чрезмерности, но в то же время меры предосторожности становятся все строже, даже до суеверия.

Так, например, нам здесь по телефону доставили товары из всех магазинов на выбор и в то же время не дали прогулки во дворе тюрьмы. Первое — любезность, второе — беззаконие. Из Тюмени мы отправились на лошадях, причем на нас, 14 ссыльных, дали 52 (пятьдесят два!) конвойных солдата, не считая капитана, пристава и урядника. Это нечто небывалое! Все изумляются, в том числе солдаты, капитан, пристав и урядник. Но такова «инструкция». Едем теперь в Тобольск, подвигаемся крайне медленно.

Идет под нами около 40 саней. На передних — вещи. На следующих — мы, «депутаты», попарно. На каждую пару два солдата. На сани — одна лошадь. Сзади ряд саней, нагруженных одними солдатами. Офицер с приставом впереди поезда в крытой «кошеле». Едем шагом. Из Тюмени нас на протяжении нескольких верст провожали 20—30 верховых «охотников». Словом, если принять во внимание, что все эти неслыханные и невиданные меры предосторожности принимаются по распоряжению из Петербурга, то придется прийти к выводу, что нас хотят во что бы то ни стало доставить в самое укротное место. Нельзя же думать, что это путешествие с королевской свитой есть простая канцелярская причуда! Это может создать впереди серьезные затруднения...

Все уже спят. В соседней кухне, дверь в которую открыта, дежурят солдаты. За окном прохаживаются часовые. Ночь великолепная, лунная, голубая, вся в снегу. Какая странная обстановка — эти простертые на полу тела в тяжелом сне, эти солдаты у двери и у окон... Но так как я проделываю все это вторично, то нет уже свежести впечатлений... и как «Кресты» мне казались продолжением одесской тюрьмы, которая построена по их образцу, так эта поездка кажется мне временно прерванным продолжением этапного пути в Иркутскую губернию...

В тюменской тюрьме было множество политических, главным образом административно-ссыльных. Они собрались на прогулке над нашим окном, приветствовали нас песнями и даже выкинули красное знамя с надписью «Да здравствует революция». Хор у них недурной: очевидно, давно сидят вместе и успели спеться. Сцена была довольно внушительная и, если хотите, в своем роде трогательная. Через форточку мы ответили им несколькими словами приветия. В той же тюрьме уголовные арестанты подали нам длиннейшее прошение, в котором умоляли в прозе и в стихах нас, «сановных революционеров из Петербурга», протянуть им руку помощи. Мы хотели было передать немного денег наиболее нуждающимся политическим

ссыльным, а среди них многие без белья и теплой одежды, но тюремная администрация отказала наотрез. «Инструкция» воспрещает какие бы то ни было сношения «депутатов» с другими политическими. Даже через посредство безличных кредитных знаков. Какая предусмотрительность!

Из Тюмени нам не разрешили отправить телеграмм, дабы законспирировать место и время нашего пребывания. Какая бессмыслица! Как будто военные демонстрации по пути не указывали всем зевакам наш маршрут!

18 января. Покровское. Пишу с третьего этапного пункта. Изнемогаем от медленной езды. Делаем не больше шести верст в час, едем не больше четырех-пяти часов в сутки. Хорошо, что холода невелики: 20—25—30°. А недели три тому назад морозы доходили здесь до 52°. Каково бы нам пришлось с малыми ребятами при такой температуре!

Остается еще неделя езды до Тобольска. Никаких газет, никаких писем, никаких известий.

Отсюда писать приходится без уверенности, что письмо дойдет по назначению: нам все еще запрещено писать с дороги, и мы вынуждены пользоваться всякими случайными и не всегда надежными путями.

Но, в сущности, все это пустяки. Одежды мы все тепло и с наслаждением дышим прекрасным морозным воздухом после подлой атмосферы одиночной камеры. Как хотите, но в тот период, когда формировался человеческий организм, он, очевидно, не имел случая приспособиться к обстановке одиночного заключения.

Все оставалось таким же в Сибири, каким было 5—6 лет тому назад, — и в то же время все изменилось: изменились не только сибирские солдаты, — и до какой степени! — изменились также сибирские «челдоны» (крестьяне); разговаривают на политические темы, спрашивают, скоро ли «это» кончится. Мальчик-возница, лет тринадцати, — он уверяет, что ему пятнадцать, — горланит всю дорогу: «Вставай, подымайся, рабочий народ! Вставай на борьбу, люд голодный!» Солдаты с очевидным расположением к певцу дразнят его, угрожая донести офицеру. Но мальчишка прекрасно понимает, что все за него, и безбоязненно призывает к борьбе «рабочий народ»...

Первая стоянка, с которой я писал вам, была в скверной мужицкой избе. Две другие — в казенных этапных домах, не менее грязных, но более удобных. Есть женское, есть мужское отделение, есть кухня. Спим на нарах. Опрятность приходится соблюдать только крайне относительную. Это, пожалуй, самая тягостная сторона путешествия.

Сюда, в этапные дома, к нам приходят бабы и мужики с молоком, творогом, поросятами, шаньгами (лепешками) и прочей съедью. Их допускать, что в сущности незаконно. «Инструкция» воспрещает какие бы то ни было сношения с посторонними. Но иным путем конвою трудно было бы организовать наше пропитание.

23 января. Пишу вам с предпоследней стоянки перед Тобольском. Здесь прекрасный этапный дом, новый, просторный и чистый. После грязи последних этапов мы отдыхаем душой и телом. До Тобольска осталось верст 60. Если б вы знали, как мы в последние дни мечтаем о «настоящей» тюрьме, в которой можно было бы как следует умыться и отдохнуть. Здесь живет всего один политический, ссыльно-поселенец, бывший сиделец винной лавки в Одессе, осужденный за пропаганду среди солдат. Он приходил к нам с продуктами на этап и рассказывал об условиях жизни в Тобольской губернии. Большая часть ссыльных, как поселенцев, так и «административных», живет в окрестностях Тобольска, верстах в 100—150, по деревням. Есть, однако, ссыльные и в Березовском уезде. Там жизнь несравненно тяжелее и нуждающихся больше. Побег отсюда бесчисленны. Надзора почти нет, да он и невозможен. Ловят «беглых», главным образом, в Тюмени (отправной пункт ж.д.) и вообще по железнодорожной линии. Но процент пойманных незначителен.

Вчера мы случайно прочитали в старой тюменской газете о двух недоставленных телеграммах — мне и С., — ад-

ресованных в пересыльную тюрьму. Телеграммы пришли как раз в то время, как мы были в Тюмени. Администрация не приняла их все из тех же конспиративных соображений, смысл которых непонятен ни ей, ни нам. Охраняют нас в пути очень тщательно. Капитан совсем замучил солдат, назначая по ночам непомерные дежурства — не только у этапного дома, но и по всему селу. И тем не менее уже можно заметить, как по мере нашего передвижения к северу «режим» начинает оттаивать: нас уж начали выпускать под конвоем в лавки, мы группами ходим по селу и иногда заходим к местным ссыльным. Солдаты очень покровительствуют нам: их сближает с нами оппозиция к капитану. В самом затруднительном положении оказывается унтер, как связующее звено между офицером и солдатами.

— Нет, господа, — сказал он нам однажды при солдатах, — теперь уж унтер не тот, что прежде...

— Бывает и теперь иной, что хочет, как прежде... — раздалось из группы солдат. — Только наломают ему хвост, он и станет как шелковый...

Все рассмеялись. Засмеялся и унтер, но весьма невеселым смехом.

26 января. Тобольская тюрьма. За два станка до Тобольска к нам навстречу выехал помощник исправника — с одной стороны, для вшей охраны, с другой — для усугубленной любезности. Караулы были усилены. Хождения по лавкам прекратились. С другой стороны, семейным были предоставлены крытые кибитки. Бдительность и джентльменство! Верст за 10 до города нам навстречу выехали двое ссыльных. Как только офицер увидел их, он немедленно «принял меры»: проехал вдоль всего нашего поезда и приказал солдатам спешиться (до этого солдаты ехали в санях). Так мы и двигались все 10 верст: солдаты, ругая на чем свет офицера, шли пешком с обеих сторон дороги с ружьями на плече.

Особенно тяжела сейчас езда с маленькими детьми в течение месяца. Говорят, что от Березова до Обдорского придется ехать на оленях. Местная администрация уверяет, что наш нелепый маршрут (40 верст вместо 100 в день) предписан из Петербурга, как и все вообще мелочи нашего препровождения на место ссылки. Тамошние канцелярские мудрецы все предвидели, чтоб не дать нам бежать. И нужно отдать им справедливость: девять мер из десяти, ими предписанных, лишены всякого смысла. «Добровольно следующие жены» ходатайствовали о том, чтобы их здесь выпустили из тюрьмы на те три дня, которые мы пробудем в Тобольске. Губернатор отказал наотрез, что не только бессмысленно, но совершенно незаконно. Публика по этому поводу слегка волнуется и пишет протест. Но чему поможет протест, когда на все один ответ: «такова инструкция из Петербурга».

29 января. Вот уже два дня, как мы едем из Тобольска... Сопровождают нас 30 конвойных под командой унтера. Выехали в понедельник утром на тройках (со второго станка перешли на пары) в огромных кошелях. Утро было великолепное: ясное, чистое, морозное. Вокруг — лес, неподвижный и весь белый от инея на фоне ясного неба. Какая-то сказочная обстановка. Лошади бешено мчались — это обычная сибирская езда. У выезда из города — тюрьма стоит на самом краю — нас ждала местная ссыльная «публика», человек 40—50; было много приветствий, поклонов и попыток узнать друг друга... Но мы быстро промчались мимо. Среди местного населения о нас сложились уже легенды: одни говорят, что едут в ссылку 5 генералов и 2 губернатора; другие — что едет граф с семьей; третьи — что везут членов первой Государственной думы. Наконец, та хозяйка, у которой мы сегодня стояли, спросила доктора: «Вы тоже будете политики?» «Да, политики». «Однако вы, должно быть, будете начальники над всеми политиками?»

Сейчас мы стоим в большой чистой комнате, оклеенной обоями, на столе клеенка, крашенный пол, большие окна, две лампы. Все это очень приятно после грязных этапов. Спать, однако, приходится на полу, так как в одной комнате — девять человек. Конвой наш сменился в Тобольске, и насколько тюменский конвой был обходительнее и расположен к нам, настолько тобольский

труслив и груб. Объясняется это отсутствием офицера: за все отвечают сами солдаты. Впрочем, уже после двух дней новый конвой «оттаял», и сейчас у нас устанавливаются с большинством солдат прекрасные отношения; а это далеко не мелочь в таком далеком пути.

Начиная с Тобольска почти во всяком селе имеются политические, в большинстве случаев «аграрники» (крестьяне, сосланные за беспорядки), солдаты, рабочие и лишь изредка интеллигенты. Есть административно-ссыльные, есть и ссыльно-переселенцы. В двух селах, через которые мы проезжали, «политиками» организованы артельные мастерские, дающие некоторый заработок. Вообще крайней нужды мы до сих пор еще не встречали. Дело в том, что жизнь в этих местах чрезвычайно дешева: политические устраиваются у крестьян на квартире со столом за шесть рублей в месяц. Эта сумма положена местной организацией ссыльных как норма. На десять рублей уже можно жить «вполне хорошо». Чем дальше к северу, тем дороже жизнь и тем труднее найти заработок.

Мы встречали, товарищей, живших в Обдорске. Все они очень хорошо отзывались об этом месте. Большое село. Свыше 1000 жителей. Двенадцать лавок. Дома городские. Много хороших квартир. Прекрасное гористое местоположение. Очень здоровый климат. Рабочие будут иметь заработок. Можно иметь уроки. Только сообщение затруднительно. Отрезанностью Обдорска от тобольского тракта и объясняется его относительная оживленность, так как он является самостоятельным центром для огромной местности.

Передвижение ссыльных по губернии весьма оживленное. Пароходы возят здесь политических бесплатно. Все настолько привыкло к этому, что крестьяне-извозчики говорят нам по поводу нашего назначения в Обдорск: «Ну, это не надолго — весной на пароходе назад приедете». Но кто знает, в какие условия будем поставлены мы, советские... Пока что отдано распоряжение предоставлять нам по пути лучшие кошевы и лучшие квартиры.

1 февраля. Юровское. Сегодня точно то же, что вчера. Проехали свыше 50 верст. Рядом со мной в кошеве сидел солдат, который занимал меня рассказами на военно-маньчжурские темы. Нас конвоируют солдаты Сибирского полка, который почти весь обновился после войны. Это наиболее пострадавший полк. Часть его стоит в Тюмени, часть — в Тобольске. Тюменские солдаты, как я уже писал, были очень к нам расположены, тобольские грубее; среди них имеется значительная группа «сознательных» черносотенцев. Полк состоит из поляков, малороссов и сибиряков. Наиболее косный элемент составляют туземцы-сибиряки. Но и среди них попадаются прекрасные ребята... Мой конвой очень восхищен «китайками»: «Красивые есть бабы. Китаец мал ростом и с настоящим мужчиной не сравнится. А китайка хороша: белая, полная»...

«Что же, — спросил наш ямщик, бывший солдат, — наши солдаты с китайками хороводились?» «Не... не допускают до них... Сперва китаец увозят, а потом солдат пускают. Однако наши в гаюляне китаюку одну словили и полакомились. Один солдат там и шапку оставил. Китайцы представили шапку командиру, тот выстроил весь полк и спрашивает: «Чья шапка?». Никто не откликается: тут уже не до шапки. Так и кончилось ничем. А хороши китайки...»

В тех селах, где мы меняем лошадей, нас дожидаются уже запряженные сани. Пересаживаемся мы за селом, в поле. Обыкновенно все население высыпает поглядеть на нас. Вчера «политики» хотели нас сфотографировать при смене лошадей и ожидали с аппаратом у волостного правления; но мы промчались мимо них, и они не успели ничего сделать. Сегодня при въезде в село, где мы теперь ночуем, нас встретили местные «политики» с красным знаменем в руках. Их четырнадцать человек, в том числе человек десять грузин. Солдаты всполошились, увидев красное знамя. Стали грозить штыками, кричали, что будут стрелять. В конце концов знамя было отнято и «демонстранты» оттеснены. Среди нашего конвоя есть не-

сколько солдат, группирующихся вокруг старообрядца-ефрейтора. Это необыкновенно грубая и жестокая тварь. Для него нет лучшего удовольствия, как толкнуть мальчика-ямщика, испугать на смерть бабу-татарку или ударить с размаху прикладом лошади. Кирпичное лицо, полураскрытый рот, бескровные десны и немигающие глаза придают ему идиотский вид. Ефрейтор находится в жестокой оппозиции к унтеру, командующему конвоем: на его взгляд, унтер не проявляет по отношению к нам достаточно решительности. Где нужно вырвать красное знамя или толкнуть в грудь политического, слишком близко подошедшего к нашим саням, там ефрейтор всегда впереди, во главе своей группы. Нам всем приходится сдерживаться, чтоб избежать какого-нибудь острого столкновения.

2 февраля, вечер. Демьянское. Несмотря на то что вчера при нашем въезде в Юровское красное знамя было отнято, сегодня появилось новое, воткнутое на высоком шесте в снежный сугроб, у выезда из деревни. Знамени на этот раз никто не трогал: солдатам, только что усевшимся, не хотелось вылезать из кошевых. Так мы мимо него и продефилировали. Далее, на расстоянии нескольких сот шагов от деревни, когда мы спускались к реке, мы увидели на одной стороне снежного спуска надпись, выведенную огромными буквами: «Да здравствует революция!» Мой ямщик, парень лет 18-ти, рассмеялся весело, когда я прочитал надпись. «А вы знаете, что значит «да здравствует революция»? — спросил я его. «Нет, не знаю, — ответил он, подумав, — а только знаю, что кричат: «да здравствует революция». Но видно было по лицу, что он знает больше, чем хочет сказать. Вообще местные крестьяне, особенно молодежь, очень благожелательно относятся к «политикам». В Демьянское мы приехали в час. Встретила нас огромная толпа ссыльных — их здесь свыше 60 человек. Это привело часть наших конвойных в величайшее замешательство.

Ждали нас здесь, очевидно, давно и очень нервно. Была избрана специальная комиссия для организации встречи. Приготовили великолепный обед и комфортабельную квартиру в здешней «коммуне». Но на квартиру эту нас не пустили: пришлось поместиться в крестьянской избе; обед приносили сюда. Кроме того, мы ходили по очереди в лавочку под конвоем и по дороге перебрасывались несколькими словами с товарищами, которые целый день дежурили на улице. Одна из местных ссыльных явилась к нам в одежде крестьянской бабы, якобы для продажи молока, и очень хорошо разыграла свою роль. Но хозяйин квартиры, по-видимому, донес на нее солдатам, и те потребовали, чтобы она немедленно удалась. Дежурил у нас как на зло ефрейтор. Я вспомнил, как наша усть-кутская колония (на Лене) готовилась к встрече каждой партии: мы варили щи, лепили пельмени, словом, проделывали то же, что тут совершали демьяновцы. Проезд большой партии — это огромное событие для каждой колонии, живущей по пути.

4 февраля, 8 ч. вечера. Цингалинские юрты. Пристав запросил, по нашему настойчивому требованию, тобольскую администрацию, нельзя ли ускорить темп нашего передвижения. Из Тобольска, очевидно, снеслись с Петербургом, и в результате приставу по телеграфу представлена *carte blanche*. Если считать, что отныне будем в среднем делать 70 верст в день, то в Обдорск прибудем 18—20 февраля. Разумеется, это лишь предположительный расчет.

Стоим в деревеньке, которая называется Цингалинскими юртами. Здесь собственно не юрты, а деревенские избы, но население состоит, главным образом, из остяков. Это очень выраженный инородческий тип. Но склад жизни и речи чисто крестьянский. Только пьянствуют еще больше, чем сибирские крестьяне. Пьют ежедневно, пьют с раннего утра и к полудню уже пьяны.

Любопытную вещь рассказал нам местный ссыльный, учитель Н.: услышав, что едут неведомые лица, которых встречают с большой помпой, остяки испугались, не пили вина и даже спрятали то, которое было. Поэтому сегодня большинство трезвы. К вечеру, однако,

насколько я успел заметить, наш хозяйин-остяк вернулся пьяный.

Здесь уже пошли рыбные места: мясо доставать труднее. Учитель, о котором я упомянул выше, организовал здесь из крестьян и ссыльных рыболовную артель, купил невода, сам руководит рыбной ловлей в качестве старосты, сам возит рыбу в Тобольск. За прошлое лето артель заработала свыше 100 р. на брата. Приспосаблиется народ. Правда, сам Н. нажил себе на рыболовстве грыжу.

6 февраля. Самарово. Вчера мы проехали 65 верст, сегодня 73, завтра проедем приблизительно столько же. Полосу земледелия мы уже оставили позади себя. Здешние крестьяне, как русские, так и остяки, занимаются исключительно рыболовством.

До какой степени Тобольская губерния заселена политическими!.. Буквально нет глухой деревушки, в которой не было бы ссыльных. Хозяин земской избы, в которой мы стояли, на наш вопрос ответил, что прежде здесь вовсе не было ссыльных, а стали заполнять ими губернию вскоре после манифеста 17 октября. «С тех пор и пошло». Во многих местах «политики» «промышляют» совместно с туземцами: собирают и очищают кедровые шишки, ловят рыбу, собирают ягоды, охотятся. Более предприимчивые организовали кооперативные мастерские, рыболовные артели, потребительные лавки. Отношение крестьян к политическим превосходное. Так, например, здесь, в Самарове, — огромное торговое село — крестьяне отвели «политикам» бесплатно целый дом и подарили первым приехавшим сюда ссыльным теленка и 2 куля муки. Лавки, по установившейся традиции, уступают политическим продукты дешевле, чем крестьянам. Часть здешних ссыльных живет коммунально в своем доме, на котором всегда развешается красное знамя.

Попутно хочу сообщить вам два-три общих наблюдения над теперешней ссылкой.

Тот факт, что политическое население тюрем в Сибири демократизируется по своему социальному составу, указывался, начиная с 90-х годов, десятки, если не сотни раз. Рабочие стали составлять все больший и больший процент «политиков» и, наконец, оставили далеко за флагом революционного интеллигента, который со старого времени привык считать Петропавловскую крепость. Крестьяне и Колымск своей монопольной наследственной собственностью, чем-то вроде майората. Мне еще приходилось встречать в 900—902 гг. народолюбцев и народоуправцев, которые почти обижено пожимали плечами, глядя на арестантские повозки, нагруженные виленискими трубочистами или минскими заготовщиками. Но ссыльный рабочий того времени был в большинстве случаев членом революционной организации и стоял в политическом и моральном отношении на известной высоте. Почти все ссыльные — кроме рабочих из черты оседлости — просеивались предвзвешенно сквозь сито жандармского дознания, и, как ни грубо это сито, оно в общем отсеивало наиболее передовых рабочих. Это поддерживало ссылку на известном уровне.

Совсем иной характер имеет ссылка «конституционного» периода нашей истории. Тут не организация, а массовое, стихийное движение; не дознание, хотя бы и жандармское, а оптовая уличная ловля. Не только в ссылку, но и под пули попадал самый серый массовик. После подавления ряда народных движений начинается период «партизанских» действий, экспроприаций с революционными целями или только под революционным предлогом, максималистские авантюры и просто хулиганские набеги. Кого нельзя было на месте повесить, администрация выбрасывала в Сибирь. Понятно, что «в числе драки» столь колоссального размера оказалось множество совсем посторонних людей, много случайных, прикоснувшихся к революции одним пальцем, много зевак, наконец, немало бесшабашных представителей ночной улицы большого города. Не трудно себе представить, как это отразилось на уровне ссылки.

Есть и еще обстоятельство, которое фатально влияет в том же направлении: это побеги. Какие элементы бегут, ясно само собою: наиболее активные, наибо-

лее сознательные, люди, которых ждет партия и работа. Какой процент уходит, можно судить по тому, что из 450 ссыльных в известной части Тобольской губернии осталось всего около 100. Не бегут только ленивые. В результате главную массу ссылки образует серая, политически непристроенная, случайная публика. Тем сознательным единицам, которые почему-либо не смогли уйти, приходится подчас нелегко: как-никак, все «политики» морально связаны перед населением круговой порукой.

8 февраля. Карымкринские юрты. Вчера мы проехали 75 верст, сегодня — 90. Приезжаем на стоянку усталые и рано ложимся.

Стоим в остяцком селе, в маленькой грязной избе. В грязной кухне вместе с пьяными остяками топчутся озябшие конвойные солдаты. В другом отделении блещет ягненок... В селе свадьба — теперь вообще время свадеб, — все остяки пьют, лезут время от времени к нам в избу.

Пришел к нам в гости саратовский старичок, административно-ссыльный, тоже пьяный. Оказывается, он со своим товарищем приехал из Березова за мясом: этим «промышляют». Оба — «политики».

Трудно себе представить ту подготовительную работу, которая совершена здесь для нашего передвижения. Наш поезд, как я уже писал, состоит из 22 кошев и занимает около 50 лошадей. Такое количество лошадей имеется в редком селе, и их сгоняют издали. На некоторых станциях мы встречали лошадей, пригнанных за 100 верст! А между тем перегоны здесь очень короткие: большинство в 10—15 верст. Таким образом, остяку приходится пригнать лошадей за 100 верст, чтоб провезти двух членов Совета рабочих депутатов на протяжении 10 верст! Так как точно неизвестно было, когда именно мы проедем, то ямщики, приехавшие из дальних мест, дожидались нас иногда по две недели. Они вспоминают еще только один такой случай: это когда проезжал по этим местам «сам» губернатор...

Я уже несколько раз упоминал о той симпатии, с какой относятся к «политикам» вообще, к нам в особенности, местные крестьяне. Удивительный случай произошел с нами в Белогорье, маленьком селе, уже в Березовском уезде.

Группа местных крестьян коллективно устроила для нас чай и закуску и собрала для нас шесть рублей.

От денег мы, разумеется, отказались, но чай пить отправились. Конвой, однако, воспротивился и чаю напиться не удалось. Собственно, унтер разрешил, но ефрейтор поднял целую бурю, кричал на все село, угрожая унтеру доносом. Нам пришлось уйти из избы без чаю, чуть не вся деревня шла за нами. Получилась целая демонстрация.

9 февраля. Село Кандинское. Вот и еще сто верст проехали. До Березова двое суток езды. 11-го будем там. Сегодня порядком устал: в течение 9—10 часов непрерывной езды приходится ничего не есть. Едем все время Обью или по рекам — по Обям, как выражаются иногда ямщики. Правый — берег — гористый, лесной. Левый — низменный. Река широкая. Тихо и тепло. По обеим сторонам дороги торчат елочки: их втыкают в снег, чтоб обозначить путь. Везут большей частью остяки. Везут на парах и тройках, запряженных цугом, так как дорога чем дальше, тем уже и хуже; у ямщиков длинный веревочный кнут на длинном кнутовище. Поезд растягивается на огромное расстояние. Ямщик время от времени гикает неистовым голосом. Тогда лошади несутся вскачь («на-машь» по-здешнему). Поднимается густая снежная пыль. Захватывает дыхание. Кошева насканивает на кошеву, лошадиная морда просовывается сзади около плеча и дышит тебе в лицо. Потом кто-нибудь опрокидывается или у какого-нибудь ямщика что-нибудь развязывается или рвется. Он останавливается. Останавливается и весь поезд. От долгой езды чувствуешь себя как бы загнипнотизированным. Тихо. Ямщики перекрикиваются гортанными остяцкими звуками... Потом лошади снова рвут с места и несутся на-машь. Частые остановки очень задерживают и не дают ямщикам развернуться вовсю. Мы делаем верст 15 в час, тогда как настоящая езда здесь — это 18—20 и даже 25 верст в час...

Быстрая езда в Сибири — обычная и в известном смысле необходимая вещь, вызываемая огромными расстояниями. Но такой езды, как здесь, я не видел даже на Лене.

Приезжаем на станцию. За селом ждут запряженные кошевы и свободные лошади: две кошевы у нас «проходные» до Березова — для семейных. Мы быстро пересаживаемся и едем дальше. Удивительно здесь сидит ямщик! На передней части кошевы прибита поперек у самого края доска; это место кошевы называется беседкой. Ямщик сидит на беседке, т.е. на голой доске, свесив ноги через борт саней, набок. В то время как кони мчатся в галоп, а кошева становится то на одно ребро, то на другое, ямщик направляет ее своим телом, перегибаясь из стороны в сторону, а местами отталкиваясь ногами от земли...

12 февраля. Березов. Тюрьма. Дней пять-шесть тому назад — я тогда не писал об этом, чтоб не вызывать излишних беспокойств — мы проезжали через местность, сплошь зараженную сыпным тифом. Теперь эти места оставлены уже далеко позади. В Цингалинских юртах, о которых я упоминал в одном из прошлых писем, тиф был в 30 избах из 60. То же и в других селениях. Массы смертных случаев. Не было почти ямщика, у которого не умер бы кто-нибудь из родных. Ускорение нашего путешествия с нарушением первоначального маршрута находится в прямой связи с тифом: представ мотивировал свой телеграфный запрос необходимостью как можно скорее миновать зараженные места.

Каждый день мы за последнее время подвигаемся на 90—100 верст к северу, т.е. почти на градус. Благодаря такому непрерывному передвижению, убыль культуры — если тут можно говорить о культуре — выступает перед нами с резкой наглядностью. Каждый день мы опускаемся на одну ступень в царство холода и дикости. Такое впечатление испытывает турист, поднимающийся на высокую гору и пересекая одну зону за другой... Сперва шли зажиточные русские крестьяне. Потом обрусевшие остяки, наполовину утратившие, благодаря смешанным бракам, свой монгольский облик. Далее мы миновали полосу земледелия. Пошел остяк-рыболов, остяк-охотник: малорослое лохматое существо, с трудом говорящее по-русски. Лошадей становилось меньше, и лошади — все хуже: извоз здесь не играет большой роли, и охотничья собака в этих местах нужнее и ценнее лошади... Дорога тоже сделалась хуже: узкая, без всякого наката...

К нам здесь отношение смутное, недоумевающее. — пожалуй, как к временно свергнутому большому начальству.

Один остяк сегодня спрашивал: «А где ваш генерал? Генерала мне покажите... Вот бы мне кого посмотреть... Никогда в жизни не видал генерала...» Когда какой-то остяк впрягал плохую лошадь, другой ему крикнул: «Давай получше: не под пристава запрягаешь...» Хотя был и противоположный, единственный, впрочем, в своем роде случай, когда остяк по какому-то поводу, имевшему касательство к упряжке, сказал: «Не великие члены едут...»

Вчера вечером мы приехали в Березов. Вы не потребуете, конечно, чтоб я вам описывал «город». Он похож на Верхотурск, на Киренск и на множество других городов, в которых имеется около тысячи жителей, исправник и казначейство. Впрочем, здесь показывают еще — без ручательства за достоверность — могилу Остермана и место, где похоронен! Меньшиков. Неприятельные остяки показывают еще старуху, у которой Меньшиков столновался.

Привезли нас непосредственно в тюрьму. У входа стоял весь местный гарнизон, человек пятьдесят, шпалерами. Как оказывается, тюрьму к нашему приезду чистили и мыли две недели, освободив ее предварительно от арестантов. В одной из камер мы нашли большой стол, накрытый скатертью, венские стулья, ломберный столик, два подсвечника со свечами и семейную лампу. Почти трогательно!

Здесь отдохнем дня два, а затем тронемся дальше...

Да, дальше... но я еще не решил для себя — в какую сторону...

Продолжение следует.

Карьера одного
из лидеров
польской
«Солидарности»
Адама
МИХНИКА

ВЧЕРА
УЗНИК

СЕГОДНЯ ДЕПУТАТ СЕЙМА

В конце одной из пресс-конференций на Московском кинофестивале Анджей Вайда неожиданно сказал: «В зале находится Адам Михник. Я прошу его выйти на сцену». Зал загудел: в списке звезд фестиваля он не значился. Кто-то ушел смотреть фильмы в соседние залы, но большинство осталось. Осталась и я, хотя в тот момент об этом человеке знала лишь, что начиная с конца 70-х его имя часто мелькало в советской прессе, сопровождаемое нелестными эпитетами.

Осталась и не пожалела. А после пресс-конференции поспешила договориться об интервью.

Родился Адам Михник в семье польского коммуниста. До войны его отец отсидел восемь лет в тюрьме, после войны та же судьба ждала сына. Адам провел в общей сложности шесть лет в заключении.

— Для меня эти годы значат очень много, — говорит, заикаясь, Михник. — Солженицын писал, что без тюрьмы он, может быть, стал бы подонком. Не знаю, кем бы стал я, но в заключении у меня впервые в жизни появилось много времени. Я читал и писал. Бог мне помог, и ни одна страница из моих пяти книг, написанных в камере, не побывала в руках следователя. У заключенных тоже есть свои секреты. Благодаря властям я стал писателем, членом французского «Пен-клуба», лауреатом многих международных премий...

В официальной печати меня до недавнего времени именовали «уголовником-рецидивистом». Но теперь все изменилось. Я сенатор и редактор первого легального оппозиционного издания «Газета выборов»...

Михник попал в тюрьму, когда ему едва исполнилось 18 лет. Еще в лицее он с друзьями организовал политклуб «Искатели противоречий». «В то время мы все были очень красными коммунистами, — изредка перемежая русскую речь с французскими словами, рассказывает Адам, — мы себя такими считали. Но наша родная партия все знала лучше, и нас разогнали...»

В университете в Познани тоже долго учиться не пришлось — оттуда Адама изгнали «за политику» и опять посадили. Удалось потом сдать экзамены экстерном. В перерыве между отсидками Адам пошел на завод чернорабочим. Друзья по этому поводу шутили: «Ну вот, Адам, дорвался до власти. Ведь в Польше у власти кто — рабочий класс!»

Годы работы он вспоминает с улыбкой:

— У нас на заводе устроили конкурс, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Я решил принять участие, поскольку у вопросы, честно говоря, были несложные, да и в тюрьме в лучших традициях политкампаней я изучал Ленина и историю партии большевиков. В общем, выиграл. Победителям полагались три премии: первая — поездка в СССР, вторая — талон на приобретение книг на 10 тысяч злотых (тогда это было еще много) и третья — три тысячи злотых. Когда я победил, меня вызвал директор завода и спросил: «Вы хотите участвовать в общепольском конкурсе? Это невозможно!» «Почему нет?» — возразил я. — Я люблю и знаю Ленина». Директор доходчиво объяснил, что его за мое участие в конкурсе могут не только исключить из партии, но и выгнать с работы. Пришлось удовольствоваться талоном на 10 тысяч злотых и купить книги...

На заводе имени Розы Люксембург, которую Адам считает гениальной женщиной, он организовал в декабре 1970 года забастовку. Тогда вообще забастовки прокатились по всей стране. Это, по сути, была вторая волна (первая в 1956 году) всенародного, во многом стихийного, неосознанного и неорганизованного неприятия сталинской модели социализма. Сменилось правительство, сменилось руководство ПОРП. Были большие надежды,

но вскоре все пошло по-старому. Даже хуже.

В 1975 году Адам с друзьями ведет кампанию против внесения поправок в конституцию.

— Смысл этих поправок был в том, чтобы внести в основной закон страны слова о руководящей роли ПОРП и обязательной любви к Советскому Союзу, — говорит Михник. — Все это полная чепуха. Я хорошо знаю русскую литературу и историю России, и вообще я русофил. Но я ненавижу всю эту брежневско-герековскую демагогию насчет обязательной любви к СССР...

В 1976 году вспыхнула забастовка в Урусе и Радоме. Власти ее подавили силой. Многих участников арестовали, избili. Тогда и возник «Комитет защиты рабочих». Это были первые шаги организованной оппозиции. Оппозиция начала формироваться не только как точка зрения, но и как структура. 20 человек объединились и объявили: «Мы будем защищать рабочих. Вот наши телефоны и адреса. Если товарищи из МВД хотят нас арестовать — пусть попробуют». Но, после того как Польша подписала хельсинкский заключительный акт, арестовывать было уже не так легко... Членов комитета брали на два дня и выпускали, и так продолжалось четыре года, до 1980-го. Ну а с 1980 года, видимо, известно всем. Очередная мощная волна недовольства тем, как ведут себя партийные и государственные власти. Забастовки на Побережье и в других краях Польши. Возникновение «Солидарности»...

— Скажите, Адам, насколько я помню, в то время в Москве говорили, что СССР посылает вагоны с продуктами в голодающую Польшу, а «Солидарность» запрещает их разгружать.

— В Польше говорили наоборот: якобы из Варшавы в Москву идут составы с продовольствием и поэтому у нас нет еды. И то и другое — нонсенс. И у вас и у нас нет еды из-за сложившейся административно-командной системы. Там, где есть казарменный сталинский, тоталитарный режим, еды быть не может...

После введения чрезвычайного положения Михник снова оказался в тюрьме. Ему предлагали эмигрировать в Америку или в любую другую страну. Он предпочел остаться. Потом была амнистия, и в 1984 году он вышел на пять месяцев, а затем снова арест на полтора года, до второй амнистии.

— Участвуя в выборах, «Солидарность» не собиралась брать власть в свои руки. Думаю, что не это нужно сегодня польскому народу. Во-первых, призыв взять власть практически означал бы гражданскую войну. Во-вторых, у «Солидарности» нет аппарата, и поэтому я говорю не про власть, а про правительство, а это нечто другое. Я написал статью под заголовком «Ваш президент — Наш премьер». Я считаю: власть следует разделить, что стало бы гарантией преемственности, а не революции. Нам в Польше, как я думаю, нужен президент коммунистический, а правительство с премьер-министром — от «Солидарности».

Просто же войти в состав правительства — практически означает разделить ответственность без разделения власти. Мы бу-

дем поддерживать решения, ведущие к реформам, и блокировать те, которые им препятствуют. А что касается опасений насчет того, что мы не готовы возглавить правительство, то и до выборов мы тоже были не готовы и... победили. Никто еще не научился плавать, не войдя в воду. Во всяком случае, оставаясь оппозицией, мы создаем теневую кабинует... «Солидарность» стремится быть главной силой демократической перестройки в нашей стране. Я уверен, что она найдет поддержку в рядах коммунистической партии и среди ее союзников.

— На пресс-конференции вы сказали: «Мы знаем, чего мы не хотим, но не знаем, что хотим». Какие все-таки средства вы видите для решения экономических проблем? И существуют ли в Польше силы, способные найти подобные средства?

— В Польше есть анекдот: «Какая разница между аквариумом и рыбным супом? Из аквариума без труда можно сделать рыбный суп, а вот попробуйте наоборот». Это наша проблема, как сделать из супа аквариум. Я думаю, что в «Солидарности» есть силы, способные найти выход. Настало время, когда придется принимать решения, непопулярные в народе. Это может позволить себе только правительство, пользующееся народной поддержкой. Никто не поверил в программу, обещающую высокие заработки и низкие цены: это сказки для детей. Предложить программу, которая позволит экономике стать эффективной через неделю, через месяц, невозможно. Мы знаем одно: надо сделать решительный шаг к рыночной экономике. Но это связано с ликвидацией уравниловки, появится резкое социальное неравенство. Еще раз повторяю: эти меры может провести только пользующееся поддержкой правительство «Солидарности».

— О поляках говорят, что они хотят жить лучше, чем работать.

— Думаю, что никто от этого бы не отказался. Но есть только один путь — рыночная экономика. Рынок жесток, но справедлив, не в том смысле, как бог-отец, а в том, что он служит критерием работы. Если мы не перейдем к рыночному хозяйству, нас ждет постепенная нищета. Перед выборами мы говорили, что не можем обещать золотые горы. Мы обещаем только правду и порядочность. Я думаю, что, в случае образования правительства «Солидарности», будут и недовольство, и претензии, не исключая забастовки. Но люди могли бы увидеть, что и от них лично что-то зависит и чем лучше они работают, тем лучше живут.

— Уже много лет вы работаете бок о бок с Валенсой. В каких вы с ним отношениях?

— Он мой друг, крестный отец моего сына. По-моему, он самый лучший рабочий, а мыслит, как профессор. Валенса — истинный католик. Но он терпим, уважает людей другой религии, веры, иных воззрений.

— Насколько я понимаю, вопрос веры для вас важен?

— Даже очень важен. Я думаю, что примитивный атеизм — глупость. Меня интересует, откуда моя мораль. Может быть, Бога и нет, но тайна-то есть. Тайна жизни, тайна моей морали. Если вы помните, в своих воспо-

минаниях Надежда Мандельштам рассказывает, как ее подругу взяли на Лубянку в 37-м году. Следовательно предложил ей: «Или ты дашь показания на соседей, или попадешь в Лефортово и будут пытки. У тебя есть два часа». Через два часа ее опять вызвали на допрос, и она ответила: «Везите в Лефортово. Может быть, после пыток я вам скажу все, что захотите. Но без пыток я не продам другого человека». Мы люди, мы тоже можем сломаться. Но только после пыток. И в этом есть что-то невероятное. Может быть, Бог здесь ни при чем, но, пока я живу, я не могу не думать, почему в людях есть нечто такое, что возвышает их над материальным...

— Адам, можно личный вопрос: вы крестились?

— Нет, я некрещеный и, наверное, им не буду. Если Бог существует, он знает, что хорошему человеку и креститься не надо, а плохому и крещение не поможет. Сегодня я уже политический деятель, и, если я пойду в костел для крещения, это могут воспринять так, будто я хочу заручиться голосами католиков на выборах. А я победил на выборах и без этого.

— Католическая церковь очень сильна и влиятельна в Польше. Какую роль она сыграла в победе «Солидарности»?

— Абсолютно принципиальную. Прежде всего, церковь помогла сохранить нашу культуру, нашу сущность. Во время тоталитарной диктатуры она заявляла: «Человек — дитя Бога, и он должен поклоняться только Богу. Не власти, не партии, не правительству — только Богу». Человек-винтик в тоталитарном государстве хочет иметь что-то объединяющее его с другими: костел, Бога, молитву... Это дает ему силы, чтобы жить и быть порядочным.

— А как вы представляете себе дальнейшее развитие отношений между странами социалистического содружества?

— Нам надо подготовить программу десталинизации наших отношений — это должны быть отношения свободных со свободными, равных с равными. Пора положить конец сталинской модели старшего брата и сателлитов. Я вижу Европу как общий дом.

— В этом вопросе вы солидарны с Горбачевым?

— Надеюсь, что мы понимаем под этими словами одно и то же, потому что, скажу вам честно, никто не говорил так прекрасно про независимую, демократическую, сильную Польшу, как Сталин. Я осторожный человек, но я вижу, что в СССР сегодня многое меняется. И вам и нам надо набраться мужества и сказать друг другу правду: прежняя дорога была неправильной, и сегодня необходимо искать исторический компромисс внутри нашего блока. Идея, будто партнером может быть только соратник, ложна. Но прогресс уже налицо — еще шесть месяцев назад я бы не поверил, что буду давать интервью советской газете и что меня пригласят для беседы в ЦК КПСС и будут говорить со мной не как с сомнительным диссидентом, а как с полномочным депутатом верховного органа моей страны.

Вероника ХИЛЬЧЕВСКАЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

Для записки адресата:

362 362 362

Рзабейли Р. К.

БАКУ 609/5 64 26 1800

НЕСМОТЯ НЕОДНОКРАТНЫЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЯД УЗЛОВ ПРОДОЛЖАЮТ ПЕРЕДАВАТЬ ТЕЛЕГРАММЫ СЪЕЗД В МОСКВУ ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ ПЕРЕДАВАТЬ БАКУ 142933 КАТЕГОРИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ТРЕБУЕТСЯ БЕЗУСЛОВНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ УКАЗАНИЯ МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ ВСЕ ТЕЛЕГРАММЫ АДРЕСОМ МОСКВА 27 СЪЕЗД ПЕРЕДАВАТЬ ТОЛЬКО БАКУ НАБОРОМ 142933 ДЛЯ ТЩАТЕЛЬНОЙ КОРРЕКТУРЫ ТЧК ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ СЛУЖЕБНОЙ ПЕРЕПИСКИ НАПРАВЛЯТЬ СТРОГО ЧЕРЕЗ БАКИНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ НАПОМИНАЯ НАРУШЕНИЕ ДАННОГО УКАЗАНИЯ БУДЕТ РАССМОТРЕНО ЛИЧНО МИНИСТРОМ НЕОБХОДИМЫМИ ВЫВОДАМИ УММТШ СЕИДЗАДЕ

продукции. Во многих районах процветало очковитительство. С жителей требовали сдавать мясо, масло, яйца, шерсть, в то время как они не имели ни скота, ни кур. Но продукты все-таки приобретались за наличные деньги и сдавались в заготпункты. Инициаторами такой порочной практики были сами руководители районов.

Как и в далекие байские времена, с простого люда собирали дань. Куда же шли эти фантастические суммы?

Немногие, наверное, знают, что так и остался в республике предназначенный для вручения высочайшему гостю — Л. И. Брежневу кофейный сервиз невероятной стоимости. Почему-то не успели подарить Леониду Ильичу этот шедевр из серебра, золота, платины и драгоценных камней, который создавали несколько месяцев народные мастера самого высокого ранга, приглашенные из разных уголков республики.

Опять же немногие знают, что в течение полутора десятков лет из Баку в столицу регулярно спецрейсом отправлялись различные деликатесы и сверхдефицитные продукты: икра, осетрина, балыки, фрукты, вина и коньяки неведомых простому смертному марок. И не килограммами — тоннами!

Все брежневское семейство кормилось дарами солнечного Азербайджана, не говоря уж о том, что всегда высоких гостей ждал в республике самый теплый прием. Закрытые, окруженные высоким забором, гостевые дома с бассейнами, сауна-

тюремную больницу.

Родные Мамеда Мамедова показывали мне письма, тайно отправленные им из камеры незадолго до гибели. Читаешь их и начинаешь сомневаться, в каком веке, в какой стране ты живешь. Пожилого человека, страдающего тяжелой формой гипертонии, лишают какой-либо медицинской помощи. У него даже отбирают лекарства, без которых он испытывает нечеловеческие муки. Чтобы получить стакан воды, он должен ждать часами, пока дежурный надзиратель попросит особое на то разрешение. Мамедова то отправляют в больницу, то в самый разгар лечения экстренно, без всякого предупреждения возвращают в камеру.

«Я почувствовал, что с ухудшением моего здоровья отношение ко мне резко изменилось», — пишет он председателю судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда республики Г. Г. Алиеву. — Я оказался в самых стесненных условиях. Вокруг меня резко ухудшилась обстановка. Нахожусь в кольце и тисках, направляемых невидимой искусной рукой...»

Это было одно из последних писем Мамеда Мамедова...

Дорого обходилась людям каждая попытка сказать правду, открыть истинное положение дел в Азербайджане.

Для Гамлета Алиева (однофамильца бывшего первого секретаря) такая попытка закончилась тю-

О ТЕХ, КТО

Впервые за пятнадцать лет журналистской работы я взял с собой в командировку средство для самообороны — газовый пистолет. На всякий случай. Однако случай не представился, все оказалось намного прозаичнее...

Передо мной телеграфный бланк с красным грифом «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ».

Эта грозная депеша была разослана в феврале 1986 года во все узлы связи города Баку. Так в столице Азербайджана понимали гласность во времена XXVII съезда партии.

Апрель 1985 года приоткрыл вентиль у сосуда, переполненного народным гневом. Но кран этот, как видим, не прочь были закрыть такие любители «тщательной корректуры», как только что упомянутый Сеидзаде.

Выступая на Пленуме ЦК КП Азербайджана, первый секретарь ЦК А. Везиров дал ясную оценку «эпохе застоя» в республике. Впервые он во всеуслышание, прилюдно назвал истинных виновников того, что в Азербайджане долго процветали хищения, взяточничество, приписки, протекционизм, семейственность, преследование за критику...

Астрономические приписки по хлопку, винограду, шерсти, мясу, другим продуктам стали основой дутого благоденствия Азербайджана. На бумаге показатели успехов росли, а в магазинах полки были пустыми. Но разве ходят по магазинам те, кто раздаст знамена и ордена?

«Широко шагает Азербайджан!» — эти брежневские слова были размножены тысячным тиражом и украшали чуть ли не каждый дом в республике. Эти слова вызвали горькую усмешку у тех, кто знал истинное положение вещей.

Оно, истинное положение, открылось (не могло не открыться!) после перевода Алиева в Москву. Сведущие люди утверждают, что Андропов пошел на этот шаг, чтобы лишить его возможности и дальше маскировать реальную картину жизни в республике.

А картина эта год от года становилась все более удручающей. Сегодня в архиве Прокуратуры Азербайджана можно найти десятки писем от граждан, которые сигнализировали о грубейших нарушениях закона о землепользовании, об обмане государства за счет приписок, нарушения форм налоговой системы, составления фиктивных документов (например, на списание семенного фонда из-за стихийных бедствий, а фактически этими семенами засеивались скрытые от учета земли).

Прокуратура вскрыла крупные махинации с подменой сортности сдаваемого хлопка. Были выявлены случаи закупки за наличные деньги ложных квитанций о сдаче сельхоз-

ми, каминами, теннисными кортами и прочими изысками в самых живописных уголках Азербайджана и в его столице были объектами строительства первоочередной важности.

На какие средства все это делалось? Все эти подарки, подношения, приемы?..

...Бывший заведующий сельхозотделом ЦК КП Азербайджана Мамед Мамедов был известен в республике как большой знаток своего дела, человек талантливый и честный. Он всегда прямо высказывал свое мнение. Не боялся возражать и Алиеву, когда тот стал первым секретарем ЦК. Мамедова не раз предупреждали, что Алиев недоволен такой дерзостью. Вскоре его перевели в Кюрдамир, один из самых трудных районов республики. Единственным из первых секретарей райкома, кого не избрали в состав ЦК и в депутаты Верховного Совета республики, был он — Мамед Мамедов.

Но и после такого урока этот коммунист не смирился и продолжал отстаивать свою линию — отказывался от приписок, от прочих махинаций. Тогда было сфабриковано дело, по которому строителя упрятали на 13 лет в тюрьму. Когда же стало ясно, что он и там не успокоился и пишет жалобы в Москву, его просто затравили, поместив в

ремным заключением и потерей зрения. Начав работать в Президиуме Верховного Совета республики, он был поражен засильем родственников и земляков первого секретаря во всех эшелонах власти. Причем более всего возмущало то, что способные руководители, но «чужие» целенаправленно заменялись на «своих», хотя и бездарных.

Против такой порочной кадровой политики молодой коммунист и выступил. Вначале написал письмо в ЦК КПСС. Но оно было переправлено в Баку, что приравнивалось в те времена к выдаче ордера на арест. Впрочем, ордер никто и не собирался предъявлять даже тогда, когда на квартире Гамлета Алиева учинили обыск. Без каких-либо санкций прокурора! Просто пришли, перевернули дом вверх дном и забрали все подозрительные бумаги.

Он кинулся искать защиту в ЦК, в Верховном Совете республики. Ему сочувствовали, обещали разобраться. Обещал разобрататься и Председатель Президиума Верховного Совета Халилов, но именно в его кабинете Гамлета Алиева и арестовали, предъявив обвинение в написании анонимных клеветнических писем. Обвинение было шито белыми нитками: те анонимки, что приписывали ему, касались людей, мно-

гих из которых он никогда в жизни не видел, что они вскоре и подтвердили. Но кого интересовала истина! Надо упрятать человека в тюрьму — упрячем. Сказано — сделано. Четыре года строгого режима!..

В ту колонию, куда его поместили, комиссия даже из райкома не приезжала лет пятнадцать, а тут сразу пожаловали две, и обе из ЦК. Закрыли старый цех по изготовлению корзин для овощей — слишком легкая работа — и всех погнали в каменный карьер. Именно погнали: с собаками, с автоматчиками. Ввиду того что здесь находится особо опасный государственный преступник — так было разъяснено заключенным.

Ослеп Гамлет мгновенно. Вдруг глаза пронзила резкая боль и наступила полная чернота — надорвался на непривычно тяжелой работе в каменоломне. Если бы вовремя оказали несложную медицинскую помощь, зрение можно было восстановить. Но к пострадавшему два месяца не подходил врач, и время было упущено. Молодой человек стал практически инвалидом.

Не выдержав горя, мать Гамлета умерла, когда он еще сидел в тюрьме...

Но, пожалуй, самый показательный, самый яркий пример — это история с бывшим Прокурором Азербайджана Гамбаем Мамедовым.

Гамбай Александрович — человек легендарный. О его подвигах

его непосредственном участии было вскрыто множество фактов грубейшего нарушения землепользования и приписок, исчисляемых астрономическими цифрами. Но оказалось, что такие откровения не всем нравятся, и Мамедову дали это понять. Однако он продолжал требовать, чтобы Бюро ЦК КП Азербайджана рассмотрело представленные им материалы.

Единственное, чего Мамедов сумел добиться, это... своего вывода из состава ЦК и освобождения от должности Прокурора республики. Правда, теперь он об этом не просил. Его письменные обращения к первому секретарю ЦК республики оставались без ответа.

И вот тогда, 15 декабря 1978 года, на сессии Верховного Совета Азербайджана он выступил как депутат и сообщил о катастрофическом положении дел в сельском хозяйстве и в промышленности республики. Назвал он и истинных виновников создавшегося положения. Самым важным в его выступлении было то, что он впервые открыто сказал: все достижения республики, за которые она из года в год получает ордена, грамоты и знамена, основаны на фиктивных цифрах.

Мамедов взял слово в самом конце сессии, выступавшие до него как только могли возносили достижения «широко шагающего Азербайджана», которому недавно в этом зале была вручена очередная Почетная грамота ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Не успел Гамбай Мамедов сойти

Сергей ВЛАСОВ

НЕ МОЛЧАЛ

много раз писали газеты еще во времена Сталинградской битвы, а после войны его имя прославилось в журналах, книгах. Он был и стрелком, и танкистом, а потом стал замечательным минометчиком. За первые десять дней битвы его батарея уничтожила семнадцать танков и два полка пехоты. Примененный им в бою метод «кочующих минометов» взяли потом на вооружение многие советские воины.

Партийный билет лейтенанту Гамбаю Мамедову был вручен на передовой в горящем Сталинграде. Он освобождал Австрию, Венгрию, Чехословакию, был тяжело ранен. Его ровесник Гейдар Алиев в это время служил курьером в Нахичевани.

Тринадцать лет Мамедов был начальником следственного отдела КГБ Азербайджана. Следующие тринадцать лет его жизни прошли в должности Прокурора республики. А затем...

Затем он стал неугоден. Вдруг? Сразу? Да, вдруг и сразу. Из года в год — награды, ценные подарки, благодарности, зарубежные поездки на совещания юристов. В конце 1973 года, когда истекал второй пятилетний срок пребывания Мамедова в должности Прокурора республики, он обратился в ЦК с просьбой освободить его от работы в связи с плохим состоянием здоровья, но конституционный срок был продлен в третий раз.

После этого Мамедов и решил всерьез взяться за борьбу с приписками и обманом государства. При

с трибуны (точнее, его оттуда просто выпихнули), как десятки верно подданных ринулись клеймить «клеветника». Каких только оскорблений не услышал честный и мужественный коммунист в тот день!

Давайте запишем в летопись социализма: впервые за всю историю государства депутат Гамбай Александрович Мамедов был удален из зала заседания сессии Верховного Совета республики. Тут же, едва он скрылся за дверью, было предложено выгнать его из депутатов, а заодно и из партии. Все это и было сделано, но только чуть позже, с соблюдением видимости законности. Под общее молчание народа.

...Мы сидим у Гамбая Мамедова дома, перебираем его архив, записи, документы. Я спрашиваю его:

— Гамбай Александрович, когда было страшнее, в Сталинграде в сорок втором или родном Баку тридцать шесть лет спустя?

— Конечно, здесь, в Доме Советов.

Судьба доктора биологических наук Надира Мехтиева, осужденного вместе с двумя коллегами на восемь лет тюрьмы, — еще одна трагедия. Я был у него дома уже после того, как Надир Худавердиевич досрочно вышел из камеры, отсидев там около двух лет. Но тогда еще он не был восстановлен в прежней своей должности — директора Центра биологических исследований АН Азербайджана. Мехтиев уверен: его убрали потому, что он оказался помехой на пути вверх одного из

представителей клана.

— Я не успокоюсь до тех пор, пока не будут наказаны истинные виновники разгрома Центра биологических исследований, работы которого столь необходимы стране, — говорит Надир, и в его спокойном голосе чувствуется воля человека, который для себя все твердо решил и которому нечего терять.

— Кого вы имеете в виду?

— Прежде всего Джалала Алиева, брата бывшего первого секретаря. Он начал травлю меня и моих коллег сразу же, как стало известно о решении Президиума союзной Академии организовать Институт молекулярной биологии АН Азербайджана. Для всех и для него в том числе было очевидно, что директором нового института может быть только один человек в республике — это Мехитов. Но Джалалу Алиеву самому очень хотелось его возглавить, несмотря на то что для него, недавнего руководителя лаборатории института земледелия министерства сельского хозяйства, молекулярная биология является «китайской грамотой». Зато какая престижная наука! И Джалал Алиев делает все возможное и невозможное, чтобы опорочить нашу работу, совсем недавно одобренную Комиссией союзной Академии. Трудно передать, да и не хочется, все, что мы испытали за эти долгие месяцы. Провокации, анонимки, комиссии, составленные из полуграмотных людей, ночные звонки с угрозами...

Возмущенный таким беззаконием и произволом, Надир Мехтиев обращается в КНК СССР, к А. М. Школьникову, но влияние клана распространилось и на Москву. Союзный Комитет народного контроля не сделал даже попытки разоблачить в сути дела. Подобное равнодушие и явилось одной из причин осуждения невиновных людей.

А что же стало с научным центром после того, как его руководство оказалось в тюрьме? Специальным постановлением № 43 от 28 декабря 1982 года Президиум АН Азербайджана ликвидировал Центр, а сектор молекулярной биологии (являвшийся его научной базой) переименовал в сектор физико-химической биологии. При этом обязанности руководителя сектора были возложены на... Джалала Алиевича Алиева.

Сегодня справедливость, казалось бы, восстановлена. Да, невиновные оправданы. Но кто осудит виноватых?

Разбирать завалы беззакония, копившиеся многие годы, предстоит еще долго. Тем более что эти завалы и во времена перестройки пытаются маскировать видимостью очистительной работы. Обратимся к письму бывшего ректора Азербайджанского института искусств профессора Рахиба Гусейнова. (Десять лет он провел в тюрьме. Уже выйдя на свободу, не смог вынести новых мытарств, получил инсульт. Сейчас прикован к постели.)

«...10 лет я обращаюсь во все высокие инстанции Советского Союза, требуя разбирательства уголовного дела коллектива нашего института, и 10 лет все инстанции, — пишет Р. Гусейнов, — откладывают отписками, чем покрывают преступления высокопоставленных лиц, сфабриковавших наше уголовное дело!»

Разбирательство моего дела в 1987 году на основании кассационной жалобы моего адвоката опять поручено тем же людям, что сфабриковали наше дело. Понятно, что они не заинтересованы в раскрытии истины...

В результате бандитских мето-

дов разбирательства нашего дела некоторые сошли с ума, попали в психиатрическую больницу, некоторые скончались...

Справедливо или нет был осужден Р. Гусейнов — сейчас этим вопросом занимается Прокуратура СССР. Поэтому окончательные выводы делать повременим. Зато с уверенностью могу сказать, что осуждению Р. Гусейнова предшествовала его открытая война с кланом. Рахиб Абузарович смело уличал родственников первого секретаря в незаконном получении государственных денег, в вымогательстве взяток во время приемных экзаменов, в проталкивании своих знакомых в институты с помощью маклеров. Разве могли ему простить такое? И последовала кара.

Приведу свидетельство бывшего члена Верховного суда республики Фируддина Гусейнова (однофамильца бывшего ректора):

«В начале 1978 года под моим председательством рассматривалось уголовное дело по обвинению уважаемого в республике профессора Р. Гусейнова. Меня вызвали в партийный дом: «Не меньше 15 лет, из них 5 лет тюрьмы». Я заявил, что признаки хищения по этому делу формальные, а личность обвиняемого заслуживает особого внимания. Подвергшись угрозам, я подумал, что лучше молча смягчить наказание, чем уступить дело тому, кто бы считал престижным рассмотрение такого наказа...»

Через год Фируддин Гусейнов не был избран в Верховный суд, хотя за два месяца до выборов был представлен на пост заместителя его председателя. Случайно ли? Не было ли это наказанием за послушание Хозяина, ведь тот заказывал 15, а не 10 лет заключения?

Сейчас ситуация в республике постепенно меняется. Надеюсь, эти заметки помогут читателю понять, насколько сложные задачи стоят перед новым руководством республики. Очевиден тот факт, что процесс самоочищения, за который сегодня взялся наш народ, не может дать немедленных результатов, как бы этого нам ни хотелось. Наберемся же терпения...

Все минет, а правда останется, говорил Александр Твардовский. Все минет, но останется и боль утрат, боль несостоявшихся судеб, впустую потраченных сил и таланта...

Но еще пусть останется в нашей памяти мужество тех, кто не молчал, когда остальные рабски молчали...

Швейцарский город Люцерн, казалось бы, самой природой создан для покоя и отдохновения: прекрасное озеро, горы, покрытые снегом, тишина... Неудивительно, что этот живописный уголок был избран местом проведения XXV Шахматной олимпиады. Однако, по иронии судьбы, события, разыгравшиеся тогда в Люцерне, ввергли шахматный мир в пучину бесконечных тяжб и конфликтов. Ибо именно здесь к концу 1982 года равновесие сил в мировых шахматах резко нарушилось. Их будущее оказалось в руках человека, который смотрел на шахматистов сверху вниз и который стал не шахматным президентом, а президентом над шахматами!

Мне тогда было всего девятнадцать лет, шахматы были для меня всем, и я старался не замечать «византийской» политики, ведущейся вокруг них. И только сейчас я понял, что именно там, в Люцерне — истоки многих моих последующих проблем.

Мог ли кто-нибудь еще совсем недавно представить, что шахматы нуждаются в такой мощной организации, как нынешняя ФИДЕ? На доске всего тридцать две фигуры, и если они расставлены, то, спрашивается, что еще нужно? Разве что судья должен побеспокоиться о том, чтобы игроки не следовали советам типа тех, какие давал своим ученикам испанский священник XVI века Руи Лопес («Садитесь так, чтобы солнце светило в глаза партнеру» и т.п.). Все остальное можно решить по-джентльменски.

Но сейчас всем руководит Международная шахматная федерация. Она была основана в 1924 году и благодаря усилиям энтузиастов многое сделала для распространения шахмат. Но в довоенный период ФИДЕ еще не имела достаточно сил и авторитета, чтобы взять под контроль организацию и проведение чемпионатов мира. Кроме того, эти планы не пользовались поддержкой сильнейших гроссмейстеров и самого чемпиона. Лишь после смерти Александра Алехина и вступления в 1947 году в ФИДЕ Советской шахматной федерации положение изменилось. Была разработана и введена в практику стройная система розыгрыша мирового первенства. Первым чемпионом в соревновании, проведенном под эгидой ФИДЕ, стал Михаил Ботвинник, одержавший победу в матч-турнире претендентов в 1948 году.

Ныне ФИДЕ — мощная бюрократическая структура с огромным управленческим аппаратом: со своим президентом, генеральным секретарем, секретариатом, пятью региональными вице-президентами (по одному от каждого континента), исполнительным комитетом и центральным комитетом. Один бывалый журналист сказал: «Политика все больше проникает в шахматы, это явление противоестественное и пугающее. Причина в том, что шахматы порождают глубокие и жестокие страсти. ФИДЕ стала походить на ООН: раздоры, влиятельные группировки, международная конфронтация, предвыборные кампании и закулисные интриги — в ход идет весь арсенал дипломатической борьбы».

Как и в большинстве громоздких международных организаций, власть сосредоточивается в центре, вокруг президента, находящегося как бы на вершине пирамиды. Выборная система не может гарантировать справедливого решения проблемы, так как крупные шахматные державы не в состоянии отстаивать свои интересы. Одна страна — один голос. Это правило действует без исключения по всем вопросам, причем принятые решения обязательны и для всех шахматных федераций, и для чемпиона мира. Налицо возможность откровенного диктата малых стран, не сдерживаемого ни правом вето, ни Советом Безопасности, как в ООН. Во времена истинных демократов, таких, как голландец Макс Эйве или исландец Фридрих Олафссон, дела в ФИДЕ обстояли лучше, ибо эти президенты не старались встать над шахматами: они играли роль посредников между противостоящими сторонами и всегда учитывали интересы шахматистов. Фишер загнал ФИДЕ чуть ли не на задворки, но в тупиковой ситуации оба президента проявили во имя шахмат и твердость, и гибкость, а главное — объективность. Нынешнее же руководство ФИДЕ гроссмейстерами просто пренебрегает — ведь они даже не имеют права голоса на выборах! Основная игра в ФИДЕ отнюдь не шахматы, а банковские операции и предвыборные кампании.

Тогда, осенью 1982 года, мало кто считал, что филиппинец Флоренсио Кампоманес имеет серьезные шансы занять место Олафссона. Многие в Люцерне воспринимали Кампоманеса как опереточную фигуру, с его замашками американского политика, с погоней за голосами делегатов стран третьего мира, с щедрой раздачей подарков и сувениров. Маска «своего парня» помогает ему скрывать деловую хватку и непомерное тщеславие. Кампоманес гордился могучими связями у себя на родине: «Когда я прошу у президента Маркоса два миллиона долларов, он в худшем случае спрашивает, дать мне их прямо сейчас или отправить чек по почте». И все знали, что это отнюдь не бахвальство, ибо Кампоманес еще в 1978 году смог провести в Багио матч стоимостью свыше миллиона долларов. О себе, как о шахматисте, он говорил не иначе, как об «одаренном игроке», принимавшем участие в пяти Олимпиадах.

Когда началось голосование, один делегат сказал другому: «Вы когда-нибудь видели человека, который ставит 50 тысяч долларов на черное и допускает при этом мысль, что может выпасть красное?» Надо отдать должное Кампоманесу — рулетка крутилась по заданной программе. Помню, после подсчета голосов, но еще до объявления результатов, произошел эпизод, поразивший меня своей символичностью. Председательствующему была передана записка, и тот зачитал ее трагическим голосом: «С прискорбием извещаю о смерти президента Брежнева. Прошу всех встать и почтить память минутой молчания». После этого в гробовой тишине была объявлена победа Кампоманеса. Казалось, будто шахматный мир скорбел не по ушедшему из жизни Брежневу, а по поводу собственного будущего... Таким вот несколько странным образом избрание Кампоманеса и смерть Брежнева сплелись в моей памяти. Первое сулило мне трудные проблемы в

БЕЗЛИМИТНЫЙ ПОЕДИНОК

Гарри КАСПАРОВ

В этом номере мы заканчиваем публикацию отрывков из автобиографической книги чемпиона мира по шахматам

шахматном мире, второе — надежды на хорошие перемены в моей стране.

Программа, выдвинутая Кампоманесом, уже тогда вызвала у меня неосознанное беспокойство: «Я хочу предложить ФИДЕ новые пути работы, показать... новую философию. Думаю, что пора расставить новые акценты. Девиз ФИДЕ «Мы — одна семья» должен быть действенным для всех федераций, даже самых отдаленных и отстающих... Акцент в своей программе я собираюсь сделать на развивающиеся страны. Мой призыв к ним таков: можно достичь любых высот... Я не могу утверждать, что Олафссон не хотел помочь развивающимся странам, но человек, выросший на европейской культуре, не начинавший вместе с ними работу с нуля, не может учитывать все нюансы». Это была долгосрочная программа, и, хотя в одном из своих первых интервью в ранге президента Кампоманес сказал, что не собирается баллотироваться на следующих выборах в 1986 году, было очевидно, что, получив власть, он так просто с ней не расстанется.

Между тем настоящее выглядело вовсе не так плохо — и для меня, и для всей советской команды, которая показала лучший свой результат за несколько последних Олимпиад. Второго призера — команду Чехословакии — мы опередили на шесть с половиной очков, проиграв за весь турнир всего три партии! На предыдущей, мальтийской Олимпиаде я играл на шестой доске, а в Лондоне уже на второй, сразу за Карповым. Как и два года назад, я принес команде наибольшее количество очков, выиграв шесть партий и пять закончив вничью.

Захватывающей получилась наша партия с Корчным, который возглавлял команду Швейцарии. Карпов дипломатично уклонился от встречи — он должен был играть черными и, видимо, не считал нужным рисковать. Кроме того, я мог получить по носу: ведь это была моя первая встреча за доской с Корчным. Пытаясь меня «подставить», Карпов, по существу, оказал мне услугу.

Для многих западных журналистов это было первое знакомство со мной. «Среднего роста, бледноватый, с копной черных вьющихся волос, в белой водолазке, Каспаров похож на вестсайдского рокера, готового действовать», — писал Дэвид Спаньер. — За доской сидит нервно, непрерывно ерзает, хмурит густые брови и, прищурив глаза, не отрываясь смотрит на фигуры. В ожидании хода соперника ходит взад-вперед по сцене.

Игроки, как и ожидалось, не пожали друг другу руки в начале партии. — продолжает журналист. — Хотя Каспаров, к его чести, сделал движение на встречу, но Корчной воздержался. Корчной начал игру ходом ферзевой пешки, на что Каспаров ответил своим излюбленным «модерн-Бенони». Уже довольно скоро черные придали игре оригинальный характер. Было ли это домашней заготовкой или импровизацией за доской в любом случае впечатление от последовавшего фейерверка было сильным. Каспаров держал коня под боем в

течение семи ходов, а затем предпринял рискованную вылазку ферзя во вражеский лагерь. Зрители наблюдали за игрой, затаив дыхание. Замыслы Каспарова были так вызывающе неожиданны и сложны, что даже специалисты не могли предсказать, выиграет ли он партию, и если выиграет, то как? Это было ошеломляющее ощущение мастерства, неизбежности судьбы, неотвратимости смены поколений».

Да, то была запоминающаяся схватка! Правда, позднее Корчной нашел, что мог сделать ничью на 29-м ходу...

Менее удачно сложилась для меня жеребьевка претендентских матчей, проведенная к концу Олимпиады. Странно же, однако, распорядился тогда жребий. Вот список получившихся пар и рейтинги участников:

Хьюбнер	(2630)	—	Смыслов	(2565)
Рибли	(2580)	—	Торре	(2535)
Каспаров	(2675)	—	Белявский	(2620)
Корчной	(2635)	—	Портиш	(2625)

Я заранее говорил, что самые опасные для меня соперники — Белявский и Корчной, а теперь мне предстояло последовательно играть с ними обоими. Вы спросите: почему так? Да потому, что после того, как определились пары, было просто объявлено, что победитель первой пары встречается с победителем второй, а третьей — с четвертой (хотя совершенно очевидно, что три участника первых двух пар гораздо слабее любого из участников двух других). Тянули ли в этом случае жребий, и если да, то почему без нашего участия? Возмущенный Портиш покинул зал, обвинив организаторов в подлоге. Мало того что он попал в одну пару с Корчным — в случае победы ему предстояло играть со мной или с Белявским.

Неожиданно Белявский оказался для меня не очень трудным препятствием, я выиграл у него в Москве со счетом 6:3. Борьба, однако, была бескомпромиссной, и лишь моя победа черными в 8-й партии предопределила ее исход. Когда в конце матча я встал, чтобы пожать Белявскому руку, то, памятуя о неудачной жеребьевке, сказал: «Мне жаль, что мы встретились так рано».

Это было в марте 1983 года. Полуфинальный матч с Корчным должен был начаться в августе. Но где? Выбор места проведения матча породил кризис, ставший первым в ряду множества других, сопровождающих правление нынешнего президента ФИДЕ. Даже сегодня я не могу до конца понять, почему кризису дали зайти так далеко. Но уверен: не предприняв я тогда решительных действий, наша Шахматная федерация и Кампоманес могли бы свести мои шансы в борьбе за мировую корону к нулю. Попытаемся понять, что же тогда происходило.

Нас с Корчным приглашали три города: Лас-Пальмас (25 тысяч долларов), Роттердам (100 тысяч) и Пасадена (100 тысяч). Согласно правилам ФИДЕ каждый из участников должен был расставить их в порядке предпочтения. Корчной выбрал только один город — Роттердам. В своем списке, poslanном в середине мая в Спорткомитет, я также поставил на

первое место Роттердам, а на второе Лас-Пальмас (Пасадена замыкала список). Однако руководство Спорткомитета предложило мне поменять города местами. Почему? Мне объяснили, что Лас-Пальмас все равно не выберут, а поддержать этот городок политически важно. Я не придал этому значения, поскольку в обоих списках был Роттердам, и согласился. Но оказался не прав: тогда я не знал (но этого не могли не знать наши спортивные руководители!), что если мнения участников хоть в чем-то не совпадают, то президент имеет право самостоятельно выбрать любой город с учетом всех обстоятельств. Думал ли я тогда, к каким далеко идущим последствиям приведет эта ненавистная с виду рокировка и право Кампоманеса *учитывать все обстоятельства*.

Президент выбрал Пасадену. В печати сразу появились предположения, будто у Кампоманеса есть секретный план: вытаскивать из уединения Фишера, переехавшего жить в Пасадену (пригород Лос-Анджелеса), и устроить-таки его долгожданный матч с Карповым. Сам же Кампоманес объяснил свое решение самым высоким призовым фондом Пасаде — с учетом специального отчисления в сумме 40 тысяч долларов на развитие шахмат в третьем мире, что, конечно, не могло не растрогать сердце филиппинца (тем более что по правилам ФИДЕ эти деньги распределяются самим президентом).

Через две недели Корчной выразил согласие с решением Кампоманеса, советское же руководство сразу категорически отвергло его. Подлило масла в огонь и решение президента провести другой полуфинал, между Смысловым и Рибли, в Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты). Согласиться с этим — значило заранее поставить нашего прославленного ветерана в невыгодные условия, учитывая жаркий климат и другие экзотические прелести.

Многие так и не поняли подлинной причины возражений советской стороны по поводу проведения матча в Пасадене. Официальная версия — это отсутствие гарантий безопасности Каспарова и членов его делегации, так как Пасадена закрыта для советских дипломатов.

Бытовало наивное мнение (так думал и я), что Кампоманеса просто хотят поставить на место: слишком уж вызывающим выглядело его пренебрежение мнением участников. Обмануться было нетрудно. Вот что, к примеру, писал в «Советском спорте» Рошаль, имея в виду обещание Кампоманеса гарантировать безопасность своим личным присутствием: «Скорее всего у вознесшегося Флоренсио Кампоманеса попросту закружилась голова от высоты доверенного ему поста... Полночь, Кампоманес. Там, где не гарантирована безопасность президентов США, где подвергаются нападению даже крайне редко допускаемые в эти места советские дипломаты, — там ваше «личное присутствие» не решит всех проблем». А в это время советский пловец Владимир Сальников устанавливал рекорды в бассейнах Лос-Анджелеса...

Мое личное знакомство с околوماتчевой политикой началось 12 июля.

Накануне мне позвонили в Баку и сказали, что в Москву прилетает Кампоманес и я должен явиться на переговоры. Перед встречей с Кампоманесом состоялась беседа в отделе пропаганды ЦК КПСС с заведующим отделом Б. Стукалиным в присутствии генерала КГБ. Там мне было сказано, что мы — великая страна и не позволим, чтобы нам диктовали условия; в Америке матча не будет, раскол ФИДЕ нас не пугает, и даже если Корчного объявят чемпионом мира — что ж, доставим ему эту радость, проведем свой отборочный цикл и активно включим Карпова в бойкот решений Кампоманеса. Меня убеждали, что на карту поставлен престиж страны. В итоге я был вынужден отказаться играть в Пасадене. Кроме того, у меня не возникало никаких сомнений, что со временем все встанет на свои места. В тот момент я не мог себе представить, что становлюсь жертвой интриги.

Встреча с Кампоманесом состоялась в 9 часов вечера того же дня в Спорткомитете. Беседу с президентом вел председатель Госкомспорта М. Грамов, присутствовали В. Ивонин, Н. Крогиус, А. Карпов, В. Смыслов и я.

Полтора часовая беседа (Грамов давил, а Кампоманес отбивался, но не сдавал позиций) привела к тому, что почти все стали говорить на повышенных тонах. Помню, я сказал Кампоманесу: «Господин президент, своим решением вы посягнули на право претендентов выбирать место матча». В ответ последовало: «Правильно, но почему вы не поставили на первое место Роттердам?»

Тут я, кажется, начал кое-что понимать.

К концу беседы незаметно всплыло новое предложение нашей стороны: матч Смыслов—Рибли играть в срок и в намеченном месте, то есть в Абу-Даби, а матч в Пасадене возможен лишь при выполнении следующих условий:

- 1) гарантировать полную безопасность советской команды;
- 2) разрешить на период матча въезд в Пасадену советским дипломатам, аккредитованным в США;
- 3) не допускать каких-либо демонстраций во время матча.

Кампоманес ответил, что сейчас он не в состоянии решить эти вопросы. Ему предоставили возможность связаться по телексу с организаторами. Все как-то ожили и даже повеселели, кроме меня. Я ничего не понимал: всего несколько часов назад мне говорили о бойкоте обоих матчей, о твердой позиции — и вдруг решили играть в установленный срок матч в Абу-Даби, а мой матч с Корчным повис в воздухе до выполнения невыполнимых условий.

Я вернулся домой около часа ночи разбитый и подавленный. Маме сказал: «Я ничего не понимаю, но, кажется, меня предали». Ночь была тяжелой, а утром мы узнали, что Кампоманес, так куда и не позвонив, улетел в Тунис. Вслед ему был послан телекс, в котором были повторы предложения, высказанные на встрече в Госкомспорте.

Через два дня на пресс-конференции в Тунисе Кампоманес заявил: «Если Каспаров не явится в назначенный день, 1 августа, на матч, ему будет засчитано поражение». А еще через день стало известно, что Смыслову прислали из Абу-Даби пять билетов... с благодарностью за согласие играть. Я

позвонил туда, где всего несколько дней назад мне гарантировали поддержку. На вопрос, что будет дальше со мной, Стукалин ответил: «Как гражданин ты должен понять, что это в интересах страны». Когда же я спросил, почему должен выбить из игры один, мне было сказано (при этом уже на «вы»): «Вы еще молоды, можете три года и подождать».

К вечеру ситуация вновь изменилась. Меня пригласил к себе Грамов. Он встретил меня весьма радушно и сообщил, что независимо ни от чего матчи 1 августа не начнутся, что готовится второй телекс и что в печати опубликуют переговоры с Кампоманесом... «Могу ли я ехать в Баку?» — спросил я. «Конечно, Баку — не Пасадена, там мы тебя всегда разыщем». Он проводил меня до дверей и тепло попрощался.

И действительно, Кампоманес объявил о переносе матчей на пять дней. В Баку я, однако, не уехал, и четыре дня прошли в ожидании. Решение все не принималось.

В те кризисные дни мне впервые пришлось беседовать с Карповым. После окончания переговоров в Спорткомитете чемпион мира предложил мне обсудить создавшуюся ситуацию наедине. Беседа, состоявшаяся у него дома 15 июля, была для меня психологически очень сложной. Карпов настойчиво убеждал меня, что самое главное сейчас — не допускать раскола ФИДЕ, или, как он выразился, не получить мат в один ход. Поэтому, продолжал он свою мысль, не нужно препятствовать проведению матча Смыслов—Рибли, а за матч в Пасадене необходимо начать совместную борьбу. При этом он посоветовал мне обратиться к Г. А. Алиеву, в то время члену Политбюро ЦК КПСС, в свою очередь обещая организовать встречу у секретаря ЦК КПСС М. В. Зимянина.

По неопытности мне было нелегко разобраться в хитросплетениях закулисной борьбы, которая велась вокруг матча, но в тот момент я инстинктивно почувствовал опасность. Ведь мне уже стало известно, что в ЦК партии и Комитете госбезопасности считают матч в Пасадене политически неверным шагом. Вероятно, уже тогда было решено бойкотировать Олимпиаду в Лос-Анджелесе. И Карпов знал об этом. Поэтому-то так важно было разделить матчи в Абу-Даби и Пасадене. Обещание Карпова найти в будущем какой-либо иной способ включить меня в претендентский цикл, если матч с Корчным все-таки не состоится, только усилило мои подозрения.

Отныне у меня не оставалось сомнений: единственный шанс продолжить борьбу за чемпионский титул — добиваться одновременного начала обоих полуфинальных матчей.

Что было делать? 21 июля я позвонил Алиеву и изложил суть дела. Он меня обнадежил, сказав, что матч состоится, и только после этого я вернулся в Баку.

И события стали разворачиваться в обратном направлении! Сначала надо было под приличным предлогом вновь объединить полуфиналы для более эффективного бойкота решения президента ФИДЕ. Как следствие перемены ситуации появилось заявление Шахматной федерации ОАЭ. Вот выдержка из сообщения в «Советском спорте»: «31 июля Шахматная федерация ОАЭ сняла свое предложение, убедившись в том, что решение президента не было согласовано с участниками матча. 4 августа Ф. Кампоманес, фактически признавая несостоятельность своего выбора, сделанного 1 июня, сообщил Шахматной федерации СССР, что, «учитывая отказ Шахматной федерации ОАЭ, я попытался найти и имею наготове дружественную Европейскую шахматную федерацию, которая может организовать матч Рибли—Смыслов, если г-н Смыслов и вы сообщите нам сегодня в письменной форме, что Смыслов сыграет этот матч в этой дружественной федерации, независимо от других условий, о которых вы и ранее говорили». Таким образом, не называя этой федерации, не сообщая предлагаемое место, сроки и другие условия, Ф. Кампоманес, по существу, ультимативно потребовал дать в тот же день согласие на его анонимное предложение».

Однако никаких конкретных предложений вслед за тем не последовало, и судьба обоих матчей снова стала единой. Теперь даже если Кампоманес и привел бы в исполнение свою угрозу дисквалифицировать меня (в случае отказа приехать в Пасадену), то ему пришлось бы те же санкции применить и к одному из участников матча Смыслов—Рибли. А это привело бы к срыву целого цикла борьбы за мировую корону.

Итак, с одной стороны — президент ФИДЕ, опирающийся на туманные и во многом противоречивые правила, с другой — авторитет ведущих гроссмейстеров. Что перевесит? Этот вопрос предстояло решать всему шахматному миру, а отнюдь не руководителям ФИДЕ. В конце концов Международная шахматная федерация существует не сама по себе и не может нормально функционировать, отмахиваясь от шахматистов, как от назойливых просителей.

Кризис зашел так далеко, что ни одна из сторон уже не могла просто уступить. Попутно Кампоманес ухитрился оскорбить своих предшественников Эйве и Олафссона высказываниями о том, что в отличие от них он не намерен поддаваться давлению русских...

Как быстро, однако, все изменилось! Если еще недавно мое «изъятие» из цикла рассматривалось спортивным руководством как нормальное явление и никого не тревожила моя дальнейшая судьба, то теперь Шахматная федерация СССР, используя все средства массовой информации, начала в буквальном смысле штурм позиций Кампоманеса. В «Советском спорте» появилась специальная рубрика «Решения президента ФИДЕ — под огнем критики». С заявлениями в различных газетах выступили Ботвинник, Петросян, Чибурданидзе, Белявский, Полугаевский, ряд зарубежных гроссмейстеров...

Можете представить себе состояние в ночь на 7 августа.

В это время в Пасадене, где было еще 6 августа, Корчной приехал в зал городского колледжа, пожал руку судье, сел за шахматный столик и сделал ход d2-d4. Затем нажал на кнопку часов. Согласно «Los Angeles Times», в течение следующего часа он ходил по сцене, заложив руки за спину, с

безразличным выражением лица, тоже участвуя в торжественном фарсе. Еще бы: ему была подарена победа и четверть той суммы, которую он получил бы, если бы матч состоялся. Более того, ему сказали, что он уже в финале.

Все было кончено! Я умер, не успев родиться. (Недавно один знакомый спросил меня, что было бы, если бы Корчной, сделав ход, заявил судье, что признает себя побежденным?.. Не думаю, что подобная мысль приходила Корчному в голову. Но Кампоманес в этом случае попал бы в очень трудное положение. Ну а что писала бы тогда советская пресса — и представить трудно.)

Интервью, интервью... по несколько в день. Всех интересовало, означает ли спектакль в Пасадене конец истории, и на мое твердое: «Нет, это только начало» советовали обратиться с письмом к конгрессу ФИДЕ, который должен был состояться в начале октября в Маниле.

Спустя три дня та же участь постигла Смыслова. И розыгрыш первенства мира действительно оказался на грани срыва уже на стадии полуфинальных матчей...

Между тем шахматная общественность ждала выступления чемпиона мира, но тот не спешил. Лишь 8 августа Карпов сделал наконец публичное заявление: «Корчному засчитан выигрыш без игры, но ведь его соперник не вышел на матч не из-за собственного каприза или болезни, а в результате сложившихся обстоятельств, то есть по причинам околосахматного характера». Итак, по мнению Карпова, причина кризиса — обстоятельства *околосахматного* характера! Но кому они известны, эти причины? И кто их создавал? Одни лишь околосахматные люди? По мнению многих, интрига, начатая в мае 1983 года, преследовала цель «сделать все», чтобы Каспаров не дошел до Карпова. Но закулисные сценаристы настолько несерьезно подошли ко второму матчу (видимо, не считая ни Смыслова, ни Рибли соперниками для Карпова), что не сочли нужным рассчитывать все варианты до конца. Да, одного дисквалифицированного претендента еще можно было бы как-то оправдать, но двоих — это уже слишком! А ведь цель была так близка...

Но в тот жаркий август (как, впрочем, и в последующие критические моменты) судьба послала мне спасительный шанс, как бы проверяя, насколько я сумею им воспользоваться. Шанс предстал в виде звонка известной югославской шахматистки Милунки Лазаревич, ныне активного шахматного организатора. Милунка искренне переживала за меня — горячо любя шахматы, она остро реагирует на любую несправедливость по отношению к ним.

Итак, она сообщила, что меня приглашают в Никшич на супертурнир 15-й категории, в котором должны принять участие все крупнейшие шахматисты современности, кроме Карпова. Как мне объяснили позже, этим организаторы хотели продемонстрировать свое отношение к возникшему кризису. Турнир проводился по случаю 60-летия старейшего югославского гроссмейстера Светозара Глигорича, к которому я испытывал глубокое уважение. Впоследствии оно выразилось в желании видеть его главным арбитром на матчах с Корчным в 1983 году и с Карповым в 1984-м. Ирония судьбы: 15 февраля 1985 года именно Глигорич санкционировал прекращение матча между мной и Карповым. Решение, понятно, принимал не он, но он его поддержал.

Но тогда, в августе 1983-го, я был счастлив, что меня пригласили на такой турнир, а еще больше оттого, что удалось одержать убедительную победу, опередив второго призера — Ларсена — на два очка! Вся шахматная подготовка к сорванному матчу с Корчным воплотилась в моих лучших партиях турнира. Особенно журналисты выделяли партию с Портишем, за которую Спорткомитет СССР присудил мне специальный приз — «За творческие достижения в 1983 году». Однако турнир памятен мне не только шахматными партиями: здесь впервые мне пришлось проявить организаторские навыки. Ведь надо было спасти матчи, а для этого требовалось не так уж мало: организовать письмо гроссмейстеров в ФИДЕ и провести переговоры с Корчным.

Я не знал тогда, хватит ли у меня смелости и твердости отстаивать демократию в шахматах. Перестройка нашего общества была еще впереди. Мне предстояла борьба, и мне объясняли, что в этой борьбе меня могут сломать. Риск был еще и в том, что меня могла сломать сама борьба.

В своем решении я укрепился после бесед в Никшиче с коллегами-шахматистами. Они с пониманием отнеслись к моей позиции противодействовать диктату Кампоманеса. И все же сомнения не оставляли меня. Стоит ли рисковать потерей всего, что до сих пор составляло цель моей жизни? Что важнее: победить Кампоманеса или стать чемпионом мира? И нельзя ли достичь первого другим путем — то есть сначала стать чемпионом, а уже потом, укрепив свое положение, начать борьбу?..

Я попросил участников турнира подписать письмо с требованием о проведении полуфинальных матчей. Желание увидеть эти матчи были всеобщим. Особенно ярко оно проявилось в коротких интервью, которыми пестрели местные газеты: все без исключения гроссмейстеры указывали на необходимость скорейшего проведения матчей. Вот текст принятого документа:

«Участники международного турнира в югославском городе Никшиче считают важным, чтобы конгресс ФИДЕ сделал все возможное для организации и проведения полуфинальных матчей претендентов Каспаров — Корчной и Рибли — Смыслов. Мы руководствуемся интересами шахмат.

Б. Спасский, Т. Петросян, М. Таль, У. Андерссон, С. Глигорич, Л. Любеевич, Б. Иванович, П. Николич, Б. Ларсен, Э. Майлс, Л. Портиш, Д. Сакс, Я. Тимман, Я. Сейраван».

Вполне возможно, что это была первая в истории шахмат петиция, подписанная почти всеми ведущими гроссмейстерами мира. Некоторые из них (Тимман, Сейраван, Майлс) удивлялись: «Мы, конечно, подпишем эту бумагу, потому что

ты должен сыграть с Корчным, но скажи, почему ты не поехал в Пасадену? Как ты мог рисковать всей своей шахматной карьерой только потому, что был выбран не тот город?»

Единодушие, проявленное гроссмейстерами, дало ФИДЕ понять, что шахматный мир не согласен с неспортивным решением президента. Не оставалось сомнений в том, что вопрос о нашем со Смысловым участии в финале будет решаться за шахматной доской. Не ясно лишь, как развивались бы события, не прими тогда Корчной благородного решения играть полуфинальный матч, а воспользуйся он своим формальным правом на выход в финал. Конечно, моральное осуждение — это сила, но в своей жизни я встречал людей, которые моральное осуждение шахматного мира воспринимали, как простой насморг. Корчной же на деле доказал, что его критика «бумажного» чемпионства была не пустым звуком.

Нашим личным взаимоотношениям помог блицтурнир в Герцог-Нови, на побережье Адриатики, организованный сразу после Никшича. Я выиграл это состязание и притом дважды победил Корчного. Думаю, ему импонировало то, что я играю с ним в одном турнире, несмотря на то что переговоры о матче находились в критической стадии. Нам удалось несколько раз откровенно побеседовать о будущем матче, которого мы оба с нетерпением ждали.

Итак, колесо закрутилось в обратную сторону. Свершилось «чудо». Чтобы довершить его, потребовались деньги. Советская федерация согласилась на штраф в размере 210 тысяч долларов. Часть денег выплатили Корчному в качестве компенсации за аннулированную победу, часть пошла на возмещение расходов по организации матча в Пасадене и на покрытие финансового и морального ущерба, понесенного ФИДЕ. (Правда, реально вся сумма выплачена не была. Когда страсти улеглись, Кампоманес предложил нашей федерации облегчить бремя взваленной ноши. Взамен части суммы в Советском Союзе были проведены платные шахматные семинары для развивающихся стран, которые, надо сказать, особой пользы не принесли, поскольку приехали в основном не играющие шахматисты, а функционеры от спорта.) Кроме того, Корчному было обещано прекратить бойкот турниров с его участием, начатый Шахматной федерацией СССР в 1976 году.

Вот какую цену заплатила советская сторона, чтобы возместить урон, нанесенный в результате махинаций с полуфинальными матчами. Это была самая крупная уступка нашей федерации за всю историю ее взаимоотношений с ФИДЕ, и Кампоманес с удовольствием воспользовался случаем продемонстрировать шахматному миру, как он утер нам нос. Да, то был драматический момент в жизни нашего спортивного руководства. Оно было вынуждено защищать себя и затаилось в надежде, что ветер перемен ослабнет или даже изменит свое направление...

Теперь предстояло найти место проведения матчей.

Ключевую роль сыграл тогда английский гроссмейстер Реймон Кин, занимавший в ФИДЕ пост секретаря Совета игроков. Он прилетел в Москву для переговоров с руководством Советской федерации. Кин был удивлен, когда сам начальник Управления шахмат Крогнус встретил его в аэропорту (редчайшая честь!), но еще больше он удивился, когда все наперебой стали рассказывать ему о том, как они тут помогали Каспарову. Это было что-то новенькое... Кин сказал, что мог бы быстро организовать оба матча в Лондоне, но при условии: советская сторона публично признает, что Кампоманес, выбрав Пасадену, не превысил полномочий президента ФИДЕ, и выплатит оговоренную компенсацию. Кампоманес он уже уломал, пообещав, что его издатели подарят развивающимся странам большое количество шахматной литературы для популяризации там шахмат. Способ же побудить Корчного согласиться с этими условиями, как сказал Кин, заключался в комбинации денежных инъекций с прекращением его бойкота в турнирах.

После недельных дискуссий вопрос был решен практически на тех условиях, которые привез в Москву Кин.

Итак, матчи, разбросанные вначале по разным уголкам земного шара, должны были теперь встретиться в лондонском «Грейт-Истерн-отеле». Спонсором выступила компания «Acorn Computer», выложившая 75 тысяч фунтов стерлингов, что превысило предложения Голландии, Австрии и Югославии. Итогом шумного скандала вокруг матчей стал еще больший интерес к ним.

Подняла мое настроение также поездка в Барселону, где по итогам 1982 года мне был вручен первый «Оскар». Я получил во время голосования 1021 очко. Карпов — 943. Замечательным в поездке было и то, что со мной впервые смогла поехать мама. Редко кому из советских шахматистов тогда удавалось взять с собой за рубеж близкого родственника: это особый знак доверия со стороны властей! В моем случае это было немаловажным, так как упорно распространялись слухи о том, что я останусь на Западе. Не исключено, что в глубине души мои противники хотели этого — чтобы и мне можно было навесить ярлык врага, как Корчному и многим другим нашим «невозвращенцам». Но мне и сейчас нечем их обрадовать: я не имею ни малейшего желания остаться на Западе. Конечно, там я мог бы больше зарабатывать, да и многие бытовые вопросы решались бы гораздо легче. Но получать подлинное удовлетворение от общественной и политической деятельности можно только у себя дома, на родине. Думаю, человеку вообще трудно раскрыть заложенный в нем потенциал, если он оторван от своих корней.

Атмосфера вокруг нашего матча с Корчным, когда мы наконец сели за доску, оказалась гораздо спокойнее, чем ожидалось. Все страсти были растратчены в предматчевых боях, и теперь мы могли сконцентрироваться на шахматах. Отношения с Корчным у меня были нормальные, возможно, и потому, что в 1976 году, когда его публично осудили совет-

ские гроссмейстеры, мне было всего тринадцать лет и я не принимал в этом участия.

Нельзя сказать, чтобы я недооценивал Корчного как шахматиста. Я сознавал, что это опаснейший противник с богатым опытом матчевой борьбы. Недаром он уже дважды выходил в финал чемпионатов мира! Разница в возрасте составляла 32 года, что, конечно, давало мне известное преимущество, но Корчной все же владел множеством шахматных приемов. Я знал, что не должен позволять ему диктовать игру в простых и технических позициях. Поэтому особое внимание уделил изучению окончаний, что составило сорок процентов всей подготовки. Мы работали так: тренеры показывали мне какую-нибудь позицию из практической партии и предлагали ее проанализировать. Затем сравнивали оба пути — мой и приведенный в книге. Таким образом мы разобрали все лучшие практические окончания за последние четверть века. В матче это окупилось с лихвой!

Итак, 21 ноября в 16.00 моя белая ферзевая пешка двинулась на два поля вперед. Напомню, что в Пасадене уже один этот ход принес Корчному победу в матче. Но в Лондоне 1-ю партию я проиграл. Корчной начал игру уверенно и быстро, в то время как я подолгу задумывался. В итоге у меня осталось полчаса на 22 хода, у Корчного — в три раза больше... Это была победа опыта над надеждой! Вспомнилась невеселая статистика: во всех двенадцати выигранных им до этого претендентских матчах Корчной, повел в счете, уже не уступал лидерства. Но тогда еще мало кто знал, что 13 — мое счастливое число!

Решающий момент наступил в 6-й партии, которая после напряженной борьбы была отложена в неясной, но, вероятно, ничейной позиции. При доигрывании Корчной, пытаясь обострить игру, избрал не лучшее продолжение, и на 57-м ходу возник прозаический ладейный эндшпиль, в котором от белых для достижения ничьей требовалась определенная точность. Корчному нужно было отдать ладью за проходную пешку в выгодной редакции, но он допустил перестановку ходов, зевнул промежуточный шах, после чего его позиция стала безнадежной...

В интервью, данном по окончании матча, который я выиграл со счетом 7:4, Корчной признался: «После шестой партии я потерял веру в мою технику и моих секундантов. Счет стал равным, но психологически матч был проигран. Мое домашнее представление о Каспарове, как об игроке одного нокаутного удара, было ошибочным. Каспаров очень техничен для своих лет. Он идет на риск только тогда, когда уверен в оправданности этого шага».

Но моя слержанная тактика разочаровала некоторых британских шахматистов, ожидавших от меня комбинационного фейерверка. Гарри Голембек писал в «Times»: «Нам довелось увидеть только отдельные вспышки каспаровского таланта. А ведь он способен вдыхать в позицию жизнь и огонь». Реймонд Кин сказал: «Каспаров играл, как Карпов, используя в основном ошибки Корчного. Он от природы искусный и изобретательный шахматист, но в этом матче показал лишь часть того, что умеет». Правда, Джонатан Спилмен отметил, что «после шестой партии Гарри из замученного щенка превратился в льва, вырвавшегося из клетки». Но мне больше импонировала оценка американца Роберта Бирна: «Порывистый гроссмейстер с Кавказа сумел проявить поразительное терпение и выдержку, выказав в сложной ситуации незаурядную психологическую устойчивость. И в творческом отношении Каспаров возмужал в ходе поединка. Молодому шахматисту удалось перестроиться и, обуздав фантазию, почувствовать вкус к игре в навязанных соперником простых позициях с малым количеством фигур, к чему Каспаров всегда питал неприязнь». Многие даже предлагали мне выразить Корчному благодарность за то, что он ускорил мое шахматное созревание и способствовал постижению гонимостей позиционной игры. Действительно, пользу от этого матча трудно переоценить.

Теперь на моем пути к матчу с Карповым оставался только Смыслов. Умудренный опытом боец, прошедший горнило многолетней борьбы с Ботвинником, он стал чемпионом мира за шесть лет до моего рождения. А спустя четверть века поразили всех, разгромив Золтана Рибли, шахматиста вдвое моложе себя.

Есть нечто глубоко символическое в том, что оба дисквалифицированных советских гроссмейстера в конце концов вышли победителями полуфиналов. Пикантностью предстоящему поединку придавали сами соперники, абсолютно непохожие друг на друга. Одному по ходу матча исполнилось шестьдесят три года, другому... двадцать один! Перед претендентскими матчами неречно приходилось слышать: «Куда им в таком возрасте?!» Межзональный турнир, четвертьфинал, полуфинал были для каждого из нас победой над временем. Возрастные рамки раздвинулись сразу в обоих направлениях!

Сила Смылова всегда заключалась в его умении накапливать микроскопические преимущества непритязательными с виду разменами и маневрами, а уж в эндшпиле он считался непревзойденным виртуозом. Британская пресса назвала Смылова «Неувядающим маэстро». Его шахматное долголетие к тому моменту начало приближаться к рекорду Ласкера, который продолжал выступать в турнирах и в возрасте шестидесяти восьми лет.

Матч игрался в Вильнюсе в марте-апреле 1984 года и закончился моей победой со счетом 8,5:4,5. Основой успеха было удачное применение защиты Тарраша. Я уже знал, что в матче настроение шахматиста зачастую зависит от игры черными: если она складывается удачно, то можешь спокойно пытаться использовать преимущество белого цвета. В целом я лучше ориентировался в сложных ситуациях, но наибольшее удовлетворение мне доставили два эндшпиля, где удалось реализовать небольшой позиционный перевес.

В тот период жизни большое влияние на меня оказала встреча с Мариной Неедовой. Наше знакомство продолжа-

лось более двух лет, с того удивительного вечера в Москве, когда я увидел ее в роли Маши в чеховских «Трех сестрах». Марина хорошо понимала мои проблемы, понимала, в чем состоит истинная суть моей борьбы, и ее поддержка придавала мне сил. У нас было много общих друзей среди писателей и художников.

Марина необыкновенно начитанна и образованна, обладает острым умом и чувством юмора. Когда я позвонил ей из Вильнюса после победы над Смысловым и сказал, что уже «без пяти минут чемпион мира», то услышал ее иронический голос: «Не спешат ли твои часы?»

Вполне возможно, что наш союз опирался и на ощущение нашей исключительности. Мне было интересно ее восприятие мира, а ей, надеюсь, мое. Мы понимали друг друга с полуслова. Духовная связь помогла нам перебросить мостик между короткими и редкими встречами. Паузы между ними мы заполняли продолжительными телефонными разговорами, и этого на какое-то время хватало — я успокаивался и начинал чувствовать себя увереннее. Я удивлялся и радовался тому, что нам удавалось находить точки соприкосновения в самых различных и далеких друг от друга областях.

Однако наши профессиональные занятия — большой актрисы и известного спортсмена — разводили наши орбиты все дальше и дальше...

Победы на Белявским и Корчным, а также на турнире в Никшиче принесли мне второй «Оскар». При голосовании я набрал 984 очка. Карпов — 918. К середине 1984 года мой рейтинг также превысил карповский: 2715 против 2705.

После моего матча с Корчным Карпов дал интервью, в котором сказал: «Я не хотел бы принизить достижение Каспарова, но надо признать, что Корчной — отработанный пар... король оказался голый... Даже молодой индийский шахматист (Баруа — Г. К.) смог победить Корчного». Абсурдность такого заявления была слишком очевидна, если вспомнить, что всего за два года до этого Карпов потребовал от руководства мобилизовать для борьбы с Корчным всю мощь советской шахматной организации. Да и последующие турнирные выступления Корчного не подтвердили версии об «отработанном паре».

Говоря же о моем предстоящем матче со Смысловым, Карпов к традиционному сравнению — «сравнение между молодостью и смелостью, с одной стороны, и здравым смыслом и опытом — с другой» — добавил: «Это как вечная борьба между бушующим морем и земной твердью». Как мы знаем, бушующее море обычно не может одолеть земной тверди, иначе бы наш мир не существовал. На самом же деле Карпов был абсолютно уверен в моей победе. Когда журнал «Огонек» предложил своим читателям предсказать результат матча, то редакция обратилась и к чемпиону мира. Запечатанный Карповым конверт хранил точный прогноз — 8,5:4,5 в пользу Каспарова. Не было сомнений в исходе матча и у других наших гроссмейстеров.

Тем не менее у нас в прессе мои шансы намеренно занижались. Почему? Может быть, кто-то опасался чрезмерно воодушевить меня или, не дай бог, поднять мою популярность? Конечно, сам Карпов не питал никаких иллюзий, отчетливо сознавая, что после провала пасаденской операции матча со мной не избежать. Угроза его титулу была слишком очевидна, хотя в интервью он и заявлял, что получить право играть матч на первенство мира «это уже достижение, о котором не многие рискнут даже мечтать». Карпов — хладнокровный человек и может объективно и точно оценить опасность. Так же как и люди вокруг него, чьи жизненные позиции зависели от сохранения Карповым своего титула и которые хотели, чтобы он как можно дольше чувствовал в них свою опору. Недаром еще перед началом матча в Вильнюсе Смыслов сказал мне: «Молодой человек, если бы история с нашими полуфинальными матчами произошла бы не летом 1983 года, а несколько раньше, мы бы никогда не встретились в финале».

Во многих мифах и сказках герою предстоит пройти сквозь тяжелейшие испытания, прежде чем он наконец встретится лицом к лицу с чудовищем невероятной мощи и силы. Но человек, преодолевший все препятствия, уже не тот наивный простак, который когда-то ринулся в пучину неизведанного, не подозревая о грозящих опасностях. Сражения закаляли его волю, а победы вложили в сердце чудодейственную силу, позволяющую выстоять в последнем смертном бою. Так и в любимом мною «Властелине колец» Толкина, где Саурон вначале посылает черных всадников, так и в сказке о Кашее Бессмертном... Но ведь тут явная логическая неувязка. Меня еще в детстве мучила мысль: что было бы, если бы Кашей вышел к незнакомому гостю в начале пути, когда тот еще слаб и неопытен? Исход поединка предсказать нетрудно. Почему же он ждет и дает врагу время окрепнуть? Мне кажется, сейчас я знаю ответ: просто в девяносто девяти случаях из ста Кашее вполне достаточно послать своих подручных. И только один из сотни имеет шанс добраться до него! А вообще, в сказках неотвратимость судьбы и возмездия проявляется гораздо полнее, чем в жизни.

Начиная свою борьбу, я понимал, что вступаю «во владение Кашея». Я еще не знал правил этой борьбы, но уже почувствовал мощь своего противника.

ВОРКУТА

И. ГОЛЫЦ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОССТАНИЯ

Несмотря на то что на протяжении двух десятилетий на Воркуту непрерывно шла этап за этапом новая рабсила для «Заполярной кочегарки», — на шахтах постоянно был недостаток рабочих рук. Спускали в шахты физически здоровых людей, но вскоре лагерная администрация вынуждена была списывать их, как непригодных для подземных работ. Это было вполне закономерным следствием условий содержания заключенных в спецлагерях Воркуты и полным безразличием со стороны ГУЛАГА к технике безопасности на шахтах. Людей, которые работали при 30–40-градусных морозах и заполярных ветрах, кормили неизменно пищей заключенных, вошедшей в историю Советской власти, — пресловутой баландой. Это хлебово представляло собою бурду из воды с картошкой, кормовой свеклой, луком, капустой. Все это варено было настолько обезжирено, что заключенные «охотились» за каждой каплей жиринки льняного масла, попадающей в их миску. Правда, для разнообразия «меню» раза два в неделю давали полужидкое картофельное пюре или овсяную, реже просынную кашу. И тоже полностью обезжиренные, только политые той же баландой. Да и откуда могла быть иная кормежка на Воркуте, если все овощи, предназначенные для лагерей, привозились из Кировской, Пермской и других областей навалом в простых товарных вагонах. Так что уже на Воркуту они доходили подмороженными, а по привозе в сами лагеря все это сваливалось в большие кучи, прикрывалось тряпьем — старыми одеялами, бушлатами, телогрейками — и так «хранилось»: летом — под дождем, зимой — на морозе.

Прямых следствием плохого питания в спецлагерях Воркуты были массовые заболевания, особенно свирепствовали дистрофия и цинга, косившие заключенных во время войны и вплоть до 1948 года. В результате только этих двух болезней начальство спецлагерей и шахт вынуждено было «списывать» с подземных работ столько заключенных, что к концу сороковых годов это положение встревожило даже таких «человеколюбив», как начальники лагерей и старшие оперуполномоченные.

Не проходило дня, чтобы в бараке не умирали эки. По существующим правилам, староста барака обязан был немедленно сообщать об этом на вахту дежурному офицеру. Но этого не делалось, и покойник оставался на своем месте на нарах, прикрытый с головой одеялом, номерным бушлатом и телогрейкой. А на утренней и вечерней поверках принципному надзирателю докладывали, что такой-то сильно болен и встать на ноги не может. Делалось это из-за липких порций хлеба, обедов и ужинов, «полагавшихся» на покойников.

В связи с большой смертностью в спецлагерях Воркуты в эти годы появились особые бригады могильщиков. Бригады их, получив «рабочие наряды» от дежурных офицеров, являлись со своими бригадниками в бараки, забирали трупы, переносили их в лагерные морги. Когда скапливалось достаточное количество трупов для братской могилы, бригада приступала к своей основной работе. Работа эта была ночная. Окруженная конвоем, снабженная шахтерскими аккумуляторами (в месяцы полярной ночи), бригада выходила в тундру, где владее от лагерной зоны рылась, а вернее, долбилась в вечной мерзлоте ломами и кирками большая, но не глубокая братская могила. Это было за зоной.

А тем временем другая часть могильщиков в зоне под руководством старшего надзирателя выносила трупы из морга и по его же указанию укладывала покойников так, чтобы головы их были к задней части саней или телеги, а ноги — к передней. После такой аккуратной укладки трупов старший надзиратель подходил к их ногам, на которых уже подвешены деревянные бирки и на них черной масляной краской написаны личные лагерные «тавро» каждого мертвеца. Сверив бирки с имевшимся у него в руках списком захороняемых, надзиратель садится рядом с возчиком-эзком и подвозит покойников к вахте, где их ожидает уже дежурный по лагерю офицер. И здесь совершается следующий акт дикого ритуала по вывозу мертвых заключенных из зоны спецлагеря. Теперь к саням подходит дежурный офицер со списком умерших, сверяет его со списком старшего

надзирателя. После этого подает знак, и из вахты выходит «натренированный» надзиратель с железным молотком на длинной деревянной ручке и приступает к своей «работе»: подходит к каждому труп и наносит два удара по черепу. Только после этого дежурный офицер приказывает открыть ворота лагеря, и «похоронная процессия» под конвоем двигается в тундру к месту захоронения. Бригада заключенных-могильщиков снимает с саней или телеги покойника за покойником и по указанию надзирателя укладывает их в яме штабелем, как дрова. И можно себе представить, с каким чувством они засыпали в братской могиле своих товарищей. На этом кончилось их безропкое повиновение торпашему надзирателю. Могильщики возводили возможно более высокие холмики над могилой, становились вокруг и молились, не обращая внимания на ожидающих их конвоиров и старшего лагерного надзирателя. Лишь после такого «произвольного» ритуала над останками своих товарищей бригада могильщиков возвращалась в зону.

В 1952 году в спецлагерях Воркуты массы заключенных в вольном отношении созрели для решительной борьбы. Достаточно было малейшего внешнего толчка — и лагерная Воркута «встала бы на дыбы». Но произошло событие, которое изменило дальнейший ход жизни. Появились надежды на скорое освобождение без борьбы и без неизбежных при этом жертв.

Таким событием явилась смерть Сталина. Когда же ранним утром 6 марта по радио было официально сообщено о смерти Сталина (а на Воркуте в это время года темная полярная ночь), — все заключенные, даже спавшие после ночных смен, выпалили во дворы. И только одно слово несло из зон: «Свобода, свобода!» Часовые на вышках, видимо, получив соответствующее указание, вели себя спокойно.

С первых же недель после смерти тирана в спецлагерях начали проводиться определенные изменения, которые, по замыслу новых советских властей, должны были бы нейтрализовать возможные акции со стороны заключенных. В этих же целях в середине марта во всех спецлагерях Воркуты были развешены оповещения начальников лагерей о том, что с сего числа заключенным разрешено посылать прошения во все судебные инстанции Советского Союза и в КГБ о пересмотре их дел.

Сразу же после смерти Сталина заключенных охватила эйфория, убеждение в скором освобождении. Но уже в первой половине марта как ушат холодной воды был воспринят Указ Верховного Совета СССР об амнистии заключенным: он относился только к осужденным по уголовным статьям и не распространялся на 58 статью УК РСФСР и аналогичные ей статьи уголовных кодексов союзных республик. То есть не распространялся на заключенных спецлагерей. Это предвещало грозу в Воркутинских лагерях. Оставалась еще надежда на ответы на посланные в Москву прошения о пересмотре дел, особенно приговоров ОСО. Но и эти надежды таяли со временем. Проходил месяц за месяцем, а из Москвы ни ответа ни привета на сотни тысяч прошений, посланных заключенными в Генеральную прокуратуру СССР, в Верховный суд, в КГБ.

Именно тогда, к середине 1953 года, в спецлагерях Воркуты создались все предпосылки к прямой борьбе заключенных за свое освобождение. Борьба эта началась во второй половине июля. Развернулась она в форме всеобщей забастовки заключенных, т.е. в поголовном отказе их от выхода на работы, в том числе и на шахты, которые по технологическим особенностям не могут быть остановлены более чем на один-два суток. Особо следует отметить, что забастовка началась почти одновременно во всех спецлагерях Воркуты.

Первыми вступили в борьбу 20 июля заключенные спецлагеря при шахте № 7, затем забастовки, как лесной пожар, начали охватывать один лагерь за другим. В каждом из них уже были созданы забастовочные комитеты, которые и взяли в свои руки руководство забастовкой в каждом из спецлагерей Воркуты.

Единственным крупным инцидентом во время этой забастовки явился расстрел во время при шахте № 29, который был спрово-

цирован не заключенными, а Генеральным прокурором СССР Руденко, прибывшим на Воркуту во главе специальной комиссии для расследования причин забастовки. Этот инцидент имеет, во-первых, определенное историческое значение и, во-вторых, сыграл в то время большую роль в ходе последовавших переговоров московской комиссии с забастовочными комитетами во всех других спецлагерях Воркуты. Руденко, прибыв на Воркуту в сопровождении командующего войсками МВД генерал-полковника Масленникова, начал свое «расследование» спецлагеря при шахте № 29. Заключенные, оповещенные начальником лагеря о прибытии московской комиссии, высыпали из всех барак во двор — в надежде, конечно, узнать ответы на посланные в Москву 3–4 месяца назад прошения о пересмотре их дел. Вместо этого они услышали властный приказ: «Немедленно прекратить саботаж! Завтра же с утра всем выйти на работы. Не вышедшие на работу будут отданы под суд и приговорены к строжайшим наказаниям». Совершенно естественной реакцией возмущенной толпы заключенных на эти угрозы Руденко были выкрики: «Ты нас не пугай, прокурор. А на работу не пойдем, пока не получим ответов на посланные прошения о пересмотре наших дел». Ответной реакцией Руденко был повторный приказ: «Разойдись по баракам!» — что еще больше подлило масла в огонь. Из толпы в адрес Генерального прокурора понеслась площадная брань. Что в лагерных условиях вполне естественно. В общем, из-за принятой начальством тактики запугивания обстановка в лагере достигла такого накала, что Руденко с генералом Масленниковым буквально выбежали из зоны. И через считанные минуты после этого... на сторожевых вышках появились пулеметы, направленные в сторону лагеря, двор которого был заполнен возмущенными заключенными. И без всякого предупреждения по этой массе базоружных людей с одной стороны вышек застрочил пулемет. Двор лагеря покрылся убитыми.

Но бойня происходила не только здесь. Оказалось, что в общей толпе заключенных находились и сектанты. Увидев на вышках пулеметы, они тут же покинули двор лагеря и направлись в садик вблизи вахты, где начали молиться о предотвращении беды. В это время стоявший на вышке краснопогонник, видевший молящихся на коленях заключенных, открыл по ним пулеметный огонь. Прибежавшие из расположенного рядом стационара врачи-заключенные и «вольняшки»-медсестры обнаружили в беседе более десяти убитых и около тридцати раненых сектантов. По определению врачей стационара, общее число жертв в спецлагере при шахте № 29 составило более сорока убитых и 134 госпитализированных раненых.

Все это произошло 1 августа 1953 года, т.е. через пять месяцев после смерти Сталина, при новых руководителях партии и правительства. Прямыми виновниками этого преступления были: Генеральный прокурор СССР Руденко и командующий войсками МВД генерал-полковник Масленников.

После этой кровавой бойни Руденко больше не появлялся ни в одном другом спецлагере. Все дальнейшие переговоры с забастовочными комитетами повел его заместитель Барский.

3 августа, через два дня после расстрела, Барский в сопровождении начальника Главного Управления Воркутинскими лагерями генерала Деревянского прибыл в спецлагерь при шахте № 4. Патруль забастовочного комитета, дежуривший внутри зоны у ворот лагеря, не пропустил их в зону, а послал одного из патрульных сообщить о прибытии руководителю забастовочного комитета Доброштану, находившемуся все это время в помещении штаба лагеря. Игорь Доброштан вышел на высокий помост штаба и дал знак — пропустить.

Доброштан был заключенным-шахтером. В руководителе забастовочного комитетом молодого киевлянина выдвинула существовавшая в лагере конспиративная организация бандеровцев. Кандидатуру поддержали все руководители национальных групп, а затем и все заключенные. Шесть лет тому назад Игорь Доброштан, тогда студент авиационного института, был послан на преддипломную практику на один из самолетостроитель-

ных заводов США. По возвращении с практики его арестовали, и, «как и полагалось», ОСО приговорило его к десяти годам заключения в лагерях строгого режима. И вот он уже более пяти лет вкалывает забойщиком на шахте № 4 на Воркуте.

Итак, Барский, генерал Деревянский, начальник лагеря полковник Жилин и с ними старший оперуполномоченный вошли в зону лагеря. Прямо с вахты они направились в штаб лагеря, где их на крыльце встретил Доброштан и двое членов забастовочного комитета. Переговоры в штабе, к удивлению собравшихся эзков, были очень короткими. Объяснилось это тем, что Барский тут же взял инициативу в свои руки. Он заявил Доброштану, что московская комиссия хочет знать о требованиях заключенных не от забастовочного комитета, а от самих заключенных. Для этого он предложил Доброштану найти подходящее в зоне место, где смогло бы собраться максимум заключенных. Доброштан тут же назвал такое место — футбольное поле. Барский, не задумываясь, с этим согласился. В течение каких-нибудь полчаса футбольное поле было заполнено до отказа. Не только само поле и окружающие его «трибуны», но и крыши всех ближайших барак.

Собрание открывает генерал Деревянский. Дает рукой знать, чтобы успокоились. После чего объявляет, что в лагерь прибыл заместитель Генерального прокурора СССР товарищ Барский, чтобы на месте ознакомиться с требованиями заключенных. Поднимается Барский. Внешне это типичный русский интеллигент времен дореволюционной России. И одет-то он как-то не по-советски: широкополая фетровая шляпа, из-под которой виднелись длинные, как это было в моде у демократической интеллигенции, волосы. С лица Барского не сходила улыбка, обращенная к тысячной аудитории. Уже все это как-то располагало к нему оптимистически настроенную часть заключенных.

Начал он свое выступление с признания, что «в период культа личности» (самой «личности» он не называл) в стране имели место нарушения законности, в результате чего в лагерях Советского Союза содержится множество незаконно осужденных. Несомненно, есть таковые и в этом лагере. Теперь, продолжал Барский, партия и правительство полны решимости покончить с прошлым незаконием. Для этого в настоящее время Генеральная прокуратура СССР и Верховный суд СССР приступили к рассмотрению поступивших к ним жалоб заключенных, сидящих в лагерях, на незаконное их осуждение, на пытки, примененные во время следствий, и т.п. И вот теперь предстоит рассмотреть многие сотни таких жалоб, поступивших из всех лагерей Советского Союза. Над рассмотрением их работают сейчас сотни следователей, вызванных в Москву из разных областей страны. Барский заверил слушающих его заключенных, что работа продвигается быстро. Нужно лишь еще немного потерпеть. В заключение он сказал, что по возвращении в Москву он лично проверит, как продвигаются дела с рассмотрением жалоб в Верховный суд СССР и КГБ. Для большей убедительности Барский добавил, что он уже дал указание спецчасти лагеря дать ему список заключенных, которые послали жалобы во все судебные инстанции. И, наконец, заявил: те из присутствующих, кто пожелает поговорить с ним лично, конкретно по делу, могут прийти в штаб лагеря, где он будет находиться еще два-три часа.

Такая тактика Барского, в отличие от поведения Руденко, в целом подействовала на заключенных явно успокаивающе. Генерал Деревянский закрыл собрание, и весь «президиум» — начальство и забастовочный комитет — направился в штаб лагеря. За ними потянулся и длинный хвост заключенных. Через считанные минуты из штаба вышел забастовочный комитет, и Доброштан объявил, что забастовка кончается, по договоренности с Барским с завтрашнего утра все выходят на работы.

Так в спецлагере при шахте № 4 протекала и завершилась забастовка заключенных, продолжавшаяся десять дней — до 3 августа 1953 года. Почти в тот же день закончилась забастовка и во всех спецлагерях Воркуты, заключенные которых добились удовлетворения своих требований о пересмотре дел.

МАРК ФРЭНКЛЕНД. Кто вы, прежний Вацлав Хавел—драматург или же события заставили вас полностью превратиться в Вацлава Хавела—общественного деятеля?

ВАЦЛАВ ХАВЕЛ. Если в вопросе речь идет о том, кем я сам себя считаю, то должен ответить однозначно: я, как и прежде, считаю себя тем же, кем считал на протяжении последних 30 лет, а именно: писателем и драматургом. Если речь идет о том, что отнимает у меня значительную часть времени, то должен сказать, что все активнее занимаюсь гражданской и общественной деятельностью. Многим жителям Чехословакии я известен скорее как гражданин, чем как писатель.

ВОПРОС: Ваши отец и дед до прихода коммунистов к власти в Чехословакии были известными архитекторами, строителями и предпринимателями. Существует ли какая-нибудь связь между этим фактом и тем человеком, которым вы сейчас являетесь? Возможно, она выражается в недовольстве по поводу привилегий, которыми вы пользовались в вашем благополучном детстве?

ОТВЕТ: Лишь по прошествии многих лет я задумался о том влиянии, которое оказало на меня так называемое «буржуазное происхождение».

Я бы сказал, что оно, как ни парадоксально, сильно повлияло на мою творческую активность. Когда я был молод и пользовался преимуществами своего происхождения, мне казалось, что привилегии унижают меня. Существовал некий барьер между мной и социальной средой, поэтому мне очень хотелось быть наравне с другими.

Обстоятельства сразу изменились после прихода к власти коммунистов. Мне было тогда 12 лет, и с тех пор меня преследуют за происхождение, во всяком случае, выдвигают публичные обвинения. Но я относился к нему одинаково: и когда оно служило источником привилегий, и когда превратилось в источник страданий и бед.

ВОПРОС: Ваш друг Адам Михник, входящий в мозговой трест «Солидарности», как-то сказал, что мир «Хартии—77» напоминает ему мир ранних христиан, живших в катакомбах. Почему чехословацкая оппозиция носит скорее моральный, нежели политический характер? Не настала ли пора чаще задумываться над политическими программами?

ОТВЕТ: Предпосылка всего политического—мораль.

На деле политика должна стать этикой, перенесенной в практическую плоскость. Любой вызов Системе должен начинаться с морального вызова. Это означает занять моральную позицию исходя не из практических целей, когда надеются на политические дивиденды, а из принципов. Естественно, такая позиция может принести политические дивиденды. А может и не принести...

ВОПРОС: Вы написали, что «безразличие и уход в себя» —наихудшие проявления кризиса личности. Служат ли эти слова, кроме прочего, особым предупреждением соотечественникам?

ОТВЕТ: Я хотел бы провести различие между «страхом» и «уходом в себя». Всякий, у кого есть душа, испытывает страх. Это естественно. Одни могут более решительно бороться с ним, другие менее решительно, но это черта человеческой природы. Уход в себя—нечто иное. Когда я писал о нем из тюрьмы, то рассматривал его как умонастроение, как состояние духа, когда жизнь теряет смысл. Меня подвел к этому опыт общения с сокамерниками, наиболее интеллектуально развитыми из них, которые приходили к выводу, что жизнь, все вокруг лишены смысла.

Я характеризовал это состояние как одну из форм человеческого существования, но оно может оказать практическое влияние и на состояние общества.

ВОПРОС: Когда-то вы предсказали, что выйдете из тюрьмы «либо покрытым шрамами, либо обогатенным». Знаете ли вы теперь, каким именно вы вышли?

НЕОБХОДИМОСТЬ НАДЕЖДЫ

Вацлаву Хавелу 52 года. Он—известный драматург, один из основателей чешского движения за права человека «Хартия—77».

Мы уже сообщали, что в марте этого года Исполком МАДПР, заседавший в Праге, обратился к президенту ЧССР с просьбой об освобождении Вацлава Хавела из заключения. Вскоре он был освобожден.

Предлагаем нашим читателям фрагменты из интервью, данного Хавелом корреспонденту лондонского «Обзервер» Марку Фрэнкленду.

ОТВЕТ: Не мне решать, но у меня ощущение, что и тем, и другим... Влияние тюремного заключения на человека—проблема крайне сложная. Я познал это на опыте четырех сроков, а также слышал рассказы друзей, побывавших в тюрьме.

ВОПРОС: Как вы переносили тюрьму?

ОТВЕТ: Должен сказать, что я пользовался—такое, кстати, было и с несколькими моими друзьями, тоже политзаключенными—большим авторитетом среди сокамерников и уважением среди тюремщиков. Ограниченные люди склонны все упрощать. На протяжении 18 месяцев я находился в одном лагере с Вацлавом Бендой и Иржи Динстбиером (оба, как и Хавел, руководят «Хартией»). Другие заключенные считали нас посаженными за правду. Наш авторитет, однако, не возник автоматически. Он зависел от обстоятельств. Во многом и от поведения. Другие заключенные считали, что я выше их, но причиной такого подхода было то обстоятельство, что я воспринял их как себе равных и относился к ним соответственно. Но если бы я продемонстрировал свое превосходство, то очень жестоко пострадал бы за это.

ВОПРОС: Вы писали, что во время первого тюремного срока вы были «напуганы до безумия». Стало ли сколько-нибудь легче с тех пор?

ОТВЕТ: Странное дело. Иногда возникает ощущение—довольно-таки абсурдное,—что мое место там, что сюда, на свободу, я как бы пришел в гости. Мне кажется, это одна из загадочных отметин, оставленных тюрьмой.

ВОПРОС: Отличалось ли чем-нибудь ваше последнее пребывание в тюрьме от предыдущих?

ОТВЕТ: На сей раз у меня была жизнь привилегированного узника. Если сравнивать с предыдущими сроками, когда я был наиболее преследуемым из всех преследуемых, то разница огромная. Иногда тюремщики сообщали мне, что находятся на моей стороне, что не они меня арестовали и что, как им кажется, я это понимаю.

ВОПРОС: Каковы главные направления вашей оппозиционной деятельности?

ОТВЕТ: Я неоднократно указывал правящим властям—последний раз во время недавнего пребывания в тюрьме,—что они должны понять следующее: люди, собравшиеся вокруг «Хартии», есть их последний шанс провести мирный диалог, и если они этот шанс упустят, на них сразу нападут фундаменталисты.

ВОПРОС: Нет ли каких-нибудь признаков компромисса?

ОТВЕТ: Когда в прошлом месяце сюда нагрянули полицейские со строгим «последним» предупреждением, суровая маска на лицах, которая была в начале разговора, постепенно растаяла. Возможно, я этому поспособствовал. Позже они сказали, что им казалось, что я, как драматург, хочу, чтобы мои пьесы шли в театрах, и, следовательно, должен быть осторожным в моей общественной деятельности.

Я не смог удержаться от смеха. Это была огромная уступка с их стороны, ибо двадцать лет подряд они говорили, что я вообще не писатель, предал родину и не имею права печататься, что пишу я мало, а если и пишу, то одну дрянь, если мои пьесы и ставят на Западе, то только потому, что театрам приказали их поставить так называемые «центры империализма».

Но ситуация осложняется тем, что мои пьесы идут и в ряде социалистических стран. Очень трудно заподозрить одного из зрителей, который аплодировал на недавней премьеры моей пьесы в Варшаве, а именно теперь уже бывшего премьер-министра Польши Мечислава Раковского* в том, что он—агент империализма.

ВОПРОС: У вас не возникло желания все бросить?

ОТВЕТ: Я часто расстраиваюсь, иногда меня даже охватывает отчаяние, но оно никогда не проявляется как желание прекратить борьбу. Я делаю то, что мне подсказывает совесть.

ВОПРОС: Какой период вашей жизни был наиболее счастливым?

ОТВЕТ: Шестидесятые годы, когда я имел возможность работать в маленьком театре над вещами, которые отражали мои эстетические принципы, которые вызвали у меня желание работать. Из моих 58 лет было всего семь, когда я мог здесь официально печататься...

ВОПРОС: Вы указывали, что люди, которые не теряют надежду и веру в жизнь, никогда не закончат плохо. Не слишком ли это оптимистично звучит в применении к европейскому писателю конца нынешнего века?

ОТВЕТ: Я всегда провожу четкую грань между надеждой и оптимизмом. Оптимист считает, что все изменится в лучшую сторону. Пессимист считает, что все изменится в худшую сторону. Я не знаю, в какую сторону все изменится. Именно поэтому и не оптимист и не пессимист. Во мне живет надежда, непохожая ни на оптимизм, ни на пессимизм, ибо и то и другое является своего рода прогнозом на будущее. А надежда—это состояние духа. Состояние, без которого жизнь утрачивает всякий смысл. Если я хочу жить, я должен надеяться.

Перевел Г. О. ВАСИЛЬЕВ

* Ныне М. Раковский—первый секретарь ЦК ПОРП.

Главный редактор
ЮЛИАН СЕМЕНОВ

Первый заместитель главного редактора
АЛЕКСАНДР ПЛЕШКОВ
Редакционный совет:
МАЙК АНДЕРЛЕ, писатель (Австрия)
АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ, писатель (Москва, СССР)
КАРЛ АРНЕ БЛОМ, писатель (Швеция)
АЛОИЗ БРЕНЧ, режиссер (Рига, СССР)
АРКАДИЙ ВАЙНЕР, писатель (Москва, СССР)
МИКОЛА ВИНГРАНОВСКИЙ, кинорежиссер (Киев, СССР)
ГЕОРГИЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ, адвокат (Москва, СССР)
ДАНА ГЕНРИ, судья Верховного суда (США)
ТАТЬЯНА КОРЯГИНА, доктор экономических наук (Москва, СССР)
АТАНАС МАНТАДЖИЕВ, писатель (Болгария)
АЛЕКСАНДР МЕНЬ, протоиерей (Загорск, СССР)
ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН, начальник Уголовного розыска (Москва, СССР)
ВАЛЕРИЙ САВИЦКИЙ, доктор юридических наук (Москва, СССР)
ЕВГЕНИЯ СТОЯНОВСКАЯ, публицист (Москва, СССР)
ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ, писатель, народный депутат СССР (Алма-Ата, СССР)
РАФАЭЛЬ Р. ЭРРЕДИА, писатель (Мексика)

Коллегия:
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ, заместитель главного редактора
АРТЕМ БОРОВИК, обозреватель
ТРИСТАН ДЕЛ, собственный корреспондент (США)
ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ, обозреватель
ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ, обозреватель
ИШТВАН НЕМЕТ, собственный корреспондент (Венгрия)
МИКАЭЛ ТАРИВЕРДИЕВ, композитор (Москва, СССР)
МИЛАН ЧОЛИЧ, собственный корреспондент (Югославия)
МИХАИЛ ШЕСТОПАЛ, Главный художник

Оформление номера
ВЛАДИМИРА ПОМОЧИЛИНА и **МИХАИЛА ШЕСТОПАЛА**
Технический редактор
ТАТЬЯНА КОЙРАНСКАЯ
Корректор
ТАТЬЯНА БУЧА

В очередных номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Во что обходятся секреты — мнение ученого-экономиста

«ИЗ ЗАПИСОК ЛГУНА» — Станислав Токарев о секретах «большого спорта»

В одной камере с бериевцами — свидетельства очевидца

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
детективного и политического
романа

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, АПН
Московская штаб-квартира
МАДПР
Бюллетень «Совершенно
секретно»
тел. 201-44-16, 291-98-62,
Телекс 411323 Факс: 2302170

Подписано к печати 21.09.89 г.
А 11025

Отпечатан типографией
«Восточно-Сибирская правда».
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10